

Александр Сергеевич Пушкин

Поэмы, сказки

**Пушкин Александр
Сергеевич
Поэмы, сказки**

Александр Сергеевич Пушкин

Поэмы, сказки

(Версия 1.4 от 30 января 2001 г.)

Поэмы

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

ПОСВЯЩЕНИЕ

Для вас, души моей царицы, Красавицы,
для вас одних Времен минувших небылицы,
В часы досугов золотых, Под шепот старины
болтливой, Рукою верной я писал; Примите ж
вы мой труд игривый! Ничьих не требуя по-
хвал, Счастлив уж я надеждой сладкой, Что
дева с трепетом любви Посмотрит, может
быть украдкой, На песни грешные мои. У лу-
коморья дуб зеленый; Златая цепь на дубе
том: И днем и ночью кот ученый Все ходит по
цепи кругом; Идет направо - песнь заводит,
Налево - сказку говорит.

Там чудеса: там леший бродит, Русалка на
ветвях сидит; Там на неведомых дорожках
Следы невиданных зверей; Избушка там на
курьих ножках Стоит без окон, без дверей;
Там лес и дол видений полны; Там о заре при-
хлынут волны На брег песчаный и пустой, И
тридцать витязей прекрасных Чредой из вод

выходят ясных, И с ними дядька их морской;
Там королевич мимоходом Пленяет грозного
царя; Там в облаках перед народом Через ле-
са, через моря Колдун несет богатыря; В тем-
нице там царевна тужит, А бурый волк ей
верно служит; Там ступа с Бабою Ягой Идет,
бредет сама собой; Там царь Кащей над злат-
том чахнет; Там русской дух... там Русью пах-
нет! И там я был, и мед я пил; У моря видел
дуб зеленый; Под ним сидел, и кот ученый
Свои мне сказки говорил. Одну я помню: сказ-
ку эту Поведаю теперь я свету...

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Дела давно минувших дней, Преданья ста-
рины глубокой.

В толпе могучих сыновей, С друзьями, в
гряднице высокой Владимир-солнце пиро-
вал; Меньшую дочь он выдавал За князя храб-
рого Руслана И мед из тяжкого стакана За их
здоровье выпивал. Не скоро ели предки на-
ши, Не скоро двигались кругом Ковши, сереб-
ряные чаши С кипящим пивом и вином. Они
веселье в сердце лили, Шипела пена по кра-
ям, Их важно чашники носили И низко кла-
нялись гостям.

Слилися речи в шум невнятный; Жужжит гостей веселый круг; Но вдруг раздался глас приятный И звонких гуслей беглый звук; Все смолкли, слушают Баяна: И славит сладостный певец Людмилу-прелесть, и Руслана, И Лелем свитый им венец.

Но, страстью пылкой утомленный, Не ест, не пьет Руслан влюбленный; На друга милого глядит, Вдыхает, сердится, горит И, щипля ус от нетерпенья, Считает каждые мгновенья. В унынье, с пасмурным челом, За шумным, свадебным столом Сидят три витязя молодые; Безмолвны, за ковшом пустым, Забыты кубки круговые, И брашна неприятны им; Не слышат вещего Баяна; Потупили смущенный взгляд: То три соперника Руслана; В душе несчастные таят Любви и ненависти яд. Один - Рогдай, воитель смелый, Мечом раздвинувший пределы Богатых киевских полей; Другой - Фарлаф, крикун надменный, В пирах никем не побежденный, Но воин скромный средь мечей; Последний, полный страстной думы, Младой хазарский хан Ратмир: Все трое бледны и угрюмы, И пир веселый им не в пир.

Вот кончен он; встают рядами, Смешались шумными толпами, И все глядят на молодых: Невеста очи опустила, Как будто сердцем приуныла, И светел радостный жених. Но тень объемлет всю природу, Уж близко к полночи глухой; Бояре, задремав от меду, С поклоном убрались домой. Жених в восторге, в упоенье: Ласкает он в воображенье Стыдливой девы красоту; Но с тайным, грустным умилением Великий князь благословеньем Дарует юную чету.

И вот невесту молодую Ведут на брачную постель; Огни погасли... и ночную Лампаду зажигает Лель. Свершились милые надежды, Любви готовятся дары; Падут ревнивые одежды На цареградские ковры... Вы слышите ль влюбленный шепот, И поцелуев сладкий звук, И прерывающийся ропот Последней робости?.. Супруг Восторги чувствует заране; И вот они настали... Вдруг Гром грянул, свет блеснул в тумане, Лампада гаснет, дым бежит, Кругом все смерклось, все дрожит, И замерла душа в Руслане... Все смолкло. В грозной тишине Раздался дважды голос странный, И кто-то в дымной глубине Взвился чер-

нее мглы туманной... И снова терем пуст и тих; Встает испуганный жених, С лица катится пот остывший; Трепеща, хладною рукой Он вопрошает мрак немой... О горе: нет подружки милой! Хватает воздух он пустой; Людмилы нет во тьме густой, Похищена безвестной силой.

Ах, если мученик любви Страдает страстью безнадежно, Хоть грустно жить, друзья мои, Однако жить еще возможно. Но после долгих, долгих лет Обнять влюбленную подружку, Желаний, слез, тоски предмет, И вдруг минутную супругу Навек утратить... о друзья, Конечно лучше б умер я!

Однако жив Руслан несчастный. Но что сказал великий князь? Сраженный вдруг молвой ужасной, На зятя гневом распался, Его и двор он созывает: "Где, где Людмила?" - вопрошает С ужасным, пламенным челом. Руслан не слышит. "Дети, други! Я помню прежние заслуги: О, жальтесь вы над стариком! Скажите, кто из вас согласен Скакать за дочерью моей? Чей подвиг будет не напрасен, Тому - терзайся, плачь, злодей! Не мог сберечь жены своей! Тому я дам ее в супруги С полцарством

прадедов моих. Кто ж вызовется, дети, други?.." "Я!" - молвил горестный жених. "Я! я!" - воскликнули с Рогдаем Фарлаф и радостный Ратмир: "Сейчас коней своих седлаем; Мы рады весь изъездить мир. Отец наш, не продлим разлуки; Не бойся: едем за княжной". И с благодарностью немой В слезах к ним протирает руки Старик, измученный тоской.

Все четверо выходят вместе; Руслан уныньем как убит; Мысль о потерянной невесте Его терзает и мертвит. Садятся на коней ретивых; Вдоль берегов Днепра счастливых Летят в клубящейся пыли; Уже скрываются вдали; Уж всадников не видно боле... Но долго все еще глядит Великий князь в пустое поле И душой им вослед летит.

Руслан томился молчаливо, И смысл и память потеряв. Через плечо глядя спесиво И важно подбочась, Фарлаф, Надувшись, ехал за Русланом. Он говорит: "Насилу я На волю вырвался, друзья! Ну, скоро ль встречусь с великаном? Уж то-то крови будет течь, Уж то-то жертв любви ревнивой! Повеселись, мой верный меч, Повеселись, мой конь ретивый!"

Хазарский хан, в уме своем Уже Людмилу

обнимая, Едва не пляшет над седлом; В нем кровь играет молодая, Огня надежды полон взор: То скачет он во весь опор, То дразнит бегуна лихого, Кружит, подьемлет на дыбы Иль дерзко мчит на холмы снова.

Рогдай утрюм, молчит - ни слова... Страхась неведомой судьбы И мучась ревностью напрасной, Всех больше беспокоен он, И часто взор его ужасный На князя мрачно устремлен.

Соперники одной дорогой Все вместе едут целый день. Днепра стал темен брег отлогий; С востока льется ночи тень; Туманы над Днепром глубоким; Пора коням их отдохнуть. Вот под горой путем широким Широкий пересекся путь. "Разъедемся, пора! - сказали, Безвестной вверимся судьбе". И каждый конь, не чуя стали, По воле путь избрал себе.

Что делаешь, Руслан несчастный, Один в пустынной тишине? Людмилу, свадьбы день ужасный, Все, мнится, видел ты во сне. На брови медный шлем надвинув, Из мощных рук узду покинув, Ты шагом едешь меж полей, И медленно в душе твоей Надежда гибнет, гаснет вера.

Но вдруг пред витязем пещера; В пещере свет. Он прямо к ней Идет под дремлющие своды, Ровесники самой природы. Вошел с уныньем: что же зрит? В пещере старец; ясный вид, Спокойный взор, брада седая; Лампада перед ним горит; За древней книгой он сидит, Ее внимательно читая. "Добро пожаловать, мой сын! Сказал с улыбкой он Руслану. Уж двадцать лет я здесь один Во мраке старой жизни вяну; Но наконец дождался дня, Давно предвиденного мною. Мы вместе сведены судьбою; Садись и выслушай меня. Руслан, лишился ты Людмилы; Твой твердый дух теряет силы; Но зла промчится быстрый миг: На время рок тебя постиг. С надеждой, верою веселой Иди на все, не унывай; Вперед! мечом и грудью смелой Свой путь на полночь пробивай.

Узнай, Руслан: твой оскорбитель Волшебник страшный Черномор, Красавиц давний похититель, Полнощных обладатель гор. Еще ничей в его обитель Не проникал донныне взор; Но ты, злых козней истребитель, В нее ты вступишь, и злодей Погибнет от руки твоей. Тебе сказать не должен боле: Судьба твоих

грядущих дней, Мой сын, в твоей отныне воле".

Наш витязь старцу пал к ногам И в радости лобзает руку. Светлеет мир его очам, И сердце позабыло муку. Вновь ожил он; и вдруг опять На вспыхнувшем лице кручина... "Ясна тоски твоей причина; Но грусть не трудно разогнать, Сказал старик, - тебе ужасна Любовь седого колдуна; Спокойся, знай: она напрасна И юной деве не страшна. Он звезды сводит с небосклона, Он свистнет - задрожит луна; Но против времени закона Его наука не сильна. Ревнивый, трепетный хранитель Замков безжалостных дверей, Он только немощный мучитель Прелестной пленницы своей. Вокруг нее он молча бродит, Клянет жестокий жребий свой... Но, добрый витязь, день проходит, А нужен для тебя покой".

Руслан на мягкий мох ложится Пред умирающим огнем; Он ищет позабыться сном, Вздыхает, медленно вертится... Напрасно! Витязь наконец: "Не спится что-то, мой отец! Что делать: болен я душою, И сон не в сон, как тошно жить. Позволь мне сердце освежить

Твоей беседою святою. Прости мне дерзостный вопрос. Откройся: кто ты, благодатный, Судьбы наперсник непонятный? В пустыню кто тебя занес?"

Вздыхнув с улыбкою печальной, Старик в ответ: "Любезный сын, Уж я забыл отчизны дальней Угрюмый край. Природный финн, В долинах, нам одним известных, Гоняя стадо сел окрестных, В беспечной юности я знал Одни дремучие дубравы, Ручьи, пещеры наших скал Да дикой бедности забавы. Но жить в отрадной тишине Дано не долго было мне.

Тогда близ нашего селенья, Как милый цвет уединенья, Жила Наина. Меж подруг Она гремела красотою. Однажды утренней порою Свои стада на темный луг Я гнал, во-лынку надувая; Передо мной шумел поток. Одна, красавица младая На берегу плела венки. Меня влекла моя судьбина... Ах, витязь, то была Наина! Я к ней - и пламень роковой За дерзкий взор мне был наградой, И я любовь узнал душой С ее небесною отрадой, С ее мучительной тоской.

Умчалась года половина; Я с трепетом открылся ей, Сказал: люблю тебя, Наина. Но

робкой горести моей Наина с гордостью внимала, Лишь прелести свои любя, И равнодушно отвечала: "Пастух, я не люблю тебя!"

И все мне дико, мрачно стало: Родная куща, тень дубров, Веселы игры пастухов Ничто тоски не утешало. В уныньи сердце сохло, вяло. И наконец задумал я Оставить финские поля; Морей неверные пучины С дружиной братской переплыть И бранной славой заслужить Вниманье гордое Наины. Я вызвал смелых рыбаков Искать опасностей и злата. Впервые тихий край отцов Услышал бранный звук булата И шум немирных челноков. Я вдаль уплыл, надежды полный, С толпой бесстрашных земляков; Мы десять лет снега и волны Багрили кровию врагов. Молва неслась: цари чужбины Страшились дерзости моей; Их горделивые дружины Бежали северных мечей. Мы весело, мы грозно бились, Делили дани и дары, И с побежденными сядились За дружелюбные пиры. Но сердце, полное Наиной, Под шумом битвы и пиров, Томилось тайною кручиной, Искало финских берегов. Пора домой, сказал я, други! Повесим праздные кольчуги Под сенью хижины род-

ной. Сказал - и весла зашумели; И, страх оставя за собой, В залив отчизны дорогой Мы с гордой радостью влетели.

Сбылись давнишние мечты, Сбылися пылкие желанья! Минута сладкого свиданья, И для меня блеснула ты! К ногам красавицы надменной Принес я меч окровавленный, Кораллы, золото и жемчуг; Пред нею, страстью упоенный, Безмолвным роем окруженный Ее завистливых подруг, Стоял я пленником послушным; Но дева скрылась от меня, Примолвя с видом равнодушным: "Герой, я не люблю тебя!"

К чему рассказывать, мой сын, Чего переказать нет силы? Ах, и теперь один, один, Душой уснув, в дверях могилы, Я помню горесть, и порой, Как о минувшем мысль рождается, По бороде моей седой Слеза тяжелая катится.

Но слушай: в родине моей Между пустынных рыбаей Наука дивная таится. Под кровом вечной тишины, Среди лесов, в глуши далекой Живут седые колдуны; К предметам мудрости высокой Все мысли их устремлены; Все слышит голос их ужасный, Что было и

что будет вновь, И грозной воле их подвластны И гроб и самая любовь.

И я, любви искатель жадный, Решился в грусти безотрадной Наину чарами привлечь И в гордом сердце девы хладной Любовь волшебствами зажечь. Спешил в объятия свободы, В уединенный мрак лесов; И там, в ученье колдунов, Провел невидимые годы. Настал давно желанный миг, И тайну страшную природы Я светлой мыслию постиг: Узнал я силу заклинаньям. Венец любви, венец желаньям! Теперь, Наина, ты моя! Победа наша, думал я. Но в самом деле победитель Был рок, упорный мой гонитель.

В мечтах надежды молодой, В восторге пылкою желанья, Творю поспешно заклинанья, Зову духов - и в тьме лесной Стрела промчалась громовая, Волшебный вихорь поднял вой, Земля вздрогнула под ногой... И вдруг сидит передо мной Старушка дряхлая, седая, Глазами впалыми сверкая, С горбом, с трясушей головой, Печальной ветхости картина. Ах, витязь, то была Наина!.. Я ужаснулся и молчал, Глазами страшный призрак мерил, В сомненье все еще не верил И вдруг заплакал,

закричал: "Возможно ль! ах, Наина, ты ли! Наина, где твоя краса? Скажи, ужели небеса Тебя так страшно изменили? Скажи, давно ль, оставя свет, Расстался я с душой и с милой? Давно ли?.." "Ровно сорок лет, Был девы роковой ответ, Сегодня семьдесят мне било. Что делать, - мне пищит она, Толпою годы пролетели. Прошла моя, твоя весна Мы оба постареть успели. Но, друг, послушай: не беда Неверной младости утрата. Конечно, я теперь седа, Немножко, может быть, горбата; Не то, что в старину была, Не так жива, не так мила; Зато (прибавила болтунья) Открою тайну: я колдунья!"

И было в самом деле так. Немой, недвижимый перед нею, Я совершенный был дурак Со всей премудростью моею.

Но вот ужасно: колдовство Вполне свершилось по несчастью. Мое седое божество Ко мне пылало новой страстью. Скривив улыбкой страшный рот, Могильным голосом урод Бормочет мне любви признанье. Вообрази мое страданье! Я трепетал, потупя взор; Она сквозь кашель продолжала Тяжелый, страстный разговор: "Так, сердце я теперь узнала; Я

вижу, верный друг, оно Для нежной страсти
рождено; Проснулись чувства, я сгораю, Том-
люсь желаньями любви... Приди в объятия
мои... О милый, милый! умираю..."

И между тем она, Руслан, Мигала томными
глазами; И между тем за мой кафтан Держа-
лась тощими руками; И между тем - я обми-
рал, От ужаса зажмуря очи; И вдруг терпеть
не стало мочи; Я с криком вырвался, бежал.
Она вослед: "О, недостойный! Ты возмутил
мой век спокойный, Невинной девы ясны
дни! Добился ты любви Наины, И презира-
ешь - вот мужчины! Изменой дышат все они!
Увы, сама себя вини; Он обольстил меня,
несчастный! Я отдалась любви страстной...
Изменник, изверг! о позор! Но трепещи, деви-
чий вор!"

Так мы расстались. С этих пор Живу в мо-
ем уединенье С разочарованной душой; И в
мире старцу утешенье Природа, мудрость и
покой. Уже зовет меня могила; Но чувства
прежние свои Еще старушка не забыла И пла-
мя позднее любви С досады в злобу преврати-
ла. Душою черной зло любя, Колдунья старая,
конечно, Возненавидит и тебя; Но горе на

земле не вечно".

Наш витязь с жадностью внимал Рассказы старца; ясны очи Дремотой легкой не смыкал И тихого полета ночи В глубокой думе не слышал. Но день блистает лучезарный... Со вздохом витязь благодарный Объемлет старца-колдуна; Душа надеждою полна; Выходит вон. Ногами стиснул Руслан заржавшего коня, В седле оправился, присвистнул. "Отец мой, не оставь меня". И скачет по пустому лугу. Седой мудрец младому другу Кричит во след: "Счастливым путь! Прости, люби свою супругу, Советов старца не забудь!"

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Соперники в искусстве брани, Не найдите мира меж собой; Несите мрачной славе дани И упивайтесь враждой! Пусть мир пред вами цепенеет, Дивясь грозным торжествам: Никто о вас не пожалеет, Никто не помешает вам. Соперники другого рода, Вы, рыцари парнасских гор, Старайтесь не смешить народа Нескромным шумом ваших ссор; Бранитесь - только осторожно. Но вы, соперники в любви, Живите дружно, если можно! Поверьте мне, друзья мои: Кому судьбою неременной Деви-

чье сердце суждено, Тот будет мил назло все-
ленной; Сердиться глупо и грешно.

Когда Рогдай неукротимый, Глухим пред-
чувствием томимый, Оставляя спутников своих,
Пустился в край уединенный И ехал меж пу-
стынь лесных, В глубоку думу погруженный
Злой дух тревожил и смущал Его тоскующую
душу, И витязь пасмурный шептал: "Убью!..
преграды все разрушу... Руслан!.. узнаешь ты
меня... Теперь-то девица поплачет..." И вдруг,
поворотив коня, Во весь опор назад он скачет.

В то время доблестный Фарлаф, Все утро
сладко продремав, Укрывшись от лучей пол-
дневных, У ручейка, наедине, Для подкрепле-
нья сил душевных, Обедал в мирной тишине.
Как вдруг он видит: кто-то в поле, Как буря,
мчится на коне; И, времени не тратя боле,
Фарлаф, покинув свой обед, Копье, кольчугу,
шлем, перчатки, Вскочил в седло и без огляд-
ки Летит - а тот за ним вослед. "Остановись,
беглец бесчестный! Кричит Фарлафу неиз-
вестный. Презренный, дай себя догнать! Дай
голову с тебя сорвать!" Фарлаф, узнавши глас
Рогдая, Со страха скорчась, обмирал И, верной
смерти ожидая, Коня еще быстрее гнал. Так

точно заяц торопливый, Прижавши уши боязливо, По кочкам, полем, сквозь леса Скачками мчится ото пса. На месте славного побега Весной растопленного снега Потоки мутные текли И рыли влажну грудь земли. Ко рву примчался конь ретивый, Взмахнул хвостом и белой гривой, Бразды стальные закусил И через ров перескочил; Но робкий всадник вверх ногами Свалился тяжело в грязный ров, Земли не взвидел с небесами И смерть принять уж был готов. Рогдай к оврагу подлетает; Жестокий меч уж занесен; "Погибни, трус! умри!" - вещает... Вдруг узнает Фарлафа он; Смотрит, и руки опустились; Досада, изумление, гнев В его чертах изобразились; Скрыпя зубами, онемев, Герой, с поникшею главою Скорей отъехав ото рва, Бесился... но едва, едва Сам не смеялся над собою.

Тогда он встретил под горой Старушечку чуть-чуть живую, Горбатую, совсем седую. Она дорожную клюкой Ему на север указала. "Ты там найдешь его", - сказала. Рогдай веселым закипел И к верной смерти полетел.

А наш Фарлаф? Во рву остался, Дохнуть не смея; про себя Он, лежа, думал: жив ли я? Ку-

да соперник злой девался? Вдруг слышит прямо над собой Старухи голос гробовой: "Встань, молодец: все тихо в поле; Ты никого не встретишь боле; Я привела тебе коня; Вставай, послушайся меня".

Смущенный витязь поневоле Ползком оставил грязный ров; Окрестность робко озирая, Вздохнул и молвил оживая: "Ну, слава богу, я здоров!"

"Поверь! - старуха продолжала, Людмилу мудроно сыскать; Она далеко забежала; Не нам с тобой ее достать. Опасно разъезжать по свету; Ты, право, будешь сам не рад. Последуй моему совету, Ступай тихохонько назад. Под Киевом, в уединенье, В своем наследственном селенье Остаься лучше без забот: От нас Людмила не уйдет".

Сказав, исчезла. В нетерпенье Благоразумный наш герой Тотчас отправился домой, Сердечно позабыв о славе И даже о княжне молодой; И шум малейший по дубраве, Полет синицы, ропот вод Его бросали в жар и в пот.

Меж тем Руслан далеко мчится; В глуши лесов, в глуши полей Привычной думою стремится К Людмиле, радости своей, И говорит:

"Найду ли друга? Где ты, души моей супруга? Увижу ль я твой светлый взор? Услышу ль нежный разговор? Иль суждено, чтоб чародея Ты вечной пленницей была И, скорбной девою старея, В темнице мрачной отцвела? Или соперник дерзновенный Придет?.. Нет, нет, мой друг бесценный: Еще при мне мой верный меч, Еще глава не пала с плеч".

Однажды, темною порою, По камням берегом крутым Наш витязь ехал над рекою. Все утихало. Вдруг за ним Стрелы мгновенное жужжанье, Кольчуги звон, и крик, и ржанье, И топот по полю глухой. "Стой!" - грянул голос громовой. Он оглянулся: в поле чистом, Подняв копьё, летит со свистом Свирепый всадник, и грозой Помчался князь ему навстречу. "Ага! догнал тебя! постой! Кричит наездник удалой, Готовься, друг, на смертну сечу; Теперь ложись средь здешних мест; А там ищи своих невест". Руслан вспылал, вздрогнул от гнева; Он узнает сей буйный глас...

Друзья мои! а наша дева? Оставим витязей на час; О них опять я вспомню вскоре. А то давно пора бы мне Подумать о молодой княжне И об ужасном Черноморе.

Моей причудливой мечты Наперсник иногда нескромный, Я рассказал, как ночью темной Людмилы нежной красоты От воспаленного Руслана Сокрылись вдруг среди тумана. Несчастливая! когда злодей, Рукою мощною своей Тебя сорвав с постели брачной, Взвился, как вихорь, к облакам Сквозь тяжкий дым и воздух мрачный И вдруг умчал к своим горам Ты чувств и памяти лишилась И в страшном замке колдуна, Безмолвна, трепетна, бледна, В одно мгновенье очутилась.

С порога хижины моей Так видел я, среди летних дней, Когда за курицей трусливой Султан курятника спесивый, Петух мой по двору бежал И сладострастными крылами Уже подругу обнимал; Над ними хитрыми кругами Цыплят селенья старый вор, Прияв губительные меры, Носился, плавал коршун серый И пал как молния на двор. Взвился, летит. В когтях ужасных Во тьму расселин безопасных Уносит бедную злодей. Напрасно, горестью своей И хладным страхом пораженный, Зовет любовницу петух... Он видит лишь летучий пух, Летучим ветром занесенный.

До утра юная княжна Лежала, тягостным

забвеньем, Как будто страшным сновиденьем, Объята - наконец она Очнулась, пламенным волненьем И смутным ужасом полна; Душой летит за наслажденьем, Кого-то ищет с упоеньем; "Где ж милый, - шепчет, - где супруг?" Зовет и помертвела вдруг. Глядит с боязнию вокруг. Людмила, где твоя светлица? Лежит несчастная девица Среди подушек пуховых, Под гордой сенью балдахина; Завесы, пышная перина В кистях, в узорах дорогих; Повсюду ткани парчевые; Играют яхонты, как жар; Кругом курильницы золотые Подъемлют ароматный пар; Довольно... благо мне не надо Описывать волшебный дом: Уже давно Шехеразада Меня предупредила в том. Но светлый терем не отрада, Когда не видим друга в нем.

Три девы, красоты чудесной, В одежде легкой и прелестной Княжне явились, подошли И поклонились до земли. Тогда неслышными шагами Одна поближе подошла; Княжне воздушными перстами Златую косу заплела С искусством, в наши дни не новым, И обвила венцом перловым Окружность бледного чела. За нею, скромно взор склоняя, Потом прибли-

жилаась другая; Лазурный, пышный сарафан
Одел Людмилы стройный стан; Покрылись
кудри золотые, И грудь, и плечи молодые Фа-
той, прозрачной, как туман. Покров завистли-
вый лобзает Красы, достойные небес, И обувь
легкая сжимает Две ножки, чудо из чудес.
Княжне последняя девица Жемчужный пояс
подает. Меж тем незримая певица Веселы
песни ей поет. Увы, ни камни ожерелья, Ни
сарафан, ни перлов ряд, Ни песни лести и ве-
селья Ее души не веселят; Напрасно зеркало
рисует Ее красы, ее наряд; Потупя неподвиж-
ный взгляд, Она молчит, она тоскует.

Те, кои, правду возлюбя, На темном сердца
дне читали, Конечно знают про себя, Что если
женщина в печали Сквозь слез, украдкой,
как-нибудь, Назло привычке и рассудку, Забу-
дет в зеркало взглянуть, То грустно ей уж не
на шутку.

Но вот Людмила вновь одна. Не зная, что
начать, она К окну решетчату подходит, И
взор ее печально бродит В пространстве пас-
мурной дали. Все мертво. Снежные равнины
Коврами яркими легли; Стоят угрюмых гор
вершины В однообразной белизне И дремлют

в вечной тишине; Кругом не видно дымной кровли, Не видно путника в снегах, И звонкий рог веселой ловли В пустынных не трубит горах; Лишь изредка с унылым свистом Бунтует вихорь в поле чистом И на краю седых небес Качает обнаженный лес.

В слезах отчаянья, Людмила От ужаса лицо закрыла. Увы, что ждет ее теперь! Бежит в серебряную дверь; Она с музыкой отворилась, И наша дева очутилась В саду. Пленительный предел: Прекраснее садов Армиды И тех, которыми владел Царь Соломон иль князь Тавриды. Пред нею зыблются, шумят Великолепные дубровы; Аллеи пальм, и лес лавровый, И благовонных миртов ряд, И кедров гордые вершины, И золотые апельсины Зерцалом вод отражены; Пригорки, рощи и долины Весны огнем оживлены; С прохладой вьется ветер майский Средь очарованных полей, И свищет соловей китайский Во мраке трепетных ветвей; Летят алмазные фонтаны С веселым шумом к облакам: Под ними блещут истуканы И, мнится, живы; Фидий сам, Питомец Феба и Паллады, Любуясь ими, наконец, Свой очарованный резец Из рук бы выронил с досады.

Дробясь о мраморны преграды, Жемчужной,
огненной дугой Валяются, плещут водопады; И
ручейки в тени лесной Чуть вьются сонною
волной. Приют покоя и прохлады, Сквозь веч-
ну зелень здесь и там Мелькают светлые бе-
седки; Повсюду роз живые ветки Цветут и ды-
шат по тропам. Но безутешная Людмила
Идет, идет и не глядит; Волшебства роскошь
ей постыла, Ей грустен неги светлый вид; Ку-
да, сама не зная, бродит, Волшебный сад кру-
гом обходит, Свободу горьким дав слезам, И
взоры мрачные возводит К неумолимым
небесам. Вдруг осветился взор прекрасный: К
устам она прижала перст; Казалось, умысел
ужасный Рождался... Страшный путь отверст:
Высокий мостик над потоком Пред ней висит
на двух скалах; В унынье тяжком и глубоком
Она подходит - и в слезах На воды шумные
взглянула, Ударила, рыдая, в грудь, В волнах
решилась утонуть Однако в воды не прыгну-
ла И дале продолжала путь.

Моя прекрасная Людмила, По солнцу бегая
с утра, Устала, слезы осушила, В душе подума-
ла: пора! На травку села, оглянулась И вдруг
над нею сень шатра, Шумя, с прохладой раз-

вернулась; Обед роскошный перед ней; Прибор из яркого кристалла; И в тишине из-за ветвей Незрима арфа заиграла. Дивится пленная княжна, Но втайне думает она: "Вдали от милого, в неволе, Зачем мне жить на свете боле? О ты, чья гибельная страсть Меня терзает и лелеет, Мне не страшна злодея власть: Людмила умереть умеет! Не нужно мне твоих шатров, Ни скучных песен, ни пиров Не стану есть, не буду слушать, Умру среди твоих садов!" Подумала - и стала кушать.

Княжна встает, и вмиг шатер, И пышной роскоши прибор, И звуки арфы... все пропало; По-прежнему все тихо стало; Людмила вновь одна в садах Скитается из рощи в рощи; Меж тем в лазурных небесах Плывет луна, царица ночи, Находит мгла со всех сторон И тихо на холмах почила; Княжну невольно клонит сон, И вдруг неведомая сила Нежней, чем вешний ветерок, Ее на воздух поднимает, Несет по воздуху в чертог И осторожно опускает Сквозь фимиам вечерних роз На ложе грусти, ложе слез. Три девы вмиг опять явились И вокруг нее засуетились, Чтоб на ночь пышный снять убор; Но их унылый, смутный

взор И принужденное молчанье Являли втайне состраданье И немощный судьбам укор. Но поспешим: рукой их нежной Раздета сонная княжна; Прелестна прелестью небрежной, В одной сорочке белоснежной Ложится почи-вать она. Со вздохом девы поклонились, Скорей как можно удалились И тихо притворили дверь. Что ж наша пленница теперь! Дрожит как лист, дохнуть не смеет; Хладеют перси, взор темнеет; Мгновенный сон от глаз бежит; Не спит, удвоила вниманье, Недвижно в темноту глядит... Все мрачно, мертвое молчанье! Лишь сердца слышит трепетанье... И мнится... шепчет тишина, Идут - идут к ее постели; В подушки прячется княжна И вдруг... о страх!.. и в самом деле Раздался шум; озарена Мгновенным блеском тьма ночная, Мгновенно дверь отворена; Безмолвно, гордо выступая, Нагими саблями сверкая, Арапов длинный ряд идет Попарно, чинно, сколь возможно, И на подушках осторожно Седую бороду несет; И входит с важностью за нею, Подъяв величественно шею, Горбатый карлик из дверей: Его-то голове обритой, Высоким колпаком покрытой, Принадлежала борода. Уж он при-

ближился: тогда Княжна с постели соскочила, Седого карлу за колпак Рукою быстрой ухватила, Дрожащий занесла кулак И в страхе завизжала так, Что всех арапов оглушила. Трещца, скорчился бедняк, Княжны испуганной бледнее; Зажавши уши поскорее, Хотел бежать, но в бороде Запутался, упал и бьется; Встает, упал; в такой беде Арапов черный рой мятется; Шумят, толкаются, бегут, Хватают колдуна в охапку И вон распутывать несут, Оставляя у Людмилы шапку.

Но что-то добрый витязь наш? Вы помните ль нежданну встречу? Бери свой быстрый карандаш, Рисуй, Орловский, ночь и сечу! При свете трепетном луны Сразились витязи жестоко; Сердца их гневом стеснены, Уж копья брошены далеко, Уже мечи раздроблены, Кольчуги кровию покрыты, Щиты трещат, в куски разбиты... Они схватились на конях; Взрывая к небу черный прах, Под ними борзые кони бьются; Борцы, недвижно сплетены, Друг друга стиснув, остаются, Как бы к седлу пригвождены; Их члены злобой сведены; Переплелись и костенеют; По жилам быстрый огонь бежит; На вражьей груди грудь дрожит

И вот колеблются, слабеют Кому-то пасть...
вдруг витязь мой, Вскипев, железною рукой С
седла наездника срывает, Подъемлет, держит
над собой И в волны с берега бросает. "Погиб-
ни! - грозно восклицает; Умри, завистник
злобный мой!"

Ты догадался, мой читатель, С кем бился
доблестный Руслан: То был кровавых битв ис-
катель, Рогдай, надежда киевлян, Людмилы
мрачный обожатель. Он вдоль днепровских
берегов Искал соперника следов; Нашел, на-
стиг, но прежняя сила Питомцу битвы измени-
ла, И Руси древний удалец В пустыне свой на-
шел конец. И слышно было, что Рогдая Тех
вод русалка молодая На хладны перси приня-
ла И, жадно витязя лобзая, На дно со смехом
увлекла, И долго после, ночью темной Бродя
близ тихих берегов, Богатыря призрак огром-
ный Пугал пустынных рыбаков.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Напрасно вы в тени таились Для мирных,
счастливых друзей, Стихи мои! Вы не сокры-
лись От гневных зависти очей. Уж бледный
критик, ей в услугу, Вопрос мне сделал роко-
вой: Зачем Русланову подругу, Как бы на смех

ее супругу, Зову и девой и княжной? Ты видишь, добрый мой читатель, Тут злобы черную печать! Скажи, Зоил, скажи, предатель, Ну как и что мне отвечать? Красней, несчастный, бог с тобою! Красней, я спорить не хочу; Довольный тем, что прав душою, В смиренной кротости молчу. Но ты поймешь меня, Климена, Потупишь томные глаза, Ты, жертва скучного Гимена... Я вижу: тайная слеза Падет на стих мой, сердцу внятный; Ты покраснела, взор погас; Вздохнула молча... вздох понятный! Ревнивец: бойся, близок час; Амур с Досадой своенравной Вступили в смелый заговор, И для главы твоей бесславной Готов уж мстительный убор.

Уж утро хладное сияло На темени полночных гор; Но в дивном замке все молчало. В досаде скрытой Черномор, Без шапки, в утреннем халате, Зевал сердито на кровати. Вокруг брады его седой Рабы толпились молчаливы, И нежно гребень костяной Расчесывал ее извивы; Меж тем, для пользы и красы, На бесконечные усы Лились восточны ароматы, И кудри хитрые вились; Как вдруг, откуда ни возьмись, В окно влетает змий крылатый; Гремя

железной чешуей, Он в кольца быстрые согнулся И вдруг Наиной обернулся Пред изумленною толпой. "Приветствую тебя, - сказала, Собрат, издавна чтимый мной! Досель я Черномора знала Одною громкою молвой; Но тайный рок соединяет Теперь нас общею враждой; Тебе опасность угрожает, Нависла туча над тобой; И голос оскорбленной чести Меня к отмщению зовет".

Со взором, полным хитрой лести, Ей карла руку подает, Вещая: "Дивная Наина! Мне драгоценен твой союз. Мы посрадим коварство Финна; Но мрачных козней не боюсь: Противник слабый мне не страшен; Узнай чудесный жребий мой: Сей благодатной бородой Недаром Черномор украшен. Доколь власов ее седых Враждебный меч не перерубит, Никто из витязей лихих, Никто из смертных не погубит Малейших замыслов моих; Моею будет век Людмила, Руслан же гробу обречен!" И мрачно ведьма повторила: "Погибнет он! погибнет он!" Потом три раза прошипела, Три раза топнула ногой И черным змием улетела.

Блестя в ризе парчевой, Колдун, колдуньей ободренный, Развеселясь, решился

вновь Нести к ногам девицы пленной Усы,
покорность и любовь. Разряжен карлик боро-
датый, Опять идет в ее палаты; Проходит
длинный комнат ряд: Княжны в них нет. Он
дале, в сад, В лавровый лес, к решетке сада,
Вдоль озера, вокруг водопада, Под мостики, в
беседки... нет! Княжна ушла, пропал и след!
Кто выразит его смущенье, И рев, и трепет ис-
ступленья? С досады дня не взвидел он. Раз-
дался карлы дикий стон: "Сюда, невольники,
бегите! Сюда, надеюсь я на вас! Сейчас Люд-
милу мне сыщите! Скорее, слышите ль? сей-
час! Не то - шутите вы со мною Всех удавлю
вас бородою!"

Читатель, расскажу ль тебе, Куда красави-
ца девалась? Всю ночь она своей судьбе В сле-
зах дивилась и - смеялась. Ее пугала борода,
Но Черномор уж был известен, И был смешон,
а никогда Со смехом ужас несовместен. На-
встречу утренним лучам Постель оставила
Людмила И взор невольный обратила К высо-
ким, чистым зеркалам; Невольно кудри золо-
тые С лилейных плеч приподняла; Невольно
волосы густые Рукой небрежной заплела;
Свои вчерашние наряды Нечаянно в углу на-

шла; Вздохнув, оделась и с досады Тихонько плакать начала; Однако с верного стекла, Вздыхая, не сводила взора, И девице пришло на ум, В волненье своенравных дум, Примерить шапку Черномора. Все тихо, никого здесь нет; Никто на девушку не взглянет... А девушке в семнадцать лет Какая шапка не пристанет! Рядиться никогда не лень! Людмила шапкой завертела; На брови, прямо, набекрень И задом наперед надела. И что ж? о чудо старых дней! Людмила в зеркале пропала; Перевернула - перед ней Людмила прежняя предстала; Назад надела - снова нет; Сняла - и в зеркале! "Прекрасно! Добро, колдун, добро, мой свет! Теперь мне здесь уж безопасно; Теперь избавлюсь от хлопот!" И шапку старого злодея Княжна, от радости краснея, Надела задом наперед.

Но возвратимся же к герою. Не стыдно ль заниматься нам Так долго шапкой, бороною, Руслана поруча судьбам? Свершив с Рогдаем бой жестокий, Проехал он дремучий лес; Пред ним открылся дол широкий При блеске утренних небес. Трепещет витязь поневоле: Он видит старой битвы поле. Вдали все пусто;

здесь и там Желтеют кости; по холмам Разбросаны колчаны, латы; Где сбруя, где заржавый щит; В костях руки здесь меч лежит; Травой оброс там шлем косматый И старый череп тлеет в нем; Богатыря там остов целый С его поверженным конем Лежит недвижимый; Копья, стрелы В сырую землю вонзены, И мирный плющ их обвивает... Ничто безмолвной тишины Пустыни сей не возмущает, И солнце с ясной вышины Долину смерти озаряет.

Со вздохом витязь вокруг себя Взирает грустными очами. "О поле, поле, кто тебя Усеял мертвыми костями? Чей борзый конь тебя топтал В последний час кровавой битвы? Кто на тебе со славой пал? Чьи небо слышало молитвы? Зачем же, поле, смолкло ты И поросло травой забвенья?.. Времен от вечной темноты, Быть может, нет и мне спасенья! Быть может, на холме немом Поставят тихий гроб Русланов, И струны громкие Баянов Не будут говорить о нем!"

Но вскоре вспомнил витязь мой, Что добрый меч герою нужен И даже панцырь; а герой С последней битвы безоружен. Обходит

поле он вокруг; В кустах, среди костей забвенных, В громаде тлеющих кольчуг, Мечей и шлемов раздробленных Себе доспехов ищет он. Проснулись гул и степь немая, Поднялся в поле треск и звон; Он поднял щит, не выбирая, Нашел и шлем и звонкий рог; Но лишь меча сыскать не мог. Долину брани объезжая, Он видит множество мечей, Но все легки, да слишком малы, А князь красавец был не вялый, Не то, что витязь наших дней. Чтоб чем-нибудь играть от скуки, Копье стальное взял он в руки, Кольчугу он надел на грудь И далее пустился в путь.

Уж побледнел закат румяный Над усыпленной землей; Дымятся синие туманы, И всходит месяц золотой; Померкла степь. Тропою темной Задумчив едет наш Руслан И видит: сквозь ночной туман Вдали чернеет холм огромный, И что-то страшное храпит. Он ближе к холму, ближе - слышит: Чудесный холм как будто дышит. Руслан внимает и глядит Бестрепетно, с покойным духом; Но, шевеля пугливым ухом, Конь упирается, дрожит, Трясет упрямой головою, И грива дыбом поднялась. Вдруг холм, безоблачной луною В

тумане бледно озарясь, Яснеет; смотрит храбрый князь И чудо видит пред собою. Найду ли краски и слова? Пред ним живая голова. Огромны очи сном объаты; Храпит, качая шлем пернатый, И перья в темной высоте, Как тени, ходят, развеваясь. В своей ужасной красоте Над мрачной степью возвышаясь, Безмолвием окружена, Пустыни сторож безмянной, Руслану предстоит она Громадой грозной и туманной. В недоуменье хочет он Таинственный разрушить сон. Вблизи осматривая диво, Объехал голову кругом И стал пред носом молчаливо; Щекотит ноздри копием, И, сморщась, голова зевнула, Глаза открыла и чихнула... Поднялся вихорь, степь дрогнула, Взвилась пыль; с ресниц, с усов, С бровей слетела стая сов; Проснулись рощи молчаливы, Чихнуло эхо - конь ретивый Заржал, запрыгал, отлетел, Едва сам витязь усидел, И вслед раздался голос шумный: "Куда ты, витязь неразумный? Ступай назад, я не шучу! Как раз нахала проглочу!" Руслан с презреньем оглянулся, Браздами удержал коня И с гордым видом усмехнулся. "Чего ты хочешь от меня? Нахмурясь, голова вскричала. Вот го-

стя мне судьба послала! Послушай, убирайся прочь! Я спать хочу, теперь уж ночь, Прощай!" Но витязь знаменитый, Услыша грубые слова, Воскликнул с важностью сердитой: "Молчи, пустая голова! Слышал я истину, бывало: Хоть лоб широк, да мозгу мало! Я еду, еду, не свищу, А как наеду, не спущу!"

Тогда, от ярости немея, Стесненной злобой пламенея, Надулась голова; как жар, Кровавы очи засверкали; Напелясь, губы задрожали, Из уст, ушей поднялся пар И вдруг она, что было мочи, Навстречу князю стала дуть; Напрасно конь, зажмуря очи, Склонив главу, натужа грудь, Сквозь вихорь, дождь и сумрак ночи Неверный продолжает путь; Объятый страхом, ослепленный, Он мчится вновь, изнеможенный, Далече в поле отдохнуть. Вновь обратиться витязь хочет Вновь отражен, надежды нет! А голова ему вослед, Как сумасшедшая, хохочет, Гремит: "Ай, витязь! ай, герой! Куда ты? тише, тише, стой! Эй, витязь, шею сломишь даром; Не трусь, наездник, и меня Порадуй хоть одним ударом, Пока не заморил коня". И между тем она героя Дразнила страшным языком. Руслан, досаду в сердце

кроя, Грозит ей молча копием, Трясет его рукой свободной, И, задрожав, булат холодный Вонзился в дерзостный язык. И кровь из бешеного зева Рекою побежала вмиг. От удивленья, боли, гнева, В минуту дерзости лишась, На князя голова глядела, Железо грызла и бледнела В спокойном духе горячась, Так иногда средь нашей сцены Плохой питомец Мельпомены, Внезапным свистом оглушен, Уж ничего не видит он, Бледнеет, ролю забывает, Дрожит, поникнув головой, И, заикаясь, умолкает Перед насмешливой толпой. Счастливым пользуясь мгновеньем, К объятой голове смущеньем, Как ястреб, богатырь летит С поднятой, грозною десницей И в щеку тяжелой рукавицей С размаха голову разит; И степь ударом огласилась; Кругом росистая трава Кровавой пеной обагрилась, И, зашатавшись, голова Перевернулась, покатилась, И шлем чугунный застучал. Тогда на месте опустелом Меч богатырский засверкал. Наш витязь в трепете веселом Его схватил и к голове По окровавленной траве Бежит с намереньем жестоким Ей нос и уши обрубить; Уже Руслан готов разить, Уже взмахнул ме-

чом широким Вдруг, изумленный, внемлет
он Главы молящей жалкий стон... И тихо меч
он опускает, В нем гнев свирепый умирает, И
мщенье бурное падет В душе, молением усми-
ренной: Так на долине тает лед, Лучом полу-
дня пораженный.

"Ты вразумил меня, герой, Со вздохом голо-
ва сказала, Твоя десница доказала, Что я ви-
новен пред тобой; Отныне я тебе послушен;
Но, витязь, будь великодушен! Достоин плача
жребий мой. И я был витязь удалой! В крова-
вых битвах супостата Себе я равного не зрел;
Счастлив, когда бы не имел Соперником
меньшого брата! Коварный, злобный Черно-
мор, Ты, ты всех бед моих виною! Семейства
нашего позор, Рожденный карлой, с бородою,
Мой дивный рост от юных дней Не мог он без
досады видеть И стал за то в душе своей Ме-
ня, жестокий, ненавидеть. Я был всегда
немного прост, Хотя высок; а сей несчастный,
Имея самый глупый рост, Умен как бес - и зол
ужасно. Притом же, знай, к моей беде, В его
чудесной бороде Таится сила роковая, И, все
на свете презирая, Доколе борода цела Измен-
ник не страшится зла. Вот он однажды с ви-

дом дружбы "Послушай, - хитро мне сказал,
Не откажись от важной службы: Я в черных
книгах отыскал, Что за восточными горами,
На тихих моря берегах, В глухом подвале, под
замками Хранится меч - и что же? страх! Я
разобрал во тьме волшебной, Что волею судь-
бы враждебной Сей меч известен будет нам;
Что нас он обоих погубит: Мне бороду мою от-
рубит, Тебе главу; суди же сам, Сколь важно
нам приобретение Сего создання злых духов!"
"Ну, что же? где тут затрудненье? Сказал я
карле, - я готов; Иду, хоть за пределы света". И
сосну на плечо взвалил, А на другое для сове-
та Злодея брата посадил; Пустился в дальнюю
дорогу, Шагал, шагал и, слава богу, Как бы
пророчеству назло, Все счастливо сначала
шло. За отдаленными горами Нашли мы ро-
ковой подвал; Я разметал его руками И пота-
енный меч достал. Но нет! судьба того хотела:
Меж нами ссора закипела И было, признаюсь,
о чем! Вопрос: кому владеть мечом? Я спорил,
карла горячился; Бранились долго; наконец
Уловку выдумал хитрец, Притих и будто бы
смягчился. "Оставим бесполезный спор, Ска-
зал мне важно Черномор, Мы тем союз наш

обесславим; Рассудок в мире жить велит;
Судьбе решить мы предоставим, Кому сей
меч принадлежит. К земле приникнем ухом
оба (Чего не выдумает злоба!), И кто услышит
первый звон, Тот и владей мечом до гроба".
Сказал и лег на землю он. Я сдуру также рас-
тянулся; Лежу, не слышу ничего, Смекая: об-
ману его! Но сам жестоко обманулся. Злодей в
глубокой тишине, Привстав, на цыпочках ко
мне Подкрался сзади, размахнулся; Как ви-
хорь свистнул острый меч, И прежде, чем я
оглянулся, Уж голова слетела с плеч И сверхъ-
естественная сила В ней жизни дух остано-
вила. Мой остов тернием оброс; Вдали, в стране,
людьми забвенной, Истлел мой прах непогре-
бенный; Но злобный карла перенес Меня в
сей край уединенный, Где вечно должен был
стеречь Тобой сегодня взятый меч. О витязь!
Ты храним судьбою, Возьми его, и бог с то-
бою! Быть может, на своем пути Ты карлу-ча-
родея встретишь Ах, если ты его заметишь,
Коварству, злобе отомсти! И наконец я счаст-
лив буду, Спокойно мир оставлю сей И в бла-
годарности моей Твою пощечину забуду".

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Я каждый день, восстав от сна, Благодарю сердечно бога За то, что в наши времена Волшебников не так уж много. К тому же - честь и слава им! Женитьбы наши безопасны... Их замыслы не так ужасны Мужьям, девицам молодым. Но есть волшебники другие, Которых ненавижу я: Улыбка, очи голубые И голос милый - о друзья! Не верьте им: они лукавы! Страшитесь, подражая мне, Их упоительной отравы И почивайте в тишине.

Поэзии чудесный гений, Певец таинственных видений, Любви, мечтаний и чертей, Могил и рая верный житель, И музы ветреной моей Наперсник, пестун и хранитель! Прости мне, северный Орфей, Что в повести моей забавной Теперь вослед тебе лечу И лиру музы своенравной Во лжи прелестной обличу.

Друзья мои, вы все слышали, Как бесу в древни дни злодей Предал сперва себя с печали, А там и души дочерей; Как после щедрым подаяньем, Молитвой, верой, и постом, И непритворным покаяньем Снискал заступника в святом; Как умер он и как заснули Его двенадцать дочерей: И нас пленили, ужаснули Картины тайных сих ночей, Сии чудесные

виденья, Сей мрачный бес, сей божий гнев,
Живые грешника мученья И прелесть непо-
рочных дев. Мы с ними плакали, бродили Во-
круг зубчатых замка стен, И сердцем трону-
тым любили Их тихий сон, их тихий плен; Ду-
шой Вадима призывали, И пробужденье зре-
ли их, И часто инокинь святых На гроб отцов-
ский провожали. И что ж, возможно ль?.. нам
солгали! Но правду возведу ли я?..

Младой Ратмир, направляя к югу Нетерпели-
вый бег коня, Уж думал пред закатом дня На-
гнать Русланову супругу. Но день багряный
вечерел; Напрасно витязь пред собою В туман-
ны дальние смотрел: Все было пусто над ре-
кою. Зари последний луч горел Над ярко по-
злащенным бором. Наш витязь мимо черных
скал Тихонько проезжал и взором Ночлега
меж дерев искал. Он на долину выезжает И
видит: замок на скалах Зубчаты стены возвы-
шает; Чернеют башни на углах; И дева по сте-
не высокой, Как в море лебедь одинокий,
Идет, зарей освещена; И девы песнь едва
слышна Долины в тишине глубокой.

"Ложится в поле мрак ночной; От волн
поднялся ветер хладный. Уж поздно, путник

молодой! Укройся в терем наш отрадный.

Здесь ночью нега и покой, А днем и шум и пированье. Приди на дружное призыванье, Приди, о путник молодой!

У нас найдешь красавиц рой; Их нежны речи и лобзанье. Приди на тайное призыванье, Приди, о путник молодой!

Тебе мы с утренней зарей Наполним кубок на прощанье. Приди на мирное призыванье, Приди, о путник молодой!

Ложится в поле мрак ночной; От волн поднялся ветер хладный. Уж поздно, путник молодой! Укройся в терем наш отрадный".

Она манит, она поет; И юный хан уж под стеною; Его встречают у ворот Девицы красные толпою; При шуме ласковых речей Он окружен; с него не сводят Они пленительных очей; Две девицы коня уводят; В чертоги входит хан молодой, За ним отшельниц милых рой; Одна снимает шлем крылатый, Другая кованые латы, Та меч берет, та пыльный щит; Одежда неги заменит Железные доспехи брони. Но прежде юношу ведут К великолепной русской бане. Уж волны дымные текут В ее серебряные чаны, И брызжут хладные фонта-

ны; Разостлан роскошью ковер; На нем усталый хан ложится; Прозрачный пар над ним клубится; Потупя неги полный взор, Прелестные, полунагие, В заботе нежной и немой, Вкруг хана девы молодые Теснятся резвою толпой. Над рыцарем иная машет Ветвями молодых берез, И жар от них душистый пахнет; Другая соком вешних роз Усталы члены прохлаждает И в ароматах потопляет Темнокудрявые власы. Восторгом витязь упоенный Уже забыл Людмилы пленной Недавно милые красы; Томится сладостным желаньем; Бродящий взор его блеснит, И, полный страстным ожиданьем, Он тает сердцем, он горит.

Но вот выходит он из бани. Одетый в бархатные ткани, В кругу прелестных дев, Ратмир Садится за богатый пир. Я не Омер: в стихах высоких Он может воспевать один Обеды греческих дружин, И звон, и пену чаш глубоких, Милее, по следам Парни, Мне славить лирою небрежной И наготу в ночной тени, И поцелуй любви нежной! Луною замок озарен; Я вижу терем отдаленный, Где витязь томный, воспаленный Вкушает одинокий сон; Его чело, его ланиты Мгновенным пламе-

нем горят; Его уста полуоткрыты Лобзанье тайное манят; Он страстно, медленно вздыхает, Он видит их - и в пылком сне Покровы к сердцу прижимает. Но вот в глубокой тишине Дверь отворилась; пол ревнивый Скрыпит под ножкой торопливой, И при серебряной луне Мелькнула дева. Сны крылаты, Сокройтесь, отлетите прочь! Проснись - твоя настала ночь! Проснись - дорог миг утраты!.. Она подходит, он лежит И в сладострастной неге дремлет; Покров его с одра скользит, И жаркий пух чело объемлет. В молчанье дева перед ним Стоит недвижно, бездыханна, Как лицемерная Диана Пред милым пастырем своим; И вот она, на ложе хана Коленом опершись одним, Вздохнув, лицо к нему склоняет С томленьем, с трепетом живым, И сон счастлильца прерывает Лобзаньем страстным и немым...

Но, други, девственная лира Умолкла под моей рукой; Слабеет робкий голос мой Оставим юного Ратмира; Не смею песней продолжать: Руслан нас должен занимать, Руслан, сей витязь беспримерный, В душе герой, любовник верный. Упорным боем утомлен, Под

богатырской головою Он сладостный вкушает сон. Но вот уж раннею зарею Сияет тихий небосклон; Все ясно; утра луч игривый Главы косматый лоб златит. Руслан встает, и конь ретивый Уж витязя стрелою мчит.

И дни бегут; желтеют нивы; С дерев спадает дряхлый лист; В лесах осенний ветра свист Певец пернатых заглушает; Тяжелый, пасмурный туман Нагие холмы обвивает; Зима приблизилась - Руслан Свой путь отважно продолжает На дальний север; с каждым днем Преграды новые встречает: То бьется он с богатырем, То с ведьмою, то с великаном, То лунной ночью видит он, Как будто сквозь волшебный сон, Окружены седым туманом, Русалки, тихо на ветвях Качаясь, витязя младого С улыбкой хитрой на устах Манят, не говоря ни слова... Но, тайным промыслом храним, Бесстрашный витязь невредим; В его душе желанье дремлет, Он их не видит, им не внемлет, Одна Людмила всюду с ним.

Но между тем, никем не зрима, От нападения колдуна Волшебной шапкою хранима, Что делает моя княжна, Моя прекрасная Людмила? Она, безмолвна и уныла, Одна гуляет

по садам, О друге мыслит и вздыхает, Иль, волю дав своим мечтам, К родимым киевским полям В забвенье сердца улетает; Отца и братьев обнимает, Подружек видит молодых И старых мамушек своих Забыты плен и разлученье! Но вскоре бедная княжна Свое теряет заблужденье И вновь уныла и одна. Рабы влюбленного злодея, И день и ночь, сидеть не смея, Меж тем по замку, по садам Прелестной пленницы искали, Метались, громко призывали, Однако все по пустякам. Людмила ими забавлялась: В волшебных рощах иногда Без шапки вдруг она являлась И кликала: "Сюда, сюда!" И все бросались к ней толпою; Но в сторону - незрима вдруг Она неслышную стопою От хищных убегала рук. Везде всечасно замечали Ее минутные следы: То позлащенные плоды На шумных ветвях исчезали, То капли ключевой воды На луг измятый упали: Тогда наверно в замке знали, Что пьет иль кушает княжна. На ветвях кедра иль березы Скрываясь по ночам, она Минутного искала сна Но только проливала слезы, Звала супруга и покой, Томилась грустью и зевотой, И редко, редко пред зарей, Склонясь ко древу

головой, Дремала тонкою дремотой; Едва редела ночи мгла, Людмила к водопаду шла Умыться хладною струею: Сам карла утренней порою Однажды видел из палат, Как под невидимой рукою Плескал и брызгал водопад. С своей обычною тоскою До новой ночи, здесь и там, Она бродила по садам: Нередко под вечер слышали Ее приятный голосок; Нередко в рощах поднимали Иль ею брошенный венок, Или клочки персидской шали, Или заплаканный платок.

Жестокой страстью уязвленный, Досадой, злобой омраченный, Колдун решился наконец Поймать Людмилу непременно. Так Лемноса хромой кузнец, Прияв супружеский венец Из рук прелестной Цитереи, Раскинул сеть ее красам, Открыв насмешливым богам Киприды нежные затеи...

Скучая, бедная княжна В прохладе мраморной беседки Сидела тихо близ окна И сквозь колеблемые ветки Смотрела на цветущий луг. Вдруг слышит - кличут: "Милый друг!" И видит верного Руслана. Его черты, походка, стан; Но бледен он, в очах туман, И на бедре живая рана В ней сердце дрогнуло. "Руслан!

Руслан!.. он точно!" И стрелой К супругу пленница летит, В слезах, трепеща, говорит: "Ты здесь... ты ранен... что с тобою?" Уже достигла, обняла: О ужас... призрак исчезает! Княжна в сетях; с ее чела На землю шапка упадет. Хладя, слышит грозный крик: "Она моя!" - и в тот же миг Зрит колдуна перед очами. Раздался девы жалкий стон, Падет без чувств - и дивный сон Объял несчастную крылами.

Что будет с бедною княжной! О страшный вид: волшебник хилый Ласкает дерзостной рукой Младые прелести Людмилы! Ужели счастлив будет он? Чу... вдруг раздался рога звон, И кто-то карлу вызывает. В смятенье, бледный чародей На деву шапку надевает; Трубят опять; звучней, звучней! И он летит к неизвестной встрече, Закинув бороду за плечи.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ

Ах, как мила моя княжна! Мне нрав ее всего дороже: Она чувствительна, скромна, Любви супружеской верна, Немножко ветрена... так что же? Еще милее тем она. Всечасно прелестию новой Умеет нас она пленить; Скажите: можно ли сравнить Ее с Дельфирою суровой? Одной - судьба послала дар Обворожать

сердца и взоры; Ее улыбка, разговоры Во мне
любви рождают жар. А та - под юбкою гусар,
Лишь дайте ей усы да шпоры! Блажен, кого
под вечерок В уединенный уголок Моя Люд-
мила поджидает И другом сердца назовет; Но,
верьте мне, блажен и тот, Кто от Дельфиры
убегает И даже с нею незнаком. Да, впрочем,
дело не о том! Но кто трубил? Кто чародея На
сечу грозну вызывал? Кто колдуна перепугал?
Руслан. Он, мстью пламенея, Достиг обители
злодея. Уж витязь под горой стоит, Призыв-
ный рог, как буря, воет, Нетерпеливый конь
кипит И снег копытом мочным роет. Князь
карлу ждет. Внезапно он По шлему крепкому
стальному Рукой незримой поражен; Удар
упал подобно грому; Руслан подьемлет смут-
ный взор И видит - прямо над главою С подь-
ятой, страшной булавою Летает карла Черно-
мор. Щитом покрывшись, он нагнулся, Мечом
потряс и замахнулся; Но тот взвился под обла-
ка; На миг исчез - и свысока Шумя летит на
князя снова. Проворный витязь отлетел, И в
снег с размаха рокового Колдун упал - да там
и сел; Руслан, не говоря ни слова, С коня до-
лой, к нему спешит, Поймал, за бороду хвата-

ет, Волшебник силится, кричит И вдруг с Русланом улетает... Ретивый конь вослед глядит; Уже колдун под облаками; На бороде герой висит; Летят над мрачными лесами, Летят над дикими горами, Летят над бездною морской; От напряженья костенея, Руслан за бороду злодея Упорной держится рукой. Между тем, на воздухе слабея И силе русской изумясь, Волшебник гордому Руслану Коварно молвит: "Слушай, князь! Тебе вредить я перестану; Младое мужество любя, Забуду все, прощу тебя, Спущусь - но только с уговором..." "Молчи, коварный чародей! Прервал наш витязь: - с Черномором, С мучителем жены своей, Руслан не знает договора! Сей грозный меч накажет вора. Лети хоть до ночной звезды, А быть тебе без бороды!" Боязнь объемлет Черномора; В досаде, в горести немой, Напрасно длинной бородой Усталый карла потрясает: Руслан ее не выпускает И щиплет волосы порой. Два дни колдун героя носит, На третий он пощады просит: "О рыцарь, сжался надо мной; Едва дышу; нет мочи боле; Оставь мне жизнь, в твоей я воле; Скажи - спущусь, куда велишь..." "Теперь ты наш: ага,

дрожишь! Смирись, покорствуй русской силе!
Неси меня к моей Людмиле".

Смиренно внемлет Черномор; Домой он с
витязем пустился; Летит - и мигом очутился
Среди своих ужасных гор. Тогда Руслан одной
рукою Взял меч сраженной головы И, бороду
схватив другою, Отсек ее, как горсть травы.
"Знай наших! - молвил он жестоко, Что, хищ-
ник, где твоя краса? Где сила?" - и на шлем
высокий Седые вяжет волоса; Свистя зовет ко-
ня лихого; Веселый конь летит и ржет; Наш
витязь карлу чуть живого В котомку за седло
кладет, А сам, боясь мгновенья траты, Спешит
на верх горы крутой, Достиг, и с радостной ду-
шой Летит в волшебные палаты. Вдали зави-
дя шлем брадатый, Залог победы роковой,
Пред ним арапов чудный рой, Толпы неволь-
ниц боязливых, Как призраки, со всех сторон
Бегут - и скрылись. Ходит он Один средь хра-
мин горделивых, Супругу милую зовет Лишь
эхо сводов молчаливых Руслану голос подает;
В волненье чувств нетерпеливых Он отворяет
двери в сад Идет, идет - и не находит; Кругом
смущенный взор обводит Все мертво: рощи-
цы молчат, Беседки пусты; на стремнинах,

Вдоль берегов ручья, в долинах, Нигде Людмилы следу нет, И ухо ничего не внемлет. Внезапный князя хлад объемлет, В очах его темнеет свет, В уме возникли мрачны думы... "Быть может, горесть... плен угрюмый... Минута... волны..." В сих мечтах Он погружен. С немой тоскою Поникнул витязь головою; Его томит невольный страх; Недвижим он, как мертвый камень; Мрачится разум; дикий пламень И яд отчаянной любви Уже текут в его крови. Казалось - тень княжны прекрасной Коснулась трепетным устам... И вдруг, неистовый, ужасный, Стремится витязь по садам; Людмилу с воплем призывает, С холмов утесы отрывает, Все рушит, все крушит мечом Беседки, рощи упадают, Древа, мосты в волнах ныряют, Степь обнажается кругом! Далеко гулы повторяют И рев, и треск, и шум, и гром; Повсюду меч звенит и свищет, Прелестный край опустошен Безумный витязь жертвы ищет, С размаха вправо, влево он Пустынный воздух рассекает... И вдруг - нечаянный удар С княжны невидимой сбивает Прощальный Черномора дар... Волшебства вмиг исчезла сила: В сетях открылася Людмила! Не веря

сам своим очам, Нежданном счастьем упоенный, Наш витязь падает к ногам Подруги верной, незабвенной, Целует руки, сети рвет, Любви, восторга слезы льет, Зовет ее - но дева дремлет, Сомкнуты очи и уста, И сладострастная мечта Младую грудь ее подьемлет. Руслан с нее не сводит глаз, Его терзает вновь кручина... Но вдруг знакомый слышит глас, Глас добродетельного Финна:

"Мужайся, князь! В обратный путь Ступай со спящею Людмилой; Наполни сердце новой силой, Любви и чести верен будь. Небесный гром на злобу грянет, И воцарится тишина И в светлом Киеве княжна Перед Владимиром восстанет От очарованного сна".

Руслан, сим гласом оживленный, Берет в объятия жену, И тихо с ношей драгоценной Он оставляет вышину И сходит в дол уединенный.

В молчанье, с карлой за седлом, Поехал он своим путем; В его руках лежит Людмила, Свежа, как вешняя заря, И на плечо богатыря Лицо спокойное склонила. Власами, свитыми в кольцо, Пустынный ветерок играет; Как часто грудь ее вздыхает! Как часто тихое лицо

Мгновенной розою пылает! Любовь и тайная мечта Русланов образ ей приносят, И с томным шопотом уста Супруга имя произносят... В забвенье сладком ловит он Ее волшебное дыханье, Улыбку, слезы, нежный стон И сонных персей волнованье...

Меж тем, по долам, по горам, И в белый день, и по ночам, Наш витязь едет непрестанно. Еще далек предел желанный, А дева спит. Но юный князь, Бесплодным пламенем томясь, Ужель, страдалец постоянный, Супругу только сторожил И в целомудренном мечтанье, Смирив нескромное желанье, Свое блаженство находил? Монах, который сохранил Потомству верное преданье О славном витязе моем, Нас уверяет смело в том: И верю я! Без разделенья Унылы, грубы наслажденья: Мы прямо счастливы вдвоем. Пастушки, сон княжны прелестной Не походил на ваши сны, Порой томительной весны, На мураве, в тени древесной. Я помню маленький лужок Среди березовой дубравы, Я помню темный вечерок, Я помню Лиды сон лукавый... Ах, первый поцелуй любви, Дрожащий, легкий, торопливый, Не разогнал, друзья мои, Ее дремоты тер-

пеливой... Но полно, я болтаю вздор! К чему любви воспоминанье? Ее утеха и страданье
Забыты мною с давних пор; Теперь влекут
мое вниманье Княжна, Руслан и Черномор.

Пред ними стелется равнина, Где ели изредка
взошли; И грозного холма вдали Чернет
круглая вершина Небес на яркой синеве.
Руслан глядит - и догадался, Что подъезжает к
голове; Быстрее борзый конь помчался; Уж
видно чудо из чудес; Она глядит недвижным
оком; Власы ее как черный лес, Поросший на
челе высоком; Ланиты жизни лишены, Свинцовою
бледностью покрыты; Уста огромные открыты,
Огромны зубы стеснены ... Над полу-
мертвой головою Последний день уж тяготел.
К ней храбрый витязь прилетел С Людмилой,
с карлой за спиною. Он крикнул: "Здравствуй,
голова! Я здесь! наказан твой изменник! Гляди:
вот он, злодей наш пленник!" И князя гордые
слова Ее внезапно оживили, На миг в ней
чувство разбудили, Очнулась будто ото сна,
Взглянула, страшно застонала... Узнала витязя
она И брата с ужасом узнала. Надулись
ноздри; на щеках Багровый огонь еще родился,
И в умирающих глазах Последний гнев изоб-

разился. В смятенье, в бешенстве немом Она
зубами скрежетала И брату хладным языком
Укор невнятный лепетала... Уже ее в тот са-
мый час Кончалось долгое страданье: Чела
мгновенный пламень гас, Слабело тяжкое ды-
ханье, Огромный закатился взор, И вскоре
князь и Черномор Узрели смерти содрога-
нье... Она почила вечным сном. В молчанье
витязь удалился; Дрожащий карлик за сед-
лом Не смел дышать, не шевелился И черно-
книжным языком Усердно демонам молился.

На склоне темных берегов Какой-то речки
безымянной, В прохладном сумраке лесов,
Стоял поникшей хаты кров, Густыми сосна-
ми венчанный. В теченье медленном река
Вблизи плетень из тростника Волною сонной
омывала И вокруг него едва журчала При лег-
ком шуме ветерка. Долина в сих местах таи-
лась, Уединенна и темна; И там, казалось, ти-
шина С начала мира воцарилась. Руслан оста-
новил коня. Все было тихо, безмятежно; От
рассветающего дня Долина с рощею прибреж-
ной Сквозь утренний сияла дым. Руслан на
луг жену слагает, Садится близ нее, вздыхает
С уныньем сладким и немым; И вдруг он ви-

дит пред собою Смиренный парус челнока И слышит песню рыбака Над тихоструйною рекою. Раскинув невод по волнам, Рыбак, на весла наклоненный, Плывет к лесистым берегам, К порогу хижины смиренной. И видит добрый князь Руслан: Челнок ко берегу приплывает; Из темной хаты выбегает Младая дева; стройный стан, Власы, небрежно распущенны, Улыбка, тихий взор очей, И грудь, и плечи обнаженны, Все мило, все пленяет в ней. И вот они, обняв друг друга, Сядутся у прохладных вод, И час беспечного досуга Для них с любовью настает. Но в изумленье молчаливом Кого же в рыбаке счастливом Наш юный витязь узнает? Хазарский хан, избранный славой, Ратмир, в любви, в войне кровавой Его соперник молодой, Ратмир в пустыне безмятежной Людмилу, славу позабыл И им навеки изменил В объятиях подружки нежной.

Герой приблизился, и вмиг Отшельник узнает Руслана, Встает, летит. Раздался крик... И обнял князь молодого хана. "Что вижу я? - спросил герой, Зачем ты здесь, зачем оставил Тревоги жизни боевой И меч, который ты прославил?" "Мой друг, - отвечивал рыбак,

Душе наскучил бранной славы Пустой и гибельный призрак. Поверь: невинные забавы, Любовь и мирные дубравы Милее сердцу во сто крат. Теперь, утратив жажду брани, Престал платить безумству дани, И, верным счастьем богат, Я все забыл, товарищ милый, Все, даже прелести Людмилы". "Любезный хан, я очень рад! Сказал Руслан, - она со мною". "Возможно ли, какой судьбою? Что слышу? Русская княжна... Она с тобою, где ж она? Позволь... но нет, боюсь измены; Моя подруга мне мила; Моей счастливой перемены Она виновницей была; Она мне жизнь, она мне радость! Она мне возвратила вновь Мою утраченную младость, И мир, и чистую любовь. Напрасно счастье мне сулили Уста волшебниц молодых; Двенадцать дев меня любили: Я для нее покинул их; Оставил терем их веселый, В тени хранительных дубров; Сложил и меч и шлем тяжелый, Забыл и славу и врагов. Отшельник, мирный и безвестный, Остался в счастливой глуши, С тобою, друг милый, друг прелестный, С тобою, свет моей души!"

Пастушка милая внимала Друзей откры-

тый разговор И, устремив на хана взор, И улыбалась и вздыхала.

Рыбак и витязь на берегах До темной ночи просидели С душой и сердцем на устах Часы невидимо летели. Чернеет лес, темна гора, Встает луна - все тихо стало; Герою в путь давно пора. Накинув тихо покрывало На деву спящую, Руслан Идет и на коня садится; Задумчиво безмолвный хан Душой вослед ему стремится, Руслану счастья, побед, И славы, и любви желает... И думы гордых, юных лет Невольной грустью оживляет...

Зачем судьбой не суждено Моей непостоянной лире Геройство воспевать одно И с ним (незнаемые в мире) Любовь и дружбу старых лет? Печальной истины поэт, Зачем я должен для потомства Порок и злобу обнажать И тайны козни вероломства В правдивых песнях обличать?

Княжны искатель недостойный, Охоту к славе потеряв, Никем не знаемый, Фарлаф В пустыне дальней и спокойной Скрывался и Наины ждал. И час торжественный настал. К нему волшебница явилась, Вещая: "Знаешь ли меня? Ступай за мной; седлай коня!" И

ведьма кошкой обратилась; Оседлан конь, она пустилась; Тропами мрачными дубрав За нею следует Фарлаф.

Долина тихая дремала, В ночной одетая туман, Луна во мгле перебежала Из тучи в тучу и курган Мгновенным блеском озаряла. Под ним в безмолвии Руслан Сидел с обычной тоскою Пред усыпленною княжною. Глубоку думу думал он, Мечты летели за мечтами, И неприметно веял сон Над ним холодными крылами. На деву смутными очами В дремоте томной он взглянул И, утомленную главою Склонясь к ногам ее, заснул.

И снится вещий сон герою: Он видит, будто бы княжна Над страшной бездны глубиною Стоит недвижна и бледна... И вдруг Людмила исчезает, Стоит один над бездной он... Знакомый глас, призывный стон Из тихой бездны вылетает... Руслан стремится за женой; Стремглав летит во тьме глубокой... И видит вдруг перед собой: Владимир, в гриднице высокой, В кругу седых богатырей, Между двенадцатью сынами, С толпою названных гостей Сидит за браными столами. И так же гневен старый князь, Как в день ужасный расставанья, И все

сидят не шевелясь, Не смея перервать молчанья. Утих веселый шум гостей, Не ходит чаша круговая... И видит он среди гостей В бою сраженного Рогдая: Убитый как живой сидит; Из опененного стакана Он, весел, пьет и не глядит На изумленного Руслана. Князь видит и младого хана, Друзей и недругов... и вдруг Раздался гуслей беглый звук И голос вещего Баяна, Певца героев и забав. Вступает в гридницу Фарлаф, Ведет он за руку Людмилу; Но старец, с места не привстав, Молчит, склонив главу унылу, Князья, бояре - все молчат, Душевные движенья кроя. И все исчезло - смертный хлад Объемлет спящего героя. В дремоту тяжело погружен, Он льет мучительные слезы, В волненьи мыслит: это сон! Томится, но зловещей грезы, Увы, прервать не в силах он.

Луна чуть светит над горою; Объяты рощи темнотою, Долина в мертвой тишине... Изменник едет на коне.

Перед ним открылася поляна; Он видит сумрачный курган; У ног Людмилы спит Руслан, И ходит конь кругом кургана. Фарлаф с боязнию глядит; В тумане ведьма исчезает, В нем сердце замерло, дрожит, Из хладных рук

узду роняет, Тихонько обнажает меч, Гото-
вась витязя без боя С размаха надвое рас-
сечь... К нему подъехал. Конь героя, Врага по-
чуя, закипел, Заржал и топнул. Знак напрас-
ный! Руслан не внемлет; сон ужасный, Как
груз, над ним отяготел!.. Изменник, ведьмой
ободренный, Герою в грудь рукой презренной
Вонзает трижды хладну сталь... И мчится бо-
язливо вдаль С своей добычей драгоценной.

Всю ночь бесчувственный Руслан Лежал
во мраке под горою. Часы летели. Кровь ре-
кою Текла из воспаленных ран. Поутру, взор
открыв туманный, Пуская тяжкий, слабый
стон, С усильем приподнялся он, Взглянул, по-
ник главою бранной И пал недвижимый, без-
дыханный.

ПЕСНЬ ШЕСТАЯ

Ты мне велишь, о друг мой нежный, На ли-
ре легкой и небрежной Старинны были напе-
вать И музе верной посвящать Часы бесцен-
ного досуга... Ты знаешь, милая подруга: По-
ссорясь с ветреной молвой, Твой друг, бла-
женством упоенный, Забыл и труд уединен-
ный, И звуки лиры дорогой. От гармониче-
ской забавы Я, негой упоен, отвык... Дышу то-

бой - и гордой славы Невнятен мне призыв-
ный клик! Меня покинул тайный гений И вы-
мыслов, и сладких дум; Любовь и жажда на-
слаждений Одни преследуют мой ум. Но ты
велишь, но ты любила Рассказы прежние
мои, Преданья славы и любви; Мой богатырь,
моя Людмила, Владимир, ведьма, Черномор И
Финна верные печали Твое мечтанье занима-
ли; Ты, слушая мой легкий вздор, С улыбкой
иногда дремала; Но иногда свой нежный взор
Нежнее на певца бросала... Решусь: влюблен-
ный говорун, Касаюсь вновь ленивых струн;
Сажусь у ног твоих и снова Бренчу про витязя
младого.

Но что сказал я? Где Руслан? Лежит он
мертвый в чистом поле: Уж кровь его не льет-
ся боле, Над ним летает жадный вран, Безгла-
сен рог, недвижны латы, Не шевелится шлем
косматый!

Вокруг Руслана ходит конь, Поникнув гор-
дой головою, В его глазах исчез огонь! Не ма-
шет гривой золотою, Не тешится, не скачет он
И ждет, когда Руслан воспрянет... Но князя
крепок хладный сон, И долго щит его не гря-
нет.

А Черномор? Он за седлом, В котомке,
ведьмою забытый, Еще не знает ни о чем;
Усталый, сонный и сердитый Княжну, героя
моего Бранил от скуки молчаливо; Не слыша
долго ничего, Волшебник выглянул - о диво!
Он видит, богатырь убит; В крови потоплен-
ный лежит; Людмилы нет, все пусто в поле;
Злодей от радости дрожит И мнит: сверши-
лось, я на воле! Но старый карла был неправ.

Меж тем, Наиной осененный, С Людмилой,
тихо усыпленной, Стремится к Киеву Фарлаф:
Летит, надежды, страха полный; Пред ним
уже днепровски волны В знакомых пажитях
шумят; Уж видит златоверхий град; Уже Фар-
лаф по граду мчится, И шум на стогнах вос-
стает; В волненье радостном народ Валит за
всадником, теснится; Бегут обрадовать отца:
И вот изменник у крыльца.

Влача в душе печали бремя, Владимир-сол-
нышко в то время В высоком тереме своем
Сидел, томясь привычной думой. Бояре, ви-
тязи кругом Сидели с важностью угрюмой.
Вдруг внемлет он: перед крыльцом Волненье,
крики, шум чудесный; Дверь отворилась; пе-
ред ним Явился воин неизвестный; Все вста-

ли с шепотом глухим И вдруг смутились, зашумели: "Людмила здесь! Фарлаф... ужели?" В лице печальном изменяясь, Встает со стула старый князь, Спешит тяжелыми шагами К несчастной дочери своей, Подходит; отчими руками Он хочет прикоснуться к ней; Но дева милая не внемлет, И очарованная дремлет В руках убийцы - все глядят На князя в смутном ожиданье; И старец беспокойный взгляд Вперил на витязя в молчанье. Но, хитро перст к устам прижав, "Людмила спит, - сказал Фарлаф, Я так нашел ее недавно В пустынных муромских лесах У злого лешего в руках; Там совершилось дело славно; Три дня мы бились; луна Над боем трижды подымалась; Он пал, а юная княжна Мне в руки сонною досталась; И кто прервет сей дивный сон? Когда настанет пробужденье? Не знаю - скрыт судьбы закон! А нам надежда и терпенье Одни остались в утешенье".

И вскоре с вестью роковой Молва по граду полетела; Народа пестрою толпой Градская площадь закипела; Печальный терем всем открыт; Толпа волнуется, валит Туда, где на одре высоком, На одеяле парчевом Княжна ле-

жит во сне глубоком; Князья и витязи кругом
Стоят унылы; гласы трубны, Рога, тимпаны,
гусли, бубны Гремят над нею; старый князь,
Тоской тяжелой изнурясь, К ногам Людмилы
сединами Приник с безмолвными слезами; И
бледный близ него Фарлаф, В немом раская-
нье, в досаде Трепещет, дерзость потеряв.

Настала ночь. Никто во граде Очей бессон-
ных не смыкал Шумя, теснились все друг к
другу: О чуде всякий толковал; Младой супруг
свою супругу В светлице скромной забывал.
Но только свет луны двурогой Исчез пред
утренней зарей, Весь Киев новою тревогой
Смутился! Клики, шум и вой Возникли всюду.
Киевляне Толпятся на стене градской... И ви-
дят: в утреннем тумане Шатры белеют за ре-
кой; Щиты, как зарево, блистают, В полях на-
ездники мелькают, Вдали подъемля черный
прах; Идут походные телеги, Костры пылают
на холмах. Беда: восстали печенег!

Но в это время вещей Финн, Духов могу-
чий властелин, В своей пустыне безмятеж-
ной, С спокойным сердцем ожидал, Чтоб день
судьбины неизбежной, Давно предвиденный,
восстал.

В немой глуши степей горючих За дальней
цепью диких гор, Жилища ветров, бурь гре-
мучих, Куда и ведьмы смелый взор Проник-
нуть в поздний час боится, Долина чудная та-
ится, И в той долине два ключа: Один течет
волной живою, По камням весело журча, Тот
льется мертвою водою; Кругом все тихо, вет-
ры спят, Прохлада вешняя не веет, Столетни
сосны не шумят, Не вьются птицы, лань не
смеет В жар летний пить из тайных вод; Чета
духов с начала мира, Безмолвная на лоне ми-
ра, Дремучий берег стережет ... С двумя кув-
шинами пустыми Предстал отшельник перед
ними; Прервали духи давний сон И удали-
лись страха полны. Склонившись, погружает
он Сосуды в девственные волны; Наполнил, в
воздухе пропал И очутился в два мгновенья В
долине, где Руслан лежал В крови, безглас-
ный, без движенья; И стал над рыцарем ста-
рик, И вспрыснул мертвою водою, И раны за-
сияли вмиг, И труп чудесной красотой Про-
цвел; тогда водой живою Героя старец окро-
пил, И бодрый, полный новых сил, Трепеща
жизнью молодою, Встает Руслан, на ясный
день Очами жадными взирает, Как безобраз-

ный сон, как тень, Перед ним минувшее мелькает. Но где Людмила? Он один! В нем сердце, вспыхнув, замирает. Вдруг витязь вспрыгнул; вещий Финн Его зовет и обнимает: "Судьба свершилась, о мой сын! Тебя блаженство ожидает; Тебя зовет кровавый пир; Твой грозный меч бедою грянет; На Киев снидет кроткий мир, И там она тебе предстанет. Возьми заветное кольцо, Коснися им чела Людмилы, И тайных чар исчезнут силы, Врагов смутит твое лицо, Настанет мир, погибнет злоба. Достойны счастья будьте оба! Прости надолго, витязь мой! Дай руку... там, за дверью гроба Не прежде - свидимся с тобой!" Сказал, исчезнул. Упоенный Восторгом пылким и немым, Руслан, для жизни пробужденный, Подъемлет руки вслед за ним. Но ничего не слышно боле! Руслан один в пустынном поле; Запрыгав, с карлой за седлом, Русланов конь нетерпеливый Бежит и ржет, махая гривой; Уж князь готов, уж он верхом, Уж он летит живой и здравый Через поля, через дубравы.

Но между тем какой позор Являет Киев осажденный? Там, устремив на нивы взор, Народ, уныньем пораженный, Стоит на баш-

нях и стенах И в страхе ждет небесной казни;
Стенанья робкие в домах, На стогнах тишина
боязни; Один, близ дочери своей, Владимир в
горестной молитве; И храбрый сонм богаты-
рей С дружиной верною князей Готовится к
кровавой битве.

И день настал. Толпы врагов С зарею дви-
нулись с холмов; Неукротимые дружины,
Волнуясь, хлынули с равнины И потекли к
стене градской; Во граде трубы загремели,
Бойцы сомкнулись, полетели Навстречу рати
удалой, Сошлись - и заварился бой. Почуя
смерть, взыграли кони, Пошли стучать мечи
о брони; Со свистом туча стрел взвилась, Рав-
нина кровью залилась; Стремглав наездники
помчались, Дружины конные смешались; Со-
мкнутой, дружною стеной Там рубится со
строем строй; Со всадником там пеший бьет-
ся; Там конь испуганный несется; Там клики
битвы, там побег; Там русский пал, там пече-
нег;

Тот опрокинут булавою; Тот легкой пора-
жен стрелою; Другой, придавленный щитом,
Растоптан бешеным конем... И длился бой до
темной ночи; Ни враг, ни наш не одолел! За

грудами кровавых тел Бойцы сомкнули томны очи, И крепок был их бранный сон; Лишь изредка на поле битвы Был слышен падших скорбный стон И русских витязей молитвы.

Бледнела утренняя тень, Волна сребрилася в потоке, Сомнительный рождался день На отуманенном востоке. Яснели холмы и леса, И просыпались небеса. Еще в бездейственном покое Дремало поле боевое; Вдруг сон прервался: вражий стан С тревогой шумною воспрянул, Внезапный крик сражений грянул; Смутилось сердце киевлян; Бегут нестройными толпами И видят: в поле меж врагами, Блистая в латах, как в огне, Чудесный воин на коне Грозой несется, колет, рубит, В ревущий рог, летая, трубит... То был Руслан. Как божий гром, Наш витязь пал на басурмана; Он рыщет с карлой за седлом Среди испуганного стана. Где ни просвищет грозный меч, Где конь сердитый ни промчится, Везде главы слетают с плеч И с воплем строй на строй валится; В одно мгновенье бранный луг Покрыт холмами тел кровавых, Живых, раздавленных, безглавых, Громадой копий, стрел, кольчуг. На трубный звук, на голос боя Дружины

конные славян Помчались по следам героя,
Сразились... гибни, басурман! Объемлет ужас
печенегов; Питомцы бурные набегов Зовут
рассеянных коней, Противиться не смеют бо-
ле И с диким воплем в пыльном поле Бегут от
киевских мечей, Обречены на жертву аду; Их
сонмы русский меч казнит; Ликует Киев... Но
по граду Могучий богатырь летит; В деснице
держит меч победный; Копье сияет как звез-
да; Струится кровь с кольчуги медной; На
шлеме вьется борода; Летит, надеждой окри-
ленный, По стогнам шумным в княжий дом.
Народ, восторгом упоенный, Толпится с кли-
ками кругом, И князя радость оживила. В без-
молвный терем входит он, Где дремлет чуд-
ным сном Людмила; Владимир, в думу погру-
жен, У ног ее стоял унылый. Он был один. Его
друзей Война влекла в поля кровавы. Но с
ним Фарлаф, чуждаясь славы, Вдали от вра-
жеских мечей, В душе презрев тревоги стана,
Стоял на страже у дверей. Едва злодей узнал
Руслана, В нем кровь остыла, взор погас, В
устах открытых замер глас, И пал без чувств
он на колена... Достойной казни ждет измена!
Но, помня тайный дар кольца, Руслан летит к

Людмиле спящей, Ее спокойного лица Касается
рукой дрожащей... И чудо: юная княжна,
Вздыхнув, открыла светлы очи! Казалось, буд-
то бы она Дивилася столь долгой ночи; Каза-
лось, что какой-то сон Ее томил мечтой неяс-
ной, И вдруг узнала - это он! И князь в объяти-
ях прекрасной. Воскреснув пламенной душой,
Руслан не видит, не внимает, И старец в радо-
сти немой, Рыдая, милых обнимает.

Чем кончу длинный мой рассказ? Ты уга-
даешь, друг мой милый! Неправый старца
гнев погас; Фарлаф пред ним и пред Людми-
лой У ног Руслана объявил Свой стыд и мрач-
ное злодейство; Счастливый князь ему про-
стил; Лишенный силы чародейства, Был при-
нят карла во дворец; И, бедствий празднуя ко-
нец, Владимир в GRIDнице высокой Запиро-
вал в семье своей.

Дела давно минувших дней, Преданья ста-
рины глубокой.

ЭПИЛОГ

Так, мира житель равнодушный, На лоне
праздной тишины, Я славил лирою послуш-
ной Преданья темной старины. Я пел - и забы-
вал обиды Слепого счастья и врагов, Измены

ветреной Дориды И сплетни шумные глупцов. На крыльях вымысла носимый, Ум улетал за край земной; И между тем грозы незримой Сбиралась туча надо мной!.. Я погибал... Святой хранитель Первоначальных, бурных дней, О дружба, нежный утешитель Болезненной души моей! Ты умолила непогоду; Ты сердцу возвратила мир; Ты сохранила мне свободу, Кипящей младости кумир! Забытый светом и молвою, Далече от берегов Невы, Теперь я вижу пред собою Кавказа гордые главы. Над их вершинами крутыми, На скате каменных стремнин, Питаюсь чувствами немymi И чудной прелестью картин Природы дикой и угрюмой; Душа, как прежде, каждый час Полна томительною думой Но огонь поэзии погас. Ищу напрасно впечатлений: Она прошла, пора стихов, Пора любви, веселых снов, Пора сердечных вдохновений! Восторгов краткий день протек И скрылась от меня навек Богиня тихих песнопений...

1817-1822

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

Повесть

ПОСВЯЩЕНИЕ

Н. Н. Раевскому

Прими с улыбкою, мой друг,

Свободной музыки приношение: Тебе я посвятил, изгнанной лиры пенье

И вдохновенный свой досуг. Когда я погибал, безвинный, безотрадный, И шепот клеветы внимал со всех сторон,

Когда кинжал измены хладный,

Когда любви тяжелый сон

Меня терзали и мертвили, Я близ тебя еще спокойство находил; Я сердцем отдыхал - друг друга мы любили: И бури надо мной свирепость утомили, Я в мирной пристани богов благословил.

Во дни печальные разлуки

Мои задумчивые звуки

Напоминали мне Кавказ, Где пасмурный Бешту {1} пустынный величавый, Аулов {2} и полей властитель пятиглавый,

Был новый для меня Парнас. Забуду ли его кремнистые вершины, Гремучие ключи, увядшие равнины, Пустыни знойные, края, где ты со мной

Делил души молодые впечатленья; Где рыскает в горах воинственный разбой,

И дикий гений вдохновенья
Таится в тишине глухой?
Ты здесь найдешь воспоминанья,
Быть может, милых сердцу дней,
Противуречия страстей, Мечты знакомые,
знакомые страданья
И тайный глас души моей.

Мы в жизни розно шли: в объятиях покоя
Едва, едва расцвел и вслед отца-героя
В поля кровавые, под тучи вражьих стрел, Младенец
избранный, ты гордо полетел. Отечество тебя
ласкало с умиленьем, Как жертву милую, как
верный свет надежд. Я рано скорбь узнал, по-
стигнут был гоненьем; Я жертва клеветы и
мстительных невежд; Но сердце укрепив сво-
бодой и терпеньем,

Я ждал беспечно лучших дней;
И счастье моих друзей
Мне было сладким утешеньем.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ауле, на своих порогах, Черкесы празд-
ные сидят. Сыны Кавказа говорят
О бранных, гибельных тревогах,
О красоте своих коней,
О наслажденьях дикой неги;
Вспоминают
прежних дней Неотразимые набеги,
Обманы

хитрых узденей, {3} Удары шашек {4} их жестоких, И меткость неизбежных стрел, И пепел разоренных сел, И ласки пленниц чернооких.

Текут беседы в тишине; Луна плывет в ночном тумане; И вдруг пред ними на коне Черкес. Он быстро на аркане Младого пленника влачил. "Вот русский!" - хищник возопил. Аул на крик его сбежался Ожесточенною толпой; Но пленник хладный и немой, С обезображенной главой, Как труп, недвижим оставался. Лица врагов не видит он, Угроз и криков он не слышит; Над ним летает смертный сон И холодом тлетворным дышит.

И долго пленник молодой Лежал в забвении тяжелом. Уж полдень над его главой Пылал в сиянии веселом; И жизни дух проснулся в нем, Невнятный стон в устах раздался; Согретый солнечным лучом, Несчастный тихо приподнялся; Кругом обводит слабый взор... И видит: неприступных гор Над ним воздвигнулась громада. Гнездо разбойничьих племен, Черкесской вольности ограда. Воспомнил юноша свой плен, Как сна ужасного тревоги, И слышит: загремели вдруг Его закованные

ноги... Все, все сказал ужасный звук; Затмилась перед ним природа. Прости, священная свобода! Он раб.

За саклями {5} лежит Он у колючего забора. Черкесы в поле, нет надзора, В пустом ауле все молчит. Пред ним пустынные равнины Лежат зеленой пеленой; Там холмов тянутся грядой Однообразные вершины; Меж них уединенный путь В дали теряется угрюмой: И пленника молодого грудь Тяжелой взволновалась думой...

В Россию дальний путь ведет, В страну, где пламенную младость Он гордо начал без забот; Где первую познал он радость, Где много милого любил, Где обнял грозное страданье, Где бурной жизнью погубил Надежду, радость и желанье, И лучших дней воспоминанье В увядшем сердце заключил.

Людей и свет изведаль он, И знал неверной жизни цену. В сердцах друзей нашед измену, В мечтах любви безумный сон, Наскуча жертвой быть привычной Давно презренной суеты, И неприязни двуязычной, И простодушной клеветы, Отступник света, друг природы, Покинул он родной предел И в край далекий

полетел С веселым призраком свободы.

Свобода! он одной тебя Еще искал в пустынном мире. Страстями чувства истребя, Охолодев к мечтам и к лире, С волненьем песни он внимал, Одушевленные тобою, И с верой, пламенной мольбою Твой гордый идол обнимал.

Свершилось... целью упованья Не зрит он в мире ничего. И вы, последние мечтанья, И вы сокрылись от него. Он раб. Склонясь главой на камень, Он ждет, чтоб с сумрачной зарей Погас печальной жизни пламень, И жаждет сени гробовой.

Уж меркнет солнце за горами; Вдали раздался шумный гул; С полей народ идет в аул, Сверкая светлыми косами. Пришли; в домах зажглись огни, И постепенно шум нестройный Умолкнул; все в ночной тени Объято негою спокойной; Вдали сверкает горный ключ, Сбегая с каменной стремнины; Оделись пеленою туч Кавказа спящие вершины... Но кто, в сиянии луны, Среди глубокой тишины Идет, украдкою ступая? Очнулся русский. Перед ним, С приветом нежным и немым, Стоит черкешенка младая. На деву молча смотрит

он И мыслит: это лживый сон, Усталых чувств игра пустая. Луною чуть озарена, С улыбкой жалости отрадной Колена преклонив, она К его устам кумыс {6} прохладный Подносит тихою рукой. Но он забыл сосуд целебный; Он ловит жадною душой Приятной речи звук волшебный И взоры девы молодой. Он чуждых слов не понимает; Но взор умильный, жар ланит, Но голос нежный говорит: Живи! и пленник оживает. И он, собрав остаток сил, Веленью милому покорный, Привстал - и чашей благотворной Томленью жажды утолил. Потом на камень вновь склонился Отягощенною главой, Но все к черкешенке младой Угасший взор его стремился. И долго, долго перед ним Она, задумчива, сидела; Как бы участием немым Утешить пленника хотела; Уста невольно каждый час С начатой речью открывались; Она вздыхала, и не раз Слезами очи наполнялись.

За днями дни прошли как тень. В горах, окованный, у стада Проводит пленник каждый день. Пещеры влажная прохлада Его скрывает в летний зной; Когда же рог луны серебристой Блеснет за мрачною горой, Черке-

шенка, тропой тенистой, Приносит пленнику
вино, Кумыс, и ульев сот душистый, И бело-
снежное пшено; С ним тайный ужин разделя-
ет; На нем покоит нежный взор; С неясной ре-
чию сливает Очей и знаков разговор; Поет
ему и песни гор, И песни Грузии счастливой
{7}, И памяти нетерпеливой Передает язык
чужой. Впервые девственной душой Она лю-
била, знала счастье, Но русский жизни моло-
дой Давно утратил сладострастье. Не мог он
сердцем отвечать Любви младенческой, от-
крытой Быть может, сон любви забытой Боял-
ся он вспоминать.

Не вдруг увянет наша младость, Не вдруг
восторги бросят нас, И неожиданную радость
Еще обнимем мы не раз: Но вы, живые впе-
чатленья, Первоначальная любовь, Небесный
пламень упоенья, Не прилетаете вы вновь.

Казалось, пленник безнадежный К унылой
жизни привыкал. Тоску неволи, жар мятеж-
ный В душе глубоко он скрывал. Влачась меж
утрюмых скал, В час ранней, утренней про-
хлады, Вперял он любопытный взор На отда-
ленные громады Седых, румяных, синих гор.
Великолепные картины! Престолы вечные

снегов, Очам казались их вершины Недвижной цепью облаков, И в их кругу колосс двуглавый, В венце блистая ледяном, Эльбрус огромный, величавый, Белел на небе голубом. {8} Когда, с глухим сливаясь гулом, Предтеча бури, гром гремел, Как часто пленник над аулом Недвижим на горе сидел! У ног его дымились тучи, В степи взвивался прах летучий; Уже приюта между скал Елень испуганный искал; Орлы с утесов подымались И в небесах перекликались; Шум табунов, мычанье стад Уж гласом бури заглушались... И вдруг на доли дождь и град Из туч сквозь молний извергались; Волнами роя крутизны, Сдвигая камни вековые, Текли потоки дождевые А пленник, с горной вышины, Один, за тучей громовою, Возврата солнечного ждал, Недостигаемый грозою, И бури немощному вою С какой-то радостью внимал.

Но европейца все вниманье Народ сей чудный привлекал. Меж горцев пленник наблюдал Их веру, нравы, воспитанье, Любил их жизни простоту, Гостеприимство, жажду брани, Движений вольных быстроту, И легкость ног, и силу длани; Смотрел по целым он ча-

сам, Как иногда черкес проворный, Широкой степью, по горам, В косматой шапке, в бурке черной, К луке склонясь, на стремяна Ногою стройной опираясь, Летал по воле скакуна, К войне заране приучаясь. Он любовался красотой Одежды бранной и простой. Черкес оружием обвешен; Он им гордится, им утешен; На нем броня, пицаль, колчан, Кубанский лук, кинжал, аркан И шашка, вечная подруга Его трудов, его досуга. Ничто его не тяготит, Ничто не брякнет; пеший, конный Все тот же он; все тот же вид Непобедимый, непреклонный. Гроза беспечных казаков, Его богатство - конь ретивый, Питомец горских табунов, Товарищ верный, терпеливый. В пещере иль в траве глухой Коварный хищник с ним таится И вдруг, внезапною стрелой, Завидя путника, стремится; В одно мгновенье верный бой Решит удар его могучий, И странника в ущелья гор Уже влечет аркан летучий. Стремится конь во весь опор, Исполнен огненной отваги; Все путь ему: болото, бор, Кусты, утесы и овраги; Кровавый след за ним бежит, В пустыне топот раздаётся; Седой поток пред ним шумит Он в глубь кипящую несётся; И путник,

брошенный ко дну, Глокает мутную волну,
Изнемогая, смерти просит И зрит ее перед со-
бой... Но мощный конь его стрелой На берег
пенистый выносит.

Иль ухватив рогатый пеня, В реку низвер-
женный грозою, Когда на холмах пеленою Ле-
жит безлунной ночи тень, Черкес на корни
вековые, На ветви вешает кругом Свои доспе-
хи боевые, Щит, бурку, панцырь и шолом,
Колчан и лук - и в быстры волны За ним бро-
сается потом, Неутомимый и безмолвный.
Глухая ночь. Река ревет; Могучий ток его
несет Вдоль берегов уединенных, Где на кур-
ганах возвышенных, Склонясь на копья, каза-
ки Глядят на темный бег реки И мимо их, во
мгле чернея, Плывет оружие злодея... О чем
ты думаешь, казак? Воспоминаешь прежни
битвы, На смертном поле свой бивак, Полков
хвалебные молитвы И родину?... Коварный
сон! Простите, вольные станицы, И дом от-
цов, и тихой Дон, Война и красные девицы! К
берегам причалил тайный враг, Стрела выхо-
дит из колчана Взвилась - и падает казак С
окровавленного кургана.

Когда же с мирною семьей Черкес в отече-

ском жилище Сидит ненастною порой, И тлеют угли в пепелище; И, спрянув с верного коня, В горах пустынных запоздалый, К нему войдет пришлец усталый И робко сядет у огня, Тогда хозяин благосклонный С приветом, ласково, встает И гостю в чаше благовонной Чихирь {9} отрадный подает. Под влажной буркой, в сакле дымной, Вкушает путник мирный сон, И утром оставляет он Ночлега кров гостеприимный {10}.

Бывало, в светлый Баиран {11} Сберутся юноши толпою; Игра сменяется игрою. То, полный разобрав колчан, Они крылатыми стрелами Пронзают в облаках орлов; То с высоты крутых холмов Нетерпеливыми рядами, При данном знаке, вдруг падут, Как лани землю поражают, Равнину пылью покрывают И с дружным топотом бегут.

Но скучен мир однообразный Сердцам, рожденным для войны, И часто игры воли праздной Игрой жестокой смущены. Нередко шашки грозно блещут В безумной резвости пиров, И в прах летят главы рабов, И в радости младенцы плещут.

Но русский равнодушно зрел Сии крова-

вые забавы. Любил он прежде игры славы И
жаждой гибели горел. Невольник чести бес-
пощадной, Вблизи видал он свой конец, На
поединках твердый, хладный, Встречая ги-
бельный свинец. Быть может, в думу погру-
женный, Он время то воспоминал, Когда, дру-
зьями окруженный, Он с ними шумно пиро-
вал... Жалел ли он о днях минувших, О днях,
надежду обманувших, Иль, любопытный, со-
зерцал Суровой простоты забавы И дикого на-
рода нравы В сем верном зеркале читал Таил
в молчанье он глубоком Движенья сердца
своего, И на челе его высоком Не изменялось
ничего; Беспечной смелости его Черкесы гроз-
ные дивились, Щадили век его молодой И ше-
потом между собой Своей добычею горди-
лись.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Ты их узнала, дева гор, Восторги сердца,
жизни сладость; Твой огненный, невинный
взор Высказывал любовь и радость. Когда
твой друг во тьме ночной Тебя лобзал немым
лобзаньем, Сгорая негой и желаньем, Ты за-
бывала мир земной, Ты говорила: "Пленник
милый, Развесели свой взор унылый, Скло-

нись главой ко мне на грудь, Свободу, родину забудь. Скрываться рада я в пустыне С тобою, царь души моей! Люби меня; никто доньше Не целовал моих очей; К моей постеле одинокой Черкес молодой и черноокой Не крался в тишине ночной; Слыву я девою жестокой, Неумолимой красотой. Я знаю жребий мне готовый: Меня отец и брат суровый Немилому продать хотят В чужой аул ценою злата; Но умолю отца и брата, Не то - найду кинжал иль яд. Непостижимой, чудной силой К тебе я вся привлечена; Люблю тебя, невольник милый, Душа тобой упоена..."

Но он с безмолвным сожаленьем На деву страстную взирал И, полный тяжким размышленьем, Словам любви ее внимал. Он забывался. В нем теснились Воспоминанья прошлых дней, И даже слезы из очей Однажды градом покатались. Лежала в сердце, как свинец, Тоска любви без упованья. Пред юной девой наконец Он излил свои страданья:

"Забудь меня: твоей любви, Твоих восторгов я не стою. Бесценных дней не трать со мною; Другого юношу зови. Его любовь тебе заменит Моей души печальный хлад; Он бу-

дет верен, он оценит Твою красу, твой милый
взгляд, И жар младенческих лобзаний, И неж-
ность пламенных речей; Без упоенья, без же-
ланий Я вяну жертвою страстей. Ты видишь
след любви несчастной, Душевной бури след
ужасный; Оставь меня; но пожалей О скорб-
ной участи моей! Несчастный друг, зачем не
прежде Явилась ты моим очам, В те дни, как
верил я надежде И упоительным мечтам! Но
поздно: умер я для счастья, Надежды призрак
улетел; Твой друг отвык от сладострастья, Для
нежных чувств окаменел...

Как тяжко мертвыми устами Живым лоб-
заньям отвечать И очи, полные слезами,
Улыбкой хладною встречать! Измучась рев-
ностью напрасной, Уснув бесчувственной ду-
шой, В объятиях подруги страстной Как тяж-
ко мыслить о другой!..

Когда так медленно, так нежно Ты пьешь
лобзания мои, И для тебя часы любви Прохо-
дят быстро, безмятежно; Снедая слезы в ти-
шине, Тогда рассеянный, унылый Перед со-
бою, как во сне, Я вижу образ вечно милый;
Его зову, к нему стремлюсь, Молчу, не вижу,
не внимаю; Тебе в забвеньи предаюсь И тай-

ный призрак обнимаю. Об нем в пустыне слезы лью; Повсюду он со мною бродит И мрачную тоску наводит На душу сирую мою.

Оставь же мне мои железы, Уединенные мечты, Воспоминанья, грусть и слезы: Их разделить не можешь ты. Ты сердца слышала признанье; Прости... дай руку - на прощанье. Не долго женскую любовь Печалит хладная разлука: Пройдет любовь, настанет скука, Красавица полюбит вновь".

Раскрыв уста, без слез рыдая, Сидела дева молодая. Туманный, неподвижный взор Безмолвный выражал укор; Бледна как тень, она дрожала: В руках любовника лежала Ее холодная рука; И наконец любви тоска В печальной речи излилася:

"Ах, русский, русский, для чего, Не зная сердца твоего, Тебе навек я предалася! Не долго на груди твоей В забвеньи дева отдыхала; Не много радостных ночей Судьба на долю ей послала! Придут ли вновь когда-нибудь? Ужель навек погибла радость?.. Ты мог бы, пленник, обмануть Мою неопытную младость, Хотя б из жалости одной, Молчаньем, ласкою притворной; Я услаждала б жребий

твой Заботой нежной и покорной; Я стерегла
б минуты сна, Покой тоскующего друга; Ты не
хотел... Но кто ж она, Твоя прекрасная подру-
га? Ты любишь, русский? ты любим?. Понят-
ны мне твои страданья... Прости ж и ты мои
рыданья, Не смейся горестям моим".

Умолкла. Слезы и стенанья Стеснили бед-
ной девы грудь. Уста без слов роптали пени.
Без чувств, обняв его колени, Она едва могла
дохнуть. И пленник, тихою рукою Подняв
несчастную, сказал: "Не плачь: и я гоним
судьбою, И муки сердца испытал. Нет, я не
знал любви взаимной, Любил один, страдал
один; И гасну я, как пламень дымный, Забы-
тый средь пустых долин; Умру вдали берегов
желанных; Мне будет гробом эта степь; Здесь
на костях моих изгнанных Заржавит тягост-
ная цепь..."

Светила ночи затмевались; В дали про-
зрачной означались Громады светлоснежных
гор; Главу склонив, потупя взор, Они в без-
молвии расстались.

Унылый пленник с этих пор Один окрест
аула бродит. Заря на знойный небосклон За
днями новы дни возводит; За ночью ночь во-

след уходит; Вотще свободы жаждет он.
Мелькнет ли серна меж кустами, Проскачет
ли во мгле сайгак, Он, вспыхнув, загремит це-
пями, Он ждет, не крадется ль казак, Ночной
аулов разоритель, Рабов отважный избави-
тель. Зовет... но все кругом молчит; Лишь вол-
ны плещутся, бушуя, И человека зверь почуя,
В пустыню темную бежит.

Однажды слышит русский пленный, В го-
рах раздался клик военный: "В табун, в та-
бун!" Бегут, шумят; Уздечки медные гремят,
Чернеют бурки, блещут брони, Кипят осед-
ланнные кони, К набегу весь аул готов, И ди-
кие питомцы брани Рекою хлынули с холмов
И скачут по берегам Кубани Сбирать насиль-
ственные дани.

Утих аул; на солнце спят У саклей псы сто-
рожевые. Младенцы смуглые, нагие В свобод-
ной резвости шумят; Их прадеды в кругу си-
дят, Из трубок дым, виясь, синеет. Они без-
молвно юных дев Знакомый слушают при-
пев, И старцев сердце молодеет.

ЧЕРКЕССКАЯ ПЕСНЯ

1

В реке бежит гремучий вал; В горах без-

молвие ночное; Казак усталый задремал,
Склонясь на копие стальное. Не спи, казак: во
тьме ночной Чеченец ходит за рекой.

2

Казак плывет на челноке, Влача по дну
речному сети. Казак, утонешь ты в реке, Как
тонут маленькие дети, Купаясь жаркою по-
рой: Чеченец ходит за рекой.

3

На берегу заветных вод Цветут богатые
станции; Веселый пляшет хоровод. Бегите,
русские певицы, Спешите, красные, домой:
Чеченец ходит за рекой.

Так пели девы. Сев на бреге, Мечтает рус-
ский о побеге; Но цепь невольника тяжка,
Быстра глубокая река... Меж тем, померкнув,
степь уснула, Вершины скал омрачены. По бе-
лым хижинам аула Мелькает бледный свет
луны; Елени дремлют над водами, Умолкнул
поздний крик орлов, И глухо вторится горами
Далекий топот табунов.

Тогда кого-то слышно стало, Мелькнуло де-
вы покрывало, И вот - печальна и бледна К
нему приблизилась она. Уста прекрасной
ищут речи; Глаза исполнены тоской, И чер-

ной падают волной Ее волосы на грудь и плечи. В одной руке блестит пила, В другой кинжал ее булатный; Казалось, будто дева шла На тайный бой, на подвиг ратный.

На пленника возведши взор, "Беги, - сказала дева гор, Нигде черкес тебя не встретит. Спеш; не трать ночных часов; Возьми кинжал: твоих следов Никто во мраке не заметит".

Пилу дрожащей взяв рукой, К его ногам она склонилась: Визжит железо под пилой, Слеза невольная скатилась И цепь распалась и гремит. "Ты волен, - дева говорит, Беги!" Но взгляд ее безумный Любви порыв изобразил. Она страдала. Ветер шумный, Свистя, покров ее клубил. "О друг мой! - русский возопил, Я твой навек, я твой до гроба. Ужасный край оставим оба, Беги со мной..." - "Нет, русский, нет! Она исчезла, жизни сладость; Я знала все, я знала радость, И все прошло, пропал и след. Возможно ль? ты любил другую!.. Найди ее, люби ее; О чем же я еще тоскую? О чем уныние мое?.. Прости! любви благословенья С тобою будут каждый час. Прости - забудь мои мученья, Дай руку мне... в последний раз".

К черкешенке простер он руки, Воскресшим сердцем к ней летел, И долгий поцелуй разлуки Союз любви запечатлел. Рука с рукой, унынья полны, Сошли ко берегу в тишине И русский в шумной глубине Уже плывет и пенит волны, Уже противных скал достиг, Уже хватается за них... Вдруг волны глухо зашумели, И слышен отдаленный стон... На дикой брег выходит он, Глядит назад, берега яснили И, опененные, белели; Но нет черкешенки молодой Ни у берегов, ни под горой... Все мертво... на берегах уснувших Лишь ветра слышен легкой звук, И при луне в водах плеснувших Струистый исчезает круг.

Все понял он. Прощальным взором Объемлет он в последний раз Пустой аул с его забором, Поля, где, пленный, стадо пас, Стремнины, где влачил оковы, Ручей, где в полдень отдыхал, Когда в горах черкес суровый Свободы песню запевал.

Редел на небе мрак глубокий, Ложился день на темный дол, Взошла заря. Тропой далекой Освобожденный пленник шел; И перед ним уже в туманах Сверкали русские штыки, И окликались на курганах Сторожевые каза-

ки.

ЭПИЛОГ

Так Муза, легкой друг Мечты, К пределам Азии летала И для венка себе срывала Кавказа дикие цветы. Ее пленял наряд суровый Племен, возросших на войне, И часто в сей одежде новой Волшебница являлась мне; Вокруг аулов опустелых Одна бродила по скалам, И к песням дев осиротелых Она прислушивалась там; Любила бранные станицы, Тревоги смелых казаков, Курганы, тихие гробницы, И шум, и ржанье табунов. Богиня песен и рассказа, Воспоминания полна, Быть может, повторит она Преданья грозного Кавказа; Расскажет повесть дальних стран, Мстислава {12} древний поединок, Измены, гибель россиян На лоне мстительных грузинок; И воспою тот славный час, Когда, почуя бой кровавый, На негодующий Кавказ Подъялся наш орел двуглавый; Когда на Тереке седом Впервые грянул битвы гром И грохот русских барабанов, И в сече, с дерзостным челом, Явился пылкий Цицианов; Тебя я воспою, герой, О Котляревский, бич Кавказа! Куда ни мчался ты грозой Твой ход, как черная зара-

за, Губил, ничтожил племена... Ты днесь покинул саблю мести, Тебя не радует война; Скучая миром, в язвах чести, Вкушаешь праздный ты покой И тишину домашних долов... Но се - Восток подьмет вой!.. Поникни снежною главой, Смирись, Кавказ: идет Ермолов!

И смолкнул ярый крик войны: Все русскому мечу подвластно. Кавказа гордые сыны, Сражались, гибли вы ужасно; Но не спасла вас наша кровь, Ни очарованные брони, Ни горы, ни лихие кони, Ни дикой вольности любовь! Подобно племени Батыя, Изменит прадедам Кавказ, Забудет алчной брани глас, Оставит стрелы боевые. К ущельям, где гнездились вы, Подъедет путник без боязни, И возвестят о вашей казни Преданья темные молвы.

О юный вождь, сверша походы, Прошел ты с воинством Кавказ, Зрел ужасы, красы природы: Как с ребр там страшных гор лиясь, Ревут в мрак бездн сердиты реки; Как с чел их с грохотом снега Падут, лежавши целы веки; Как серны, вниз склонив рога, Зрят в мгле спокойно под собою Рожденье молний и гро-

МОВ.

Ты зрел, как ясною порою Там солнечны
лучи, средь льдов, Средь вод, играя, отража-
ясь, Великолепный кажут вид; Как, в разно-
цветных рассеваясь Там брызгах, тонкий
дождь горит; Как глыба там сизо-янтарна, На-
висясь, смотрит в темный бор; А там заря злато-
тобагряна Сквозь лес увеселяет взор.

Жуковский, в своем послании к г-ну Воей-
кову, также посвящает несколько прелестных
стихов описанию Кавказа:

Ты зрел, как Терек в быстром беге Меж ви-
ноградников шумел, Где, часто притаясь на
береге, Чеченец иль черкес сидел Под буркой, с
гибельным арканом; И вдалеке перед тобой,
Одеты голубым туманом, Гора вздымалась
над горой, И в сонме их гигант седой, Как ту-
ча, Эльборус двуглавый, Ужасною и велича-
вой Там все блистает красотой: Утесов мши-
стые громады, Бегущи с ревом водопады Во
мрак пучин с гранитных скал; Леса, которых
сна от века Ни стук секир, ни человека Весе-
лый глас не возмущал, В которых сумрачные
сени Еще луч дневный не проник, Где изред-
ка одни елени, Орла услышав грозный крик,

Теснясь в толпу, шумят ветвями, И козы легкими ногами Перебегают по скалам. Там все является очам Великолепие творенья! Но там - среди уединенья Долин, таящихся в горах, Гнездятся и балкар, и бах, И абазех, и камуцинец, И карбулак, и албазинец, И чечерец, и шапсук; Пищаль, кольчуга, сабля, лук И конь - соратник быстроногий Их и сокровища и боги; Как серны скачут по горам, Бросают смерть из-за утеса; Или по топким берегам, В траве высокой, в чаще леса Рассыпавшись, добычи ждут; Скалы свободы их приют. Но дни в аулах их бредут На костылях угрюмой лени: Там жизнь их - сон; стеснясь в кружок И в братский с табаком горшок Вонзивши чубуки, как тени В дыму клубящемся сидят И об убийствах говорят, Иль хвалят меткие пищали, Из коих деды их стреляли; Иль сабли на кремнях острят, Готовясь на убийства новы.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Бешту, или, правильнее, Бештау, кавказская гора в 40 верстах от Георгиевска. Известна в нашей истории.

2 Аул. Так называются деревни кавказских народов.

3 Уздень, начальник или князь.

4 Шашка, черкесская сабля.

5 Сакля, хижина.

6 Кумыс делается из кобыльего молока; напиток сей в большом употреблении между всеми горскими и кочующими народами Азии. Он довольно приятен вкусу и почитается весьма здоровым.

7 Счастливый климат Грузии не вознаграждает сию прекрасную страну за все бедствия, вечно ею претерпеваемые. Песни грузинские приятны и по большей части заунывны. Они славят минутные успехи кавказского оружия, смерть наших героев: Бакунина и Цицианова, измены, убийства - иногда любовь и наслаждения.

8 Державин в превосходной своей оде графу Зубову первый изобразил в следующих строфах дикие картины Кавказа:

9 Чихирь, красное грузинское вино.

10 Черкесы, как и все дикие народы, отличаются пред нами гостеприимством. Гость становится для них священною особою. Предать его или не защитить почитается меж ними за величайшее бесчестие. Кунак (т.е. при-

атель, знакомый) отвечает жизнью за вашу безопасность, и с ним вы можете углубиться в самую средину кабардинских гор.

11 Байран, или байрам, праздник разговенья. Рамазан, музульманский пост.

12 Мстислав, сын. св.Владимира, прозванный Удалым, удельный князь Тмутаракана (остров Тамань). Он воевал с косогами (по всей вероятности, нынешними черкесами) и в единоборстве одолел князя их Редедю. См. Ист. Гос. Росс. Том II.

1821-1822

ГАВРИИЛИАДА

Поэма

Воистину еврейки молодой Мне дорого душевное спасенье. Приди ко мне, прелестный ангел мой, И мирное прими благословенье. Спасти хочу земную красоту! Любезных уст улыбкою довольный, Царю небес и господу Христу Пою стихи на лире богомольной. Смиранных струн, быть может, наконец Ее пленят церковные напевы, И дух святой сойдет на сердце девы; Властитель он и мыслей и сердец.

Шестнадцать лет, невинное смирение,

Бровь темная, двух девственных холмов Под
полотном упругое движенье, Нога любви,
жемчужный ряд зубов... Зачем же ты, еврей-
ка, улыбнулась, И по лицу румянец пробе-
жал? Нет, милая, ты право обманулась: Я не
тебя, - Марию описал.

В глуши полей, вдали Ерусалима, Вдали за-
бав и юных волокит (Которых бес для гибели
хранит), Красавица, никем еще не зрима, Без
прихотей вела спокойный век. Ее супруг, по-
чтенный человек, Седой старик, плохой сто-
ляр и плотник, В селенье был единственный
работник. И день и ночь, имея много дел То с
уровнем, то с верною пилою, То с топором, не
много он смотрел На прелести, которыми вла-
дел, И тайный цвет, которому судьбою Назна-
чена была иная честь, На стебельке не смел
еще процвести. Ленивый муж своею старой
лейкой В час утренний не орошал его; Он как
отец с невинной жил еврейкой, Ее кормил - и
больше ничего.

Но, с праведных небес во время оно Все-
вышний бог склонил приветный взор На
стройный стан, на девственное лоно Рабы
своей - и, чувствуя задор, Он положил в пре-

мудрости глубокой Благословить достойный
вертоград, Сей вертоград, забытый, одинокий,
Щедротю таинственных наград.

Уже поля немая ночь объемлет; В своем углу
Мария сладко дремлет. Всевышний рек, - и
деве снится сон: Пред нею вдруг открылся
небосклон; Во глубине небес необозримой, В
сиянии и славе нестерпимой Тьмы ангелов
волнуются, кипят, Бесчисленны летают сера-
фимы, Струнами арф бряцают херувимы, Ар-
хангелы в безмолвии сидят, Главы закрыв ла-
зурными крылами, И, яркими одеян облака-
ми, Предвечного стоит пред ними трон. И све-
тел вдруг очам явился он... Все пали ниц...
Умолкнул арфы звон. Склонив главу, едва Ма-
рия дышит, Дрожит как лист и голос бога
слышит: "Краса земных любезных дочерей,
Израиля надежда молодая! Зову тебя, любо-
вию пылая, Причастница ты славы будь мо-
ей: Готова будь к неведовой судьбине, Жених
грядет, грядет к своей рабыне".

Вновь облаком оделся божий трон; Восстал
духов крылатый легион, И раздались небес-
ной арфы звуки... Открыв уста, сложив умиль-
но руки, Лицу небес Мария предстоит. Но что

же так волнует и манит Ее к себе внимательные взоры? Кто сей в толпе придворных молодых С нее очей не сводит голубых? Пернатый шлем, роскошные уборы, Сиянье крил и локонов золотых, Высокий стан, взор томный и стыдливый Все нравится Марии молчаливой. Замечен он, один он сердцу мил! Гордись, гордись, архангел Гавриил! Пропало все. - Не внемля детской пени, На полотне так исчезают тени, Рожденные в волшебном фанаре.

Красавица проснулась на заре И нежилась на ложе томной лени. Но дивный сон, но милый Гавриил Из памяти ее не выходил. Царя небес любить она хотела, Его слова приятны были ей, И перед ним она благоговела, Но Гавриил казался ей милей... Так иногда супругу генерала Затянутый прельщает адъютант. Что делать нам? судьба так приказала, Согласны в том невежда и педант.

Поговорим о странностях любви (Другого я не смыслю разговора). В те дни, когда от огненного взора Мы чувствуем волнение в крови, Когда тоска обманчивых желаний Объемлет нас и душу тяготит, И всюду нас преследу-

ет, томит Предмет один и думы и страданий,
Не правда ли? в толпе молодых друзей Наперс-
ника мы ищем и находим. С ним тайный глас
мучительных страстей Наречием восторгов
переводим. Когда же мы поймали на лету
Крылатый миг небесных упоений И к радо-
стям на ложе наслаждений Стыдливую скло-
нили красоту, Когда любви забыли мы страда-
нье И нечего нам более желать, Чтоб ожи-
вить о ней воспоминанье, С наперсником мы
любим поболтать.

И ты, господь! познал ее волненье, И ты
пылал, о боже, как и мы. Создателю постыло
все творенье, Наскучило небесное моленье,
Он сочинял любовные псалмы И громко пел:
"Люблю, люблю Марию, В унынии бессмертие
влачу... Где крылия? к Марии полечу И на гру-
ди красавицы почию!.." И прочее... все, что
придумать мог, Творец любил восточный,
пестрый слог. Потом, призвав любимца Гав-
риила, Свою любовь он прозой объяснял. Бе-
седы их нам церковь утаила, Евангелист
немного оплошал! Но говорит армянское пре-
данье, Что царь небес, не пожалев похвал, В
Меркурии архангела избрал, Заметя в нем и

ум и дарованье, И вечерком к Марии подо-
слал. Архангелу другой хотелось чести:
Нередко он в посольствах был счастлив; Пере-
носить записочки да вести Хоть выгодно, но
он самолюбив. И славы сын, намеренья со-
крыв, Стал нехотя услужливый угодник Царю
небес... а по-земному сводник.

Но, старый враг, не дремлет сатана! Услы-
шал он, шатаясь в белом свете, Что бог имел
еврейку на примете, Красавицу, которая
должна Спасти наш род от вечной муки ада.
Лукавому великая досада Хлопочет он. Все-
вышний между тем На небесах сидел в уны-
нье сладком, Весь мир забыв, не правил он
ничем И без него все шло своим порядком.

Что ж делает Мария? Где она, Иосифа пе-
чальная супруга? В своем саду, печальных
дум полна, Проводит час невинного досуга И
 снова ждет пленительного сна. С ее души не
сходит образ милый, К архангелу летит ду-
шой унылой. В прохладе пальм, под говором
ручья Задумалась красавица моя; Не мило ей
цветов благоуханье, Не весело прозрачных
вод журчанье... И видит вдруг: прекрасная
змия, Приманчивой блистая чешуею, В тени

ветвей качается над нею И говорит: "Любимица небес! Не убегай, - я пленник твой послушный..." Возможно ли? О, чудо из чудес! Кто ж говорил Марии простодушной, Кто ж это был? Увы, конечно, бес.

Краса змии, цветов разнообразность, Ее привет, огонь лукавых глаз Понравились Марии в тот же час. Чтоб усладить младого сердца праздность, На сатане покоя нежный взор, С ним завела опасный разговор:

"Кто ты, змия? По льстивому напеву, По красоте, по блеску, по глазам Я узнаю того, кто нашу Еву Привлечь успел к таинственному древу И там склонил несчастную к грехам. Ты погубил неопытную деву, А с нею весь Адамов род и нас. Мы в бездне бед невольно потонули. Не стыдно ли?"

- Попы вас обманули, И Еву я не погубил, а спас! "Спас! от кого?"

- От бога.

"Враг опасный!" - Он был влюблен...

"Послушай, берегись!" - Он к ней пылал

"Молчи!"

- любовью страстной, Она была в опасности ужасной. "Змия, ты лжешь!"

- Ей-богу!

"Не божись". - Но выслушай...

Подумала Мария: "Не хорошо в саду, наедине, Украдкою внимать наветам змия, И кста-ти ли поверить сатане? Но царь небес меня хранит и любит, Всевышний благ: он, верно, не погубит Своей рабы, - за что ж? за разговор! К тому же он не даст меня в обиду, Да и змия скромна довольно с виду. Какой тут грех? где зло? пустое, вздор!" Подумала и ухо приклонила, Забыв на час любовь и Гавриила. Лукавый бес, надменно развернув Гремучий хвост, согнув дугою шею, С ветвей скользит - и падает пред нею; Желаний огонь во грудь ее вдохнув, Он говорит:

"С рассказом Моисея Не соглашу рассказа моего: Он вымыслом хотел пленить еврея, Он важно лгал, - и слушали его. Бог наградил в нем слог и ум покорный, Стал Моисей известный господин, Но я, поверь, - историк не придворный, Не нужен мне пророка важный чин!

Они должны, красавицы другие, Завидовать огню твоих очей; Ты рождена, о скромная Мария, Чтоб изумлять Адамовых детей,

Чтоб властвовать их легкими сердцами,
Улыбкою блаженство им дарить, Сводить с
ума двумя-тремя словами, По прихоти - лю-
бить и не любить... Вот жребий твой. Как ты -
младая Ева В своем саду скромна, умна, мила,
Но без любви в унынии цвела; Всегда одни,
глаз-на-глаз, муж и дева На берегах Эдема
светлых рек В спокойствии вели невинный
век. Скучна была их дней однообразность. Ни
рощи сень, ни молодость, ни праздность Ни-
что любви не воскрешало в них; Рука с рукой
гуляли, пили, ели, Зевали днем, а ночью не
имели Ни страстных игр, ни радостей жи-
вых... Что скажешь ты? Тиран несправедли-
вый, Еврейский бог, угрюмый и ревнивый,
Адамову подругу полюбя, Ее хранил для само-
го себя... Какая честь и что за наслажденье!
На небесах как будто в заточенье, У ног его
молися да молись, Хвали его, красе его ди-
вись, Взглянуть не смей украдкой на другого,
С архангелом тихонько молвить слово; Вот
жребий той, которую творец Себе возьмет в
подруги наконец. И что ж потом? За скуку, за
мученье, Награда вся дьячков осиплых пенье,
Свечи, старух докучная мольба, Да чад кадил,

да образ под алмазом, Написанный каким-то богомазом... Как весело! Завидная судьба!

Мне стало жаль моей прелестной Евы; Решился я, создателю назло, Разрушить сон и юноши и девы. Ты слышала, как все произошло? Два яблока, вися на ветке дивной (Счастливым знак, любви символ призывный), Открыли ей неясную мечту, Проснулось неясное желанье: Она свою познала красоту, И негу чувств, и сердца трепетанье, И юного супруга наготу! Я видел их! любви - моей науки Прекрасное начало видел я. В глухой лесок ушла чета моя... Там быстро их блуждали взгляды, руки... Меж милых ног супруги молодой, Заботливый, неловкий и немой, Адам искал восторгов упоенья, Неистовым исполненный огнем, Он вопрошал источник наслаждения И, закипев душой, терялся в нем... И, не страшась божественного гнева, Вся в пламени, власы раскинув, Ева, Едва, едва устами шевеля, Лобзанием Адаму отвечала, В слезах любви, в бесчувствии лежала Под сенью пальм, - и юная земля Любовников цветами покрывала.

Блаженный день! Увенчанный супруг Же-

ну ласкал с утра до темной ночи, Во тьме ночной смыкал он редко очи, Как их тогда украшен был досуг! Ты знаешь: бог, утехи прерывая, Чету мою лишил навеки рая. Он их изгнал из милой стороны, Где без трудов они так долго жили И дни свои невинно проводили В объятиях ленивой тишины. Но им открыл я тайну сладострастья И младости веселые права, Томленья чувств, восторги, слезы счастья, И поцелуй, и нежные слова. Скажи теперь: ужели я предатель? Ужель Адам несчастлив от меня? Не думаю! но знаю только я, Что с Евою остался я приятель".

Умолкнул бес. Мария в тишине Коварному внимала сатане. "Что ж? - думала, - быть может, прав лукавый; Слыхала я: ни почестями, ни славой, Ни золотом блаженства не купить; Слыхала я, что надобно любить... Любить! Но как, зачем и что такое?.." А между тем вниманье молодое Ловило все в рассказе сатаны: И действия, и странные причины, И смелый слог, и вольные картины... (Охотники мы все до новизны.) Час от часу неясное начало Опасных дум казалось ей ясней, И вдруг змии как будто не бывало И новое явленье перед

ней: Мария зрит красавца молодого У ног ее.
Не говоря ни слова, К ней устремив чудесный
блеск очей, Чего-то он красноречиво просит,
Одной рукой цветочек ей подносит, Другая
мнет простое полотно И крадется под ризы
торопливо, И легкий перст касается игриво
До милых тайн... Все для Марии диво, Все ка-
жется ей ново, мудрено. А между тем румянец
нестыдливый На девственных ланитах заиг-
рал И томный жар, и вздох нетерпеливый
Младую грудь Марии подымал. Она молчит;
но вдруг не стало мочи, Едва дыша, закрыла
томны очи, К лукавому склонив на грудь гла-
ву, Вскричала: ах!.. и пала на траву...

О милый друг! кому я посвятил Мой пер-
вый сон надежды и желанья, Красавица, ко-
торой был я мил, Простишь ли мне мои вос-
поминанья, Мои грехи, забавы юных дней, Те
вечера, когда в семье твоей, При матери до-
кучливой и строгой Тебя томил я тайною тре-
вогой И просветил невинные красы? Я на-
учил послушливую руку Обманывать печаль-
ную разлуку И усладить безмолвные часы,
Бессонницы девическую муку. Но молодость
утрачена твоя, От бледных уст улыбка отле-

тела, Твоя краса во цвете помертвела... Простишь ли мне, о милая моя?

Отец греха, Марии враг лукавый, Ты был и здесь пред нею виноват; Ее тебе приятен был разврат, И ты успел преступною забавой Все-вышнего супругу просветить И дерзостью невинность изумить. Гордись, гордись своей проклятой славой! Спеши ловить... но близок, близок час! Вот меркнет день, заката луч угас. Все тихо. Вдруг над девой утомленной, Шумя, парит архангел окриленный, Посол любви, блестящий сын небес.

От ужаса при виде Гавриила Красавица лицо свое закрыла... Пред ним восстал, смутился мрачный бес И говорит: "Счастливец горделивый, Кто звал тебя? Зачем оставил ты Небесный двор, эфира высоты? Зачем мешать утехе молчаливой, Занятиям чувствительной четы?" Но Гавриил, нахмуря взгляд ревнивый, Рек на вопрос и дерзкий и шуточный: "Безумный враг небесной красоты, Повеса злой, изгнанник безнадежный,

Ты соблазнил красу Марии нежной И смеешь мне вопросы задавать! Беги сейчас, бесстыдник, раб мятежный, Иль я тебя заставлю

трепетать!" "Не трепетал от ваших я придворных, Всевышнего прислужников покорных, От сводников небесного царя!" Проклятый рек и, злобою горя, Наморщив лоб, скосясь, кусая губы, Архангела ударил прямо в зубы. Раздался крик, шатнулся Гавриил И левое колено преклонил; Но вдруг восстал, исполнен новым жаром, И сатану нечаянным ударом Хватил в висок. Бес ахнул, побледнел И кинулись в объятия друг другу. Ни Гавриил, ни бес не одолел. Сплетенные, кружась идут по лугу, На вражью грудь опершись бородой, Соединив крест-накрест ноги, руки, То силою, то хитростью науки Хотят увлечь друг друга за собой.

Не правда ли? вы помните то поле, Друзья мои, где в прежни дни, весной, Оставляя класс, играли мы на воле И тешились отважною борьбой. Усталые, забыв и брань и речи, Так ангелы боролись меж собой. Подземный царь, буян широкоплечий, Вотще кряхтел с увертливым врагом, И, наконец, желая кончить разом, С архангела пернатый сбил шелом, Златой шелом, украшенный алмазом. Схватив врага за мягкие волосы, Он сзади гнет могучею

рукою К сырой земле. Мария пред собою Архангела зрит юные красы И за него в безмолвии трепещет. Уж ломит бес, уж ад в восторге плещет; Но, к счастью, проворный Гавриил Впился ему в то место роковое (Излишнее почти во всяком бое), В надменный член, которым бес грешил. Лукавый пал, пощады запросил И в темный ад едва нашел дорогу.

На дивный бой, на страшную тревогу Красавица глядела чуть дыша; Когда же к ней, свой подвиг соверша, Приветливо архангел обратился, Огонь любви в лице ее разлился И нежностью исполнилась душа. Ах, как была еврейка хороша!..

Посол краснел и чувства чужие Так изъяснял в божественных словах: "О радуйся, невинная Мария! Любовь с тобой, прекрасна ты в женах; Стократ блажен твой плод благословенный: Спасет он мир и ниспровергнет ад... Но признаюсь душою откровенной, Отец его блаженнее стократ!" И перед ней коленопреклоненный, Он между тем ей нежно руку жал... Потупя взор, прекрасная вздыхала, И Гавриил ее поцеловал. Смутясь, она краснела и молчала; Ее груди дерзнул коснуться он...

"Оставь меня!" - Мария прошептала, И в тот же миг лобзаньем заглушен Невинности последний крик и стон...

Что делать ей? Что скажет бог ревнивый? Не сетуйте, красавицы мои, О женщины, наперсницы любви, Умеете вы хитростью счастливой Обманывать вниманье жениха И знатоков внимательные взоры, И на следы приятного греха Невинности набрасывать уборы... От матери проказливая дочь Берет урок стыдливости покорной И мнимых мук, и с робостью притворной Играет роль в решительную ночь; И поутру, оправясь понемногу, Встает бледна, чуть ходит, так томна. В восторге муж, мать шепчет: слава богу! А старый друг стучится у окна.

Уж Гавриил с известием приятным По небесам летит путем обратным. Наперсника нетерпеливый бог Приветствием встречает благодатным: "Что нового?" - Я сделал все, что мог, Я ей открыл. - "Ну что ж она?" - Готова! И царь небес, не говоря ни слова, С престола встал и манием бровей Всех удалил, как древле бог Гомера, Когда смирял бесчисленных детей; Но Греции навек угасла вера, Зевеса нет,

мы сделались умней!

Упоена живым воспоминаньем, В своем углу Мария в тишине Покоилась на смятой простыне. Душа горит и негой и желаньем, Младую грудь волнует новый жар. Она зовет тихонько Гавриила, Его любви готова тайный дар, Ночной покров ногою отдалила, Довольный взор с улыбкою склонила, И, счастлива в прелестной наготе, Сама своей дивится красоте. Но между тем в задумчивости нежной Она грешит, прелестна и томна, И чашу пьет отрады безмятежной. Смеешься ты, лукавый сатана! И что же! вдруг мохнатый, белокрылый В ее окно влетает голубь милый, Над нею он порхает и кружит, И пробует веселые напевы, И вдруг летит в колени милой девы, Над розою садится и дрожит, Клюет ее, колышется, ветится, И носиком и ножками трудится. Он, точно он! - Мария поняла, Что в голубе другого угощала; Колени сжав, еврейка закричала, Вздохнуть, дрожать, молиться начала, Заплакала, но голубь торжествует, В жару любви трепещет и воркует, И падает, объятый легким сном, Приосеня цветок любви крылом.

Он улетел. Усталая Мария Подумала: "Вот

шалости какие! Один, два, три! - как это им не лень? Могу сказать, перенесла тревогу: Досталась я в один и тот же день Лукавому, архангелу и богу".

Всевышний бог, как водится, потом Признал своим еврейской девы сына, Но Гавриил (завидная судьбина!) Не преставал являться ей тайком; Как многие, Иосиф был утешен, Он пред женой по-прежнему безгрешен, Христа любил как сына своего, За то господь и наградил его!

Аминь, аминь! Чем кончу я рассказы? Навек забыв старинные проказы, Я пел тебя, крылатый Гавриил, Смиренных струн тебе я посвятил Усердное, спасительное пенье. Храни меня, внемли мое моление! Досель я был еретиком в любви, Младых богинь безумный обожатель, Друг демона, повеса и предатель... Раскаянье мое благослови! Принимаю я намеренья благие, Переменюсь: Елену видел я; Она мила, как нежная Мария! Подвластна ей навек душа моя. Моим речам придай очарование, Понравиться поведай тайну мне, В ее душе зажги любви желанье, Не то пойду молиться сатане! Но дни бегут, и время сединою

Мою главу тишком посеребрят, И важный
брак с любезною женою Пред алтарем меня
соединит. Иосифа прекрасный утешитель!
Молю тебя, колена преклоня, О рогачей за-
ступник и хранитель, Молю - тогда благосло-
ви меня, Даруй ты мне блаженное терпенье,
Молю тебя, пошли мне вновь и вновь Спокой-
ный сон, в супруге уверенье, В семействе мир
и к ближнему любовь.

1821

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ

Не стая воронов слеталась На груды тлею-
щих костей, За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась. Какая смесь одежд
и лиц, Племен, наречий, состояний! Из хат, из
келий, из темниц Они стеклися для стяжа-
ний! Здесь цель одна для всех сердец Живут
без власти, без закона. Меж ними зрится и
беглец С берегов воинственного Дона, И в чер-
ных локонах еврей, И дикие сыны степей,
Калмык, башкирец безобразный, И рыжий
финн, и с ленью праздной Везде кочующий
цыган! Опасность, кровь, разврат, обман Суть
узы страшного семейства; Тот их, кто с камен-
ной душой Прошел все степени злодейства;

Кто режет хладною рукой Вдовицу с бедной сиротой, Кому смешно детей стенанье, Кто не прощает, не щадит, Кого убийство веселит, Как юношу любви свиданье.

Затихло все, теперь луна Свой бледный свет на них наводит, И чарка пенного вина Из рук в другие переходит. Простерты на земле сырой, Иные чутко засыпают, И сны злоеющие летают Над их преступной головой. Другим рассказы сокращают Угрюмой ночи праздный час; Умолкли все - их занимает Пришельца нового рассказ, И все вокруг его внимает:

"Нас было двое: брат и я. Росли мы вместе; нашу младость Вскормила чуждая семья: Нам, детям, жизнь была не в радость; Уже мы знали нужды глас, Сносили горькое презренье, И рано волновало нас Жестокой зависти мученье. Не оставалось у сирот Ни бедной хижинки, ни поля; Мы жили в горе, средь забот, Наскучила нам эта доля, И согласились меж собой Мы жребий испытать иной: В товарищи себе мы взяли Булатный нож да темную ночь; Забыли робость и печали, А совесть отогнали прочь.

Ах, юность, юность удалая! Житье в то время было нам, Когда, погибель презирая, Мы все делили пополам. Бывало, только месяц ясный Взойдет и станет средь небес, Из подземелия мы в лес Идем на промысел опасный. За деревом сидим и ждем: Идет ли поздною дорогой Богатый жид иль поп убогой, Все наше! все себе берем. Зимой, бывало, в ночь глухую Заложим тройку удалую, Поем и свищем и стрелой Летим над снежной глубиной. Кто не боялся нашей встречи? Завидели в харчевне свечи Туда! к воротам, и стучим, Хозяюку громко вызываем, Вошли - все даром: пьем, едим И красных девушек ласкаем!

И что ж? попались молодцы; Не долго братья пировали; Поймали нас - и кузнецы Нас друг ко другу приковали, И стража отвела в острог.

Я старший был пятью годами И вынести больше брата мог. В цепях, за душными стенами Я уцелел - он изнемог. С трудом дыша, томим тоскою, В забвенье, жаркой головою Склоняясь к моему плечу, Он умирал, твердя всечасно: "Мне душно здесь... я в лес хочу... Воды, воды!..." но я напрасно Страдальцу воду

подавал: Он снова жаждою томился, И градом пот по нем катился. В нем кровь и мысли волновал Жар ядовитого недуга; Уж он меня не узнавал И поминутно призывал К себе товарища и друга. Он говорил: "Где скрылся ты? Куда свой тайный путь направил? Зачем мой брат меня оставил Среди этой смрадной темноты? Не он ли сам от мирных пашен Меня в дремучий лес сманил, И ночью там, могущ и страшен, Убийству первый научил? Теперь он без меня на воле Один гуляет в чистом поле, Тяжелым машет кистенем И позабыл в завидной доле Он о товарище совсем!.." То снова разгорались в нем Докучной совести мученья: Пред ним толпились привиденья, Грозя перстом издалека. Всех чаще образ старика, Давно зарезанного нами, Ему на мысли приходил; Больной, зажав глаза руками, За старца так меня молил: "Брат! сжался над его слезами! Не режь его на старость лет... Мне дряхлый крик его ужасен... Пусти его - он не опасен; В нем крови капли теплой нет... Не смейся, брат, над сединами, Не мучь его... авось мольбами Смягчит за нас он божий гнев!.." Я слушал, ужас одолев; Хотел унять

больного слезы И удалить пустые грезы. Он
видел пляски мертвецов, В тюрьму пришед-
ших из лесов, То слышал их ужасный шепот,
То вдруг погони близкий топот, И дико взгляд
его сверкал, Стояли волосы горою, И весь как
лист он трепетал. То мнил уж видеть пред со-
бою На площадях толпы людей, И страшный
ход до места казни, И кнут, и грозных пала-
чей... Без чувств, исполненный боязни, Брат
упадал ко мне на грудь. Так проводил я дни и
ночи, Не мог минуты отдохнуть, И сна не зна-
ли наши очи.

Но молодость свое взяла: Вновь силы брата
возвратились, Болезнь ужасная прошла, И с
нею грезы удалились. Воскресли мы. Тогда
сильней Взяла тоска по прежней доле; Душа
рвалась к лесам и к воле, Алкала воздуха по-
лей. Нам тошен был и мрак темницы, И
сквозь решетки свет денницы, И стражи
клик, и звон цепей, И легкий шум залетной
птицы.

По улицам однажды мы, В цепях, для го-
родской тюрьмы Сбирали вместе подаянье, И
согласились в тишине Исполнить давнее же-
ланье; Река шумела в стороне, Мы к ней - и с

берегов высоких Бух! поплыли в водах глубоких. Цепями общими гремим, Бьем волны дружными ногами, Песчаный видим островок И, рассекая быстрый ток, Туда стремимся. Вслед за нами Кричат: "Лови! лови! уйдут!" Два стража издали плывут, Но уж на остров мы ступаем, Оковы камнем разбиваем, Друг с друга рвем клочки одежд, Отягощенные водою... Погоню видим за собою; Но смело, полные надежд, Сидим и ждем. Один уж тонет, То захлебнется, то застонет И как свинец пошел ко дну. Другой проплыл уж глубину, С ружьем в руках, он вброд упрямо, Не внемля крику моему, Идет, но в голову ему Два камня полетели прямо И хлынула на волны кровь; Он утонул - мы в воду вновь, За нами гнаться не посмели, Мы берегов достичь успели И в лес ушли. Но бедный брат... И труд и волн осенний хлад Недавних сил его лишили: Опять недуг его сломил, И злые грезы посетили. Три дня больной не говорил И не смыкал очей дремотой; В четвертый грустною заботой, Казалось, он исполнен был; Позвал меня, пожал мне руку, Потухший взор изобразил Одолевающую муку; Рука задрогла, он вздох-

нул И на груди моей уснул.

Над хладным телом я остался, Три ночи с ним не расставался, Все ждал, очнется ли мертвец? И горько плакал. Наконец Взял заступ; грешную молитву Над братней ямой совершил И тело в землю схоронил... Потом на прежнюю ловитву Пошел один... Но прежних лет Уж не дождусь: их нет, как нет! Пирьы, веселые ночлеги И наши буйные набеги Могила брата все взяла. Влачусь угрюмый, одинокий, Окаменел мой дух жестокий, И в сердце жалость умерла. Но иногда щажу морщины: Мне страшно резать старика; На беззащитные седины Не подымается рука. Я помню, как в тюрьме жестокой Больной, в цепях, лишенный сил, Без памяти, в тоске глубокой За старца брат меня молил".

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Многие, так же как и я, посещали сей фонтан; но иных уже нет, другие странствуют далеко.

Сади

Гирей сидел потупя взор; Янтарь в устах его дымился; Безмолвно раболепный двор Вкруг хана грозного теснился. Все было тихо

во дворце; Благоговей, все читали Приметы гнева и печали На сумрачном его лице. Но повелитель горделивый Махнул рукой нетерпеливой: И все, склонившись, идут вон.

Один в своих чертогах он; Свободней грудь его вздыхает, Живее строгое чело Волненье сердца выражает. Так бурны тучи отражает Залива зыбкое стекло.

Что движет гордою душою? Какою мыслью занят он? На Русь ли вновь идет войною, Несет ли Польше свой закон, Горит ли местию кровавой, Открыл ли в войске заговор, Страшится ли народов гор, Иль козней Генуи лукавой?

Нет, он скучает бранной славой, Устала грозная рука; Война от мыслей далека.

Ужель в его гарем измена Стезей преступною вошла, И дочь неволи, нег и плена Гяуру сердце отдала?

Нет, жены робкие Гирея, Ни думать, ни желать не смея, Цветут в унылой тишине; Под стражей бдительной и хладной На лоне скуки безотрадной Измен не ведают оне. В тени хранительной темницы Утаены их красоты: Так аравийские цветы Живут за стеклами тепли-

цы. Для них унылой чередой Дни, месяцы, лета проходят И неприметно за собой И младость и любовь уводят. Однообразен каждый день, И медленно часов течение. В гареме жизнью правит лень; Мелькает редко наслаждение. Младые жены, как-нибудь Желая сердце обмануть, Меняют пышные уборы, Заводят игры, разговоры, Или при шуме вод живых, Над их прозрачными струями В прохладе яворов густых Гуляют легкими роями. Между ними ходит злой эвнух, И убежать его напрасно: Его ревнивый взор и слух За всеми следует всечасно. Его стараньем заведен Порядок вечный. Воля хана Ему единственный закон; Святую заповедь Корана Не строже наблюдает он. Его душа любви не просит; Как истукан, он переносит Насмешки, ненависть, укор, Обиды шалости нескромной, Презренье, просьбы, робкий взор, И тихий вздох, и ропот томный. Ему известен женский нрав; Он испытал, сколь он лукав И на свободе и в неволе: Взор нежный, слез упрек немой Не властны над его душой; Он им уже не верит боле.

Раскинув легкие власы, Как идут пленницы младые Купаться в жаркие часы, И льются

волны ключевые На их волшебные красы, За-
бав их сторож неотлучный, Он тут; он видит,
равнодушный, Прелестниц обнаженный рой;
Он по гарему в тьме ночной Неслышными
шагами бродит; Ступая тихо по коврам, К по-
слушным крадется дверям, От ложа к ложу
переходит; В заботе вечной, ханских жен Рос-
кошный наблюдает сон, Ночной подслушива-
ет лепет; Дыханье, вздох, малейший трепет
Все жадно примечает он; И горе той, чей ше-
пот сонный Чужое имя призывал Или подру-
ге благосклонной Порочны мысли доверял!

Что ж полон грусти ум Гирея? Чубук в ру-
ках его потух; Недвижим, идохнуть не смея,
У двери знака ждет эвнух . Встает задумчи-
вый властитель; Пред ним дверь настезь.
Молча он Идет в заветную обитель Еще
недавно милых жен.

Беспечно ожидая хана, Вокруг игривого
фонтана На шелковых коврах оне Толпою
резвою сидели И с детской радостью глядели,
Как рыба в ясной глубине На мраморном хо-
дила дне. Нарочно к ней на дно иные Роняли
серьги золотые. Кругом невольницы меж тем
Шербет носили ароматный И песнью звонкой

и приятной Вдруг огласили весь гарем:

ТАТАРСКАЯ ПЕСНЯ

1

"Дарует небо человеку Замену слез и частых бед: Блажен факир, узревший Мекку На старости печальных лет.

2

Блажен, кто славный брег Дуная Своею смертью освятит: К нему навстречу дева рая С улыбкой страстной полетит.

3

Но тот блаженней, о Зарема, Кто, мир и негу возлюбя, Как розу, в тишине гарема Ле-лет, милая, тебя".

Они поют. Но где Зарема, Звезда любви, краса гарема? Увы! печальна и бледна, Похвал не слушает она. Как пальма, смятая грозою, Поникла юной головою; Ничто, ничто не мило ей: Зарему разлюбил Гирей.

Он изменил!.. Но кто с тобою, Грузинка, равен красотою? Вокруг лилейного чела Ты косу дважды обвила; Твои пленительные очи Яснее дня, чернее ночи; Чей голос выразит сильней Порывы пламенных желаний? Чей страстный поцелуй живей Твоих язвитель-

ных лобзаний? Как сердце, полное тобой, Забьется для красы чужой? Но, равнодушный и жестокий, Гирей презрел твои красы И ночи хладные часы Проводит мрачный, одинокий С тех пор, как польская княжна В его гарем заключена.

Недавно юная Мария Узрела небеса чужие; Недавно милою красой Она цвела в стране родной. Седой отец гордился ею И звал отрадою своею. Для старика была закон Ее младенческая воля. Одну заботу ведал он: Чтоб дочери любимой доля Была, как вешний день, ясна, Чтоб и минутные печали Ее души не помрачали, Чтоб даже замужем она Воспоминала с умиленьем Девичье время, дни забав, Мелькнувших легким сновиденьем. Все в ней пленяло: тихий нрав, Движенья стройные, живые И очи томно-голубые. Природы милые дары Она искусством украшала; Она домашние пиры Волшебной арфой оживляла; Толпы вельмож и богачей Руки Марииной искали, И много юношей по ней В страданье тайном изнывали. Но в тишине души своей Она любви еще не знала И независимый досуг В отцовском замке меж подруг Одним за-

бавам посвящала.

Давно ль? И что же! Тьмы татар На Поль-
шу хлынули рекою: Не с столь ужасной быст-
ротою По жатве стелется пожар. Обезобра-
женный войною, Цветущий край осиротел;
Исчезли мирные забавы; Уныли селы и дубра-
вы, И пышный замок опустел. Тиха Мариина
светлица... В домово́й церкви, где кругом По-
чиют мощи хладным сном, С короной, с кня-
жеским гербом Воздвиглась новая гробница...
Отец в могиле, дочь в плену, Скупой наслед-
ник в замке правит И тягостным ярмом бес-
славит Опустошенную страну.

Увы! Дворец Бахчисарая Скрывает юную
княжну. В неволе тихой увядая, Мария плачет
и грустит. Гирей несчастную щадит: Ее уны-
нье, слезы, стоны Тревожат хана краткий сон,
И для нее смягчает он Гарема строгие законы.
Угрюмый сторож ханских жен Ни днем, ни
ночью к ней не входит; Рукой заботливой не
он На ложе сна ее возводит; Не смеет устре-
миться к ней Обидный взор его очей; Она в
купальне потаенной Одна с невольницей сво-
ей; Сам хан боится девы пленной Печальный
возмущать покой; Гарема в дальнем отделе-

нье Позволено ей жить одной: И, мнится, в том уединенье Сокрылся некто неземной. Там день и ночь горит лампада Пред ликом девы пресвятой; Души тоскующей отрада, Там упоенье в тишине С смиренной верой обитает, И сердцу все напоминает О близкой, лучшей стороне; Там дева слезы проливает Вдали завистливых подруг; И между тем, как все вокруг В безумной неге утопает, Святыню строгую скрывает Спасенный чудом уголок. Так сердце, жертва заблуждений, Среди порочных упоений Хранит один святой залог, Одно божественное чувство...

.....

.....

Настала ночь; покрылись тенью Тавриды сладостной поля; Вдали, под тихой лавров сенью Я слышу пенье соловья; За хором звезд луна восходит; Она с безоблачных небес На долы, на холмы, на лес Сиянье томное наводит. Покрыты белой пеленой, Как тени легкие мелькая, По улицам Бахчисарая, Из дома в дом, одна к другой, Простых татар спешат супруги Делить вечерние досуги. Дворец утих; уснул гарем, Объятый негой безмятеж-

ной; Не прерывается ничем Спокойство ночи.
Страж надежный, Дозором обошел эвнух. Те-
перь он спит; но страх прилежный Тревожит
в нем и спящий дух. Измен всечасных ожида-
нье Покоя не дает уму. То чей-то шорох, то
шептанье, То крики чудятся ему; Обманутый
неверным слухом, Он пробуждается, дрожит,
Напуганным приникнув ухом... Но все кругом
его молчит; Одни фонтаны сладкозвучны Из
мраморной темницы бьют, И, с милой розой
неразлучны, Во мраке соловьи поют; Эвнух
еще им долго внемлет, И снова сон его объем-
лет.

Как милы темные красы Ночей роскошно-
го Востока! Как сладко льются их часы Для
обожателей Пророка! Какая нега в их домах, В
очаровательных садах, В тиши гаремов без-
опасных, Где под влиянием луны Все полно
тайн и тишины И вдохновений сладостраст-
ных!

.....

Все жены спят. Не спит одна. Едва дыша,
встает она; Идет; рукою торопливой Открыла
дверь; во тьме ночной Ступает легкою ногой...
В дремоте чуткой и пугливой Пред ней лежит

эвнух седой. Ах, сердце в нем неумолимо: Обманчив сна его покой!.. Как дух, она проходит мимо.

.....

Пред нею дверь; с недоуменьем Ее дрожащая рука Коснулась верного замка... Вошла, взирает с изумленьем... И тайный страх в нее проник. Лампады свет уединенный, Кивот, печально озаренный, Пречистой девы кроткий лик И крест, любви символ священный, Грузинка! все в душе твоей Родное что-то пробудило, Все звуками забытых дней Невнятно вдруг заговорило. Пред ней покоилась княжна, И жаром девственного сна Ее ланиты оживлялись И, слез являя свежий след, Улыбкой томной озарялись. Так озаряет лунный свет Дождем отягощенный цвет. Спорхнувший с неба сын эдема, Казалось, ангел почивал И сонный слезы проливал О бедной пленнице гарема... Увы, Зарема, что с тобой? Стеснилась грудь ее тоской, Невольно клонятся колени, И молит: "Сжался надо мной, Не отвергай моих молений!.." Ее слова, движенье, стон Прервали девы тихий сон. Княжна со страхом пред собою Младую незнакомку

зрит; В смятенье, трепетной рукою Ее под-
емля, говорит: "Кто ты?.. Одна, порой ночью,
Зачем ты здесь?" - "Я шла к тебе, Спаси меня; в
моей судьбе Одна надежда мне осталась... Я
долго счастьем наслаждалась, Была беспеч-
ней день от дня... И тень блаженства минова-
лась; Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здесь, далеко, Далеко... но
минувших дней Предметы в памяти моей До-
ныне врезаны глубоко. Я помню горы в небе-
сах, Потоки жаркие в горах, Непроходимые
дубравы, Другой закон, другие нравы; Но по-
чему, какой судьбой Я край оставила родной,
Не знаю; помню только море И человека в вы-
шине Над парусами...

Страх и горе Донуны чужды были мне; Я в
безмятежной тишине В тени гарема расцве-
тала И первых опытов любви Послушным
сердцем ожидала. Желанья тайные мои Сбы-
лись. Гирей для мирной неги Войну кровавую
презрел, Пресек ужасные набеги И свой гарем
опять узрел. Пред хана в смутном ожиданье
Предстали мы. Он светлый взор Остановил на
мне в молчанье, Позвал меня... и с этих пор
Мы в непрерывном упоенье Дышали сча-

ством; и ни раз Ни клевета, ни подозренье,
Ни злобной ревности мученье, Ни скука не
смущала нас. Мария! ты пред ним явилась...
Увы, с тех пор его душа Преступной думой
омрачилась! Гирей, изменою дыша, Моих не
слушает укоров, Ему докучен сердца стон; Ни
прежних чувств, ни разговоров Со мною не
находит он. Ты преступленью не причастна; Я
знаю: не твоя вина... Итак, послушай: я пре-
красна; Во всем гареме ты одна Могла б еще
мне быть опасна; Но я для страсти рождена,
Но ты любить, как я, не можешь; Зачем же
хладной красотой Ты сердце слабое трево-
жишь? Оставь Гирея мне: он мой; На мне го-
рят его лобзанья, Он клятвы страшные мне
дал, Давно все думы, все желанья Гирей с мо-
ими сочетал; Меня убьет его измена... Я пла-
чу; видишь, я колена Теперь склоняю пред то-
бой, Молю, винить тебя не смея, Отдай мне
радость и покой, Отдай мне прежнего Гирея...
Не возражай мне ничего; Он мой! он ослеп-
лен тобою. Презреньем, просьбою, тоскою,
Чем хочешь, отвори его; Клянись... (хоть я
для Алкорана, Между невольницами хана, За-
была веру прежних дней; Но вера матери мо-

ей Была твоя) клянись мне ею Зарему возвра-
тить Гирею... Но слушай: если я должна Тебе...
кинжалом я владею, Я близ Кавказа рожде-
на".

Сказав, исчезла вдруг. За нею Не смеет сле-
довать княжна. Невинной деве непонятен
Язык мучительных страстей, Но голос их ей
смутно внятен; Он странен, он ужасен ей. Ка-
кие слезы и моления Ее спасут от посрамле-
нья? Что ждет ее? Ужели ей Остаток горьких
юных дней Провести наложницей презрен-
ной? О боже! если бы Гирей В ее темнице от-
даленной Забыл несчастную навек Или кон-
чиной ускоренной Унылы дни ее пресек, С ка-
кою б радостью Мария Оставила печальный
свет! Мгновенья жизни дорогие Давно про-
шли, давно их нет! Что делать ей в пустыне
мира? Уж ей пора, Марию ждут И в небеса, на
лоно мира, Родной улыбкою зовут.

.....

Промчались дни; Марии нет. Мгновенно
сирота почила. Она давно желанный свет,
Как новый ангел, озарила. Но что же в гроб ее
свело? Тоска ль неволи безнадежной, Бо-
лезнь, или другое зло?.. Кто знает? Нет Марии

нежной!.. Дворец угрюмый опустел; Его Гирей
опять оставил; С толпой татар в чужой пре-
дел Он злой набег опять направил; Он снова в
бурях боевых Несется мрачный, кровожад-
ный: Но в сердце хана чувств иных Таится
пламень безотрадный. Он часто в сечах роко-
вых Подъемлет саблю, и с размаха Недвижим
остается вдруг, Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет, будто полный страха, И что-то шеп-
чет, и порой Горючи слезы льет рекой.

Забытый, преданный презренью, Гарем не
зрит его лица; Там, обреченные мученью, Под
стражей хладного скопца Стареют жены.
Между ними Давно грузинки нет; она Гарема
стражами немymi В пучину вод опущена. В
ту ночь, как умерла княжна, Свершилось и ее
страданье. Какая б ни была вина, Ужасно бы-
ло наказанье!

Опустошив огнем войны Кавказу близкие
страны И селы мирные России, В Тавриду воз-
вратился хан И в память горестной Марии
Воздвигнул мраморный фонтан, В углу двор-
ца уединенный. Над ним крестом осенена Ма-
гометанская луна (Символ, конечно, дерзно-
венный, Незнанья жалкая вина). Есть над-

пись: едкими годами Еще не сгладилась она.
За чуждыми ее чертами Журчит во мраморе
вода И каплет хладными слезами, Не умолкая
никогда. Так плачет мать во дни печали О сы-
не, падшем на войне. Младые девы в той
стране Преданье старины узнали, И мрачный
памятник оне Фонтаном слез именовали.

Покинув север наконец, Пиры надолго за-
бывая, Я посетил Бахчисарая В забвеньи дрем-
лющий дворец. Среди безмолвных переходов
Бродил я там, где бич народов, Татарин буй-
ный пировал И после ужасов набега В рос-
кошной лени утопал. Еще поныне дышит
нега В пустых покоях и садах; Играют воды,
рдеют розы, И вьются виноградны лозы, И
злато блещет на стенах. Я видел ветхие ре-
шетки, За коими, в своей весне, Янтарны раз-
бирая четки, Вдыхали жены в тишине. Я ви-
дел ханское кладбище, Владык последнее жи-
лище. Сии надгробные столбы, Венчанны
мраморной чалмою, Казалось мне, завет судь-
бы Гласили внятною молвою. Где скрылись
ханы? Где гарем? Кругом все тихо, все уныло,
Все изменилось... но не тем В то время сердце
полно было: Дыханье роз, фонтанов шум

Влекли к невольному забвенью, Невольно предавался ум Неизъяснимому волненью, И по дворцу летучей тенью Мелькала дева предо мной!..

.....

Чью тень, о други, видел я? Скажите мне: чей образ нежный Тогда преследовал меня, Неотразимый, неизбежный? Марии ль чистая душа Являлась мне, или Зарема Носилась, ревностью дыша, Средь опустелого гарема?

Я помню столь же милый взгляд И красоту еще земную, Все думы сердца к ней летят, Об ней в изгнании тоскую... Безумец! полно! перестань, Не оживляй тоски напрасной, Мятужным снам любви несчастной Заплачена тобою дань Опомнись; долго ль, узник томный, Тебе оковы лобызать И в свете лирою нескромной Свое безумство разглашать?

Поклонник муз, поклонник мира, Забыв и славу и любовь, О, скоро вас увижу вновь, Брега веселые Салгира! Приду на склон приморских гор, Воспоминаний тайных полный, И вновь таврические волны Обрадуют мой жадный взор. Волшебный край! очей отрада! Все живо там: холмы, леса, Янтарь и яхонт ви-

нограда, Долин приятная краса, И струй и то-
полей прохлада... Все чувство путника манит,
Когда, в час утра безмятежный, В горах, доро-
гою прибрежной, Привычный конь его бе-
жит, И зеленеющая влага Пред ним и блещет
и шумит Вокруг утесов Аю-дага...

ЦЫГАНЫ

Цыганы шумною толпой По Бессарабии ко-
чуют. Они сегодня над рекой В шатрах изо-
данных ночуют. Как вольность, весел их
ночлег И мирный сон под небесами; Между
колесами телег, Полузавешанных коврами,
Горит огонь; семья кругом Готовит ужин; в
чистом поле Пасутся кони; за шатром Ручной
медведь лежит на воле. Все живо посреди сте-
пей: Заботы мирные семей, Готовых с утром в
путь недалний, И песни жен, и крик детей, И
звон походной наковальни. Но вот на табор
кочевой Нисходит сонное молчанье, И слыш-
но в тишине степной Лишь лай собак да ко-
ней ржанье. Огни везде погашены, Спокойно
все, луна сияет Одна с небесной вышины И
тихий табор озаряет. В шатре одном старик
не спит; Он перед углями сидит, Согретый их
последним жаром, И в поле дальнее смотрит,

Ночным подернутое паром. Его молоденькая
дочь Пошла гулять в пустынном поле. Она
привыкла к резвой воле, Она придет; но вот
уж ночь, И скоро месяц уж покинет Небес да-
леких облака, Земфиры нет как нет; и стынет
Убогий ужин старика.

Но вот она; за нею следом По степи юноша
спешит; Цыгану вовсе он неведом. "Отец
мой, - дева говорит, Веду я гостя; за курганом
Его в пустыне я нашла И в табор на ночь за-
звала. Он хочет быть как мы цыганом; Его
преследует закон, Но я ему подругой буд
Его зовут Алеко - он Готов идти за мною всюду".

Старик

Я рад. Остаься до утра Под сенью нашего
шатра Или пробудь у нас и доле, Как ты захо-
чешь. Я готов С тобой делить и хлеб и кров.
Будь наш - привыкни к нашей доле, Бродя-
щей бедности и воле А завтра с утренней за-
рей В одной телеге мы поедем; Примись за
промысел любой: Железо куй - иль песни пой
И селы обходи с медведем.

Алеко

Я остаюсь.

Земфира

Он будет мой: Кто ж от меня его отгонит?
Но поздно... месяц молодой Зашел; поля по-
крыты мглой, И сон меня невольно клонит..

Светло. Старик тихонько бродит Вокруг
безмолвного шатра. "Вставай, Земфира: солн-
це всходит, Проснись, мой гость! пора, пора!..
Оставьте, дети, ложе неги!.." И с шумом высы-
пал народ; Шатры разобраны; телеги Готовы
двинуться в поход. Все вместе тронулось - и
вот Толпа валит в пустых равнинах. Ослы в
перекидных корзинах Детей играющих несут;
Мужья и братья, жены, девы, И стар и млад
вослед идут; Крик, шум, цыганские припевы,
Медведя рев, его цепей Нетерпеливое бряца-
нье, Лохмотьев ярких пестрота, Детей и стар-
цев нагота, Собак и лай и завыванье, Волын-
ки говор, скрип телег, Все скудно, дико, все
нестройно, Но все так живо-неспокойно, Так
чуждо мертвых наших нег, Так чуждо этой
жизни праздной, Как песнь рабов однообраз-
ной!

Уныло юноша глядел На опустелую равни-
ну И грусти тайную причину Истолковать се-
бе не смел. С ним черноокая Земфира, Теперь
он вольный житель мира, И солнце весело

над ним Полуденной красою блещет; Что ж сердце юноши трепещет? Какой заботой он томим?

Птичка божия не знает
Ни заботы, ни труда;
Хлопотливо не свивает
Долговечного гнезда;
В долгу ночь на ветке дремлет;
Солнце красное взойдет,
Птичка гласу бога внемлет,
Встрепенется и поет.
За весной, красой природы,
Лето знойное пройдет
И туман и непогоды
Осень поздняя несет:
Людям скучно, людям горе;
Птичка в дальные страны,
В теплый край, за сине море
Улетает до весны.

Подобно птичке беззаботной И он, изгнанник перелетный, Гнезда надежного не знал И ни к чему не привыкал. Ему везде была дорога, Везде была ночлега сень; Проснувшись поутру, свой день Он отдавал на волю бога, И жизни не могла тревога Смутить его сердечну

лень. Его порой волшебной славы Манила
дальная звезда; Нежданно роскошь и забавы
К нему являлись иногда; Над одинокой голо-
вою И гром нередко грохотал; Но он беспечно
под грозою И в ведро ясное дремал. И жил, не
признавая власти Судьбы коварной и слепой;
Но боже! как играли страсти Его послушною
душой! С каким волнением кипели В его из-
мученной груди! Давно ль, на долго ль усми-
рили? Они проснутся: погоди!

Земфира

Скажи, мой друг: ты не жалеешь О том, что
бросил на всегда?

Алеко

Что ж бросил я?

Земфира

Ты сумеешь: Людей отчизны, города.

Алеко

О чем жалеть? Когда б ты знала, Когда бы
ты воображала Неволю душных городов! Там
люди, в кучах за оградой, Не дышат утренней
прохладой, Ни вешним запахом лугов; Любви
стыдятся, мысли гонят, Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят И просят денег да
цепей. Что бросил я? Измен волнение, Пред-

рассуждений приговор, Толпы безумное гоненье Или блистательный позор.

Земфира

Но там огромные палаты, Там разноцветные ковры, Там игры, шумные пиры, Уборы дев там так богаты!..

Алеко

Что шум веселий городских? Где нет любви, там нет веселий. А девы... Как ты лучше их И без нарядов дорогих, Без жемчугов, без ожерелий! Не изменись, мой нежный друг! А я... одно мое желанье С тобой делить любовь, досуг И добровольное изгнанье!

Старик

Ты любишь нас, хоть и рожден Среди богатого народа. Но не всегда мила свобода Тому, кто к неге приучен. Меж нами есть одно преданье: Царем когда-то сослан был Полудня житель к нам в изгнанье. (Я прежде знал, но позабыл Его мудреное прозванье.) Он был уже летами стар, Но млад и жив душой незлобной Имел он песен дивный дар И голос, шуму вод подобный И полюбили все его, И жил он на берегах Дуная, Не обижая никого, Людей рассказами пленяя; Не разумел он ни-

чего, И слаб и робок был, как дети; Чужие люди за него Зверей и рыб ловили в сети; Как мерзла быстрая река И зимни вихри бушевали, Пушистой кожей покрывали Они святого старика; Но он к заботам жизни бедной Привыкнуть никогда не мог; Скитался он иссохший, бледный, Он говорил, что гневный бог Его карал за преступленье... Он ждал: придет ли избавленье. И все несчастный тосковал, Бродя по берегам Дуная, Да горьки слезы проливал, Свой дальний град вспоминая, И завещал он, умирая, Чтобы на юг перенесли Его тоскующие кости, И смертью - чуждой сей земли Не успокоенные гости!

Алеко

Так вот судьба твоих сынов, О Рим, о громкая держава!.. Певец любви, певец богов, Скажи мне, что такое слава? Могильный гул, хвалебный глас, Из рода в роды звук бегущий? Или под сенью дымной кущи Цыгана дикого рассказ?

Прошло два лета. Так же бродят Цыганы мирною толпой; Везде по-прежнему находят Гостеприимство и покой. Презрев оковы прощенья, Алеко волен, как они; Он без забот

в сожаленья Ведет кочующие дни. Все тот же он; семья все та же; Он, прежних лет не помня даже, К бытью цыганскому привык. Он любит их ночлегов сени, И упоенье вечной лени, И бедный, звучный их язык. Медведь, беглец родной берлоги, Косматый гость его шатра, В селеньях, вдоль степной дороги, Близ молдаванского двора Перед толпою осторожной И тяжело пляшет, и ревет, И цепь докучную грызет; На посох опершись дорожный, Старик лениво в бубны бьет, Алеко с пеньем зверя водит, Земфира поселян обходит И дань их вольную берет. Настанет ночь; они все трое Варят нежатое пшено; Старик уснул - и все в покое... В шатре и тихо и темно.

Старик на вешнем солнце греет Уж остывающую кровь; У люльки дочь поет любовь. Алеко внемлет и бледнеет.

Земфира

Старый муж, грозный муж,

Режь меня, жги меня:

Я тверда; не боюсь

Ни ножа, ни огня.

Ненавижу тебя,

Презираю тебя;

Я другого люблю,

Умираю любя.

Алеко

Молчи. Мне пенье надоело, Я диких песен
не люблю.

Земфира

Не любишь? мне какое дело! Я песню для
себя пою.

Режь меня, жги меня; Не скажу ничего;
Старый муж, грозный муж, Не узнаешь его.

Он свежее весны, Жарче летнего дня; Как
он молод и смел! Как он любит меня!

Как ласкала его Я в ночной тишине! Как
смеялись тогда Мы твоей седине!

Алеко

Молчи, Земфира! я доволен...

Земфира

Так понял песню ты мою?

Алеко

Земфира!

Земфира

Ты сердиться волен, Я песню про тебя пою.

Уходит и поет: Старый муж и проч.

Старик

Так, помню, помню - песня эта Во время

наше сложена, Уже давно в забаву света Поет-
ся меж людей она. Кочуя на степях Кагула, Ее,
бывало, в зимнюю ночь Моя певала Мариула,
Перед огнем качая дочь. В уме моем минувши
лета Час от часу темней, темней; Но зарони-
лась песня эта Глубоко в памяти моей.

Все тихо; ночь. Луной украшен Лазурный
юга небосклон, Старик Земфирой пробужден:
"О мой отец! Алеко страшен. Послушай:
сквозь тяжелый сон И стонет, и рыдает он".

Старик

Не тронь его. Храни молчанье. Слышал я
русское преданье: Теперь полунощной порой
У спящего теснит дыханье Домашний дух; пе-
ред зарей Уходит он. Сиди со мной.

Земфира

Отец мой! шепчет он: Земфира!

Старик

Тебя он ищет и во сне: Ты для него дороже
мира.

Земфира

Его любовь постыла мне. Мне скучно; серд-
це воли просит Уж я... Но тише! слышишь? он
Другое имя произносит...

Старик

Чье имя?

Земфира

Слышишь? хриплый стон И скрежет
ярый!.. Как ужасно!.. Я разбужу его...

Старик

Напрасно, Ночного духа не гони Уйдет и
сам...

Земфира

Он повернулся, Привстал, зовет меня...
проснулся Иду к нему - прощай, усни.

Алеко

Где ты была?

Земфира

С отцом сидела. Какой-то дух тебя томил;
Во сне душа твоя терпела Мученья; ты меня
страшил: Ты, сонный, скрежетал зубами И
звал меня.

Алеко

Мне снилась ты. Я видел, будто между на-
ми... Я видел страшные мечты!

Земфира

Не верь лукавым сновиденьям.

Алеко

Ах, я не верю ничему: Ни снам, ни сладким
увереньям, Ни даже сердцу твоему.

Старик

О чем, безумец молодой, О чем вздыхаешь ты всечасно? Здесь люди вольны, небо ясно, И жены славятся красой. Не плачь: тоска тебя погубит.

Алеко

Отец, она меня не любит.

Старик

Утешься, друг: она дитя. Твое унынье безрассудно: Ты любишь горестно и трудно, А сердце женское - шутя. Взгляни: под отдаленным сводом Гуляет вольная луна; На всю природу мимоходом Равно сиянье льет она. Заглянет в облако любое, Его так пышно озарит И вот - уж перешла в другое; И то недолго посетит. Кто место в небе ей укажет, Примолвя: там остановись! Кто сердцу юной девы скажет: Люби одно, не изменись? Утешься.

Алеко

Как она любила! Как нежно преклонясь ко мне, Она в пустынной тишине Часы ночные проводила! Веселья детского полна, Как часто милым лепетаньем Иль упоительным лобзаньем Мою задумчивость она В минуту разогнать умела!.. И что ж? Земфира неверна! Моя

Земфира охладела!...

Старик

Послушай: расскажу тебе Я повесть о самом себе. Давно, давно, когда Дунаю Не угрожал еще москаль (Вот видишь, я припоминаю, Алеко, старую печаль.) Тогда боялись мы султана; А правил Буджаком паша С высоких башен Аккермана Я молод был; моя душа В то время радостно кипела; И ни одна в кудрях моих Еще сединка не белела, Между красавиц молодых Одна была... и долго ею, Как солнцем, любовался я, И наконец назвал моею...

Ах, быстро молодость моя Звездой падучею мелькнула! Но ты, пора любви, минула Еще быстрее: только год Меня любила Мариула.

Однажды близ Кагульских вод Мы чуждый табор повстречали; Цыганы те, свои шатры Разбив близ наших у горы, Две ночи вместе ночевали. Они ушли на третью ночь, И, брося маленькую дочь, Ушла за ними Мариула. Я мирно спал; заря блеснула; Проснулся я, подруги нет! Ищу, зову - пропал и след. Тоскуя, плакала Земфира, И я заплакал - с этих пор Постыли мне все девы мира; Меж ими никогда мой взор Не выбирал себе подруги, И оди-

нокие досуги Уже ни с кем я не делил.

Алеко

Да как же ты не поспешил Тотчас вослед
неблагодарной И хищникам и ей коварной
Кинжала в сердце не вонзил?

Старик

К чему? вольнее птицы младость; Кто в си-
лах удержать любовь? Чредою всем дается ра-
дость; Что было, то не будет вновь.

Алеко

Я не таков. Нет, я не споря От прав моих не
откажусь! Или хоть мщеньем наслажусь. О
нет! когда б над бездной моря Нашел я спяще-
го врага, Клянусь, и тут моя нога Не пощадила
бы злодея; Я в волны моря, не бледнея, И без-
защитного б толкнул; Внезапный ужас про-
бужденья Свирепым смехом упрекнул, И дол-
го мне его паденья Смешон и сладок был бы
гул.

Молодой цыган

Еще одно... одно лобзанье...

Земфира

Пора: мой муж ревнив и зол.

Цыган

Одно... но доле!.. на прощанье.

Земфира

Прощай, покамест не пришел.

Цыган

Скажи - когда ж опять свиданье?

Земфира

Сегодня, как зайдет луна, Там, за курганом
над могилой...

Цыган

Обманет! не придет она!

Земфира

Вот он! беги!.. Приду, мой милый.

Алеко спит. В его уме Виденье смутное играет; Он, с криком пробудясь во тьме, Ревниво руку простирает; Но обробелая рука Покровы хладные хватает Его подруга далека... Он с трепетом привстал и внемлет... Все тихо - страх его объемлет, По нем текут и жар и хлад; Встает он, из шатра выходит, Вокруг телег, ужасен, бродит; Спокойно все; поля молчат; Темно; луна зашла в туманы, Чуть брезжит звезд неверный свет, Чуть по росе приметный след Ведет за дальные курганы: Нетерпеливо он идет, Куда зловещий след ведет.

Могила на краю дороги Вдали белеет перед

ним... Туда слабеющие ноги Влачит, предчув-
ствием томим, Дрожат уста, дрожат колени,
Идет... и вдруг... иль это сон? Вдруг видит
близкие две тени И близкой шепот слышит
он Над обесславленной могилой.

1-й голос

Пора...

2-й голос

Постой...

1-й голос

Пора, мой милый.

2-й голос

Нет, нет, постой, дождемся дня.

1-й голос

Уж поздно.

2-й голос

Как ты робко любишь. Минуту!

1-й голос

Ты меня погубишь.

2-й голос

Минуту!

1-й голос

Если без меня Проснется муж?..

Алеко

Проснулся я. Куда вы! не спешите оба; Вам

хорошо и здесь у гроба. Земфира

Мой друг, беги, беги...

Алеко

Постой! Куда, красавец молодой? Лежи!

Вонзает в него нож.

Земфира

Алеко!

Цыган

Умираю...

Земфира

Алеко, ты убьешь его! Взгляни: ты весь обрызган кровью! О, что ты сделал?

Алеко

Ничего. Теперь дыши его любовью.

Земфира

Нет, полно, не боюсь тебя! Твои угрозы презираю, Твое убийство проклиная...

Алеко

Умри ж и ты!

Поражает ее.

Земфира

Умру любя...

Восток, денницей озаренный, Сиял. Алеко за холмом, С ножом в руках, окровавленный Сидел на камне гробовом. Два трупа перед

ним лежали; Убийца страшен был лицом. Цыганы робко окружали Его встревоженной толпой. Могилу в стороне копали. Шли жены скорбной чередой И в очи мертвых целовали. Старик-отец один сидел И на погибшую глядел В немом бездействии печали; Подняли трупы, понесли И в лоно хладное земли Четую младую положили. Алеко издали смотрел На все... когда же их закрыли Последней горстию земной, Он молча, медленно склонился И с камня на траву свалился.

Тогда старик, приближась, рек: "Оставь нас, гордый человек! Мы дики; нет у нас законов, Мы не терзаем, не казним Не нужно крови нам и стонов Но жить с убийцей не хотим... Ты не рожден для дикой доли, Ты для себя лишь хочешь воли; Ужасен нам твой будет глас: Мы робки и добры душою, Ты зол и смел - оставь же нас, Прости, да будет мир с тобою".

Сказал - и шумною толпою Поднялся табор кочевой С долины страшного ночлега. И скоро все в дали степной Сокрылось; лишь одна телега, Убогим крытая ковром, Стояла в поле роковом. Так иногда перед зимою, Туманной,

утренней порою, Когда подьѐмнется с полей
Станица поздних журавлей И с криком вдаль
на юг несется, Пронзенный гибельным свин-
цом Один печально остается, Повиснув ране-
ным крылом. Настала ночь: в телеге темной
Огня никто не разложил, Никто под крышею
подъемной До утра сном не опочил.

ЭПИЛОГ

Волшебной силой песнопенья В туманной
памяти моей Так оживляются виденья То
светлых, то печальных дней.

В стране, где долго, долго брани Ужасный
гул не умолкал, Где повелительные грани
Стамбулу русский указал, Где старый наш
орел двуглавый Еще шумит минувшей сла-
вой, Встречал я посреди степей Над рубежами
древних станов Телеги мирные цыганов, Сми-
ренной вольности детей. За их ленивыми
толпами В пустынях часто я бродил, Простую
пищу их делил И засыпал пред их огнями. В
походах медленных любил Их песен радост-
ные гулы И долго милой Мариулы Я имя неж-
ное твердил.

Но счастья нет и между вами, Природы
бедные сыны!.. И под издранными шатрами

Живут мучительные сны, И ваши сени кочевые
В пустынях не спаслись от бед, И всюду
страсти роковые, И от судеб защиты нет.

ГРАФ НУЛИН

Пора, пора! рога трубят; Псаря в охотничьих
уборах Чем свет уж на конях сидят, Борзые
прыгают на сворах. Выходит барин на крыльцо,
Все, подбочась, обозревает; Его довольное
лицо Приятной важностью сияет. Чекмень
затянутый на нем, Турецкой нож за кушаком,
За пазухой во фляжке ром, И рог на бронзовой
цепочке. В ночном чепце, в одном платочке,
Глазами сонными жена Серdito смотрит из
окна На сбор, на псарню тревогу... Вот мужу
подвели коня; Он холку хватить и в стремя ногу,
Кричит жене: не жди меня! И выезжает на
дорогу.

В последних числах сентября (Презренной
прозой говоря) В деревне скучно: грязь, ненастье,
Осенний ветер, мелкий снег Да вой волков.
Но то-то счастье Охотнику! Не зная нег,
В отъезде поле он гарцует, Везде находит
свой ночлег, Бранится, мокнет и пирует Опу-
стошительный набег.

А что же делает супруга Одна в отсутствии

супруга? Занятий мало ль есть у ней: Грибы солить, кормить гусей, Заказывать обед и ужин, В анбар и в погреб заглянуть, Хозяйки глаз повсюду нужен: Он вмиг заметит что-нибудь.

К несчастью, героиня наша... (Ах! я забыл ей имя дать. Муж просто звал ее Наташа, Но мы - мы будем называть Наталья Павловна) к несчастью, Наталья Павловна совсем Своей хозяйственной частью Не занималась, затем, Что не в отеческом законе Она воспитана была, А в благородном пансионе У эмигрантки Фальбала.

Она сидит перед окном; Пред ней открыт четвертый том Сентиментального романа: Любовь Элизы и Армана, Иль переписка двух семей. Роман классической, старинный, Отменно длинный, длинный, длинный, Нравоучительный и чинный, Без романтических затей. Наталья Павловна сначала Его внимательно читала, Но скоро как-то развлеклась Перед окном возникшей дракой Козла с дворовою собакой И ею тихо занялась. Кругом мальчишки хохотали. Меж тем печально, под окном, Индейки с криком выступали Вослед

за мокрым петухом; Три утки полоскались в луже; Шла баба через грязный двор Белье повесить на забор; Погода становилась хуже: Кажалось, снег идти хотел... Вдруг колокольчик зазвенел.

Кто долго жил в глуши печальной, Друзья, тот, верно, знает сам, Как сильно колокольчик дальный Порой волнует сердце нам. Не друг ли едет запоздалый, Товарищ юности удалой?.. Уж не она ли?.. Боже мой! Вот ближе, ближе... сердце бьется... Но мимо, мимо звук несется, Слабей... и смолкнул за горой.

Наталья Павловна к балкону Бежит, обрадована звону, Глядит и видит: за рекой, У мельницы, коляска скачет. Вот на мосту - к нам точно... нет, Поворотила влево. Вслед Она глядит и чуть не плачет.

Но вдруг... о радость! косогор; Коляска на бок. - "Филька, Васька! Кто там? скорей! Вон там коляска: Сейчас везти ее на двор И барина просить обедать! Да жив ли он?.. беги проведать! Скорей, скорей!"

Слуга бежит. Наталья Павловна спешит Взбить пышный локон, шаль накинуть, Задернуть завес, стул подвинуть, И ждет. "Да

скоро ль, мой творец?" Вот едут, едут наконец. Забрызганный в дороге дальней, Опасно раненый, печальный Кой-как тащится экипаж; Вслед барин молодой хромает. Слуга-француз не унывает И говорит: *allons, courage!* {1} Вот у крыльца; вот в сени входят. Покаместь барину теперь Покой особенный отводят И настежь отворяют дверь, Пока *Ricard* шумит, хлопочет, И барин одеваться хочет, Сказать ли вам, кто он таков? Граф Нулин, из чужих краев, Где промотал он в вихре моды Свои грядущие доходы. Себя казать, как чудный зверь, В Петрополь едет он теперь С запасом фраков и жилетов, Шляп, вееров, плащей, корсетов, Булавок, запонок, лорнетов, Цветных платков, чулков *a jour*, {2} С ужасной книжкою Гизота, С тетрадью злых карикатур, С романом новым Вальтер-Скотта, С *bon-mots*3) парижского двора, С последней песней Беранжера, С мотивами Россини, Пера, *Et cetera, et cetera*.4)

Уж стол накрыт; давно пора; Хозяйка ждет нетерпеливо. Дверь отворилась, входит граф; Наталья Павловна, привстав, Осведомляется учтиво, Каков он? что нога его? Граф отвеча-

ет: ничего. Идут за стол; вот он садится, К ней подвигает свой прибор И начинает разговор: Святую Русь бранит, дивится, Как можно жить в ее снегах, Жалеет о Париже страх. "А что театр?" - О! сиротеет, C'est bien mauvais, sa fait pitie⁵). Тальма совсем оглох, слабеет, И мамзель Марс - увы! стареет. Зато Потье, le grand Potier!⁶) Он славу прежнюю в народе Доныне поддержал один. "Какой писатель нынче в моде?" - Все d'Arlincourt и Ламартин. "У нас им также подражают". - Нет? право? так у нас умы Уж развиваться начинают. Дай бог, чтоб просветились мы! "Как тальи носят?" - Очень низко. Почти до... вот по этих пор. Позвольте видеть ваш убор; Так... рюши, банты, здесь узор; Все это к моде очень близко. "Мы получаем Телеграф". Ага! Хотите ли послушать Прелестный водевиль? - И граф Поет. "Да, граф, извольте ж кушать". Я сыт и так.

Изо стола Встают. Хозяйка молодая Через-вычайно весела; Граф, о Париже забывая, Дивится, как она мила! Проходит вечер неприметно; Граф сам не свой; хозяйки взор То выражается приветно, То вдруг потуплен безот-

ветно... Глядишь - и полночь вдруг на двор. Давно храпит слуга в передней, Давно поет петух соседний, В чугунову доску сторож бьет; В гостиной свечи догорели. Наталья Павловна встает: "Пора, прощайте! ждут постели. Приятный сон!.." С досадой встав, Полулюбленный, нежный граф Целует руку ей. И что же? Куда кокетство не ведет? Проказница прости ей, боже! Тихонько графу руку жмет.

Наталья Павловна раздета; Стоит Параша перед ней. Друзья мои, Параша эта Наперсница ее затей; Шьет, моет, вести переносит, Изношенных капотов просит, Порою с барином шалит, Порой на барина кричит И лжет пред барыней отважно. Теперь она толкует важно О графе, о делах его, Не пропускает ничего Бог весть, разведать как успела. Но госпожа ей наконец Сказала: "полно, надоела!" Спросила кофту и чепец, Легла и выдти вон велела.

Своим французом между тем И граф раздет уже совсем. Ложится он, сигару просит, Monsieur Picard ему приносит Графин, серебряный стакан, Сигару, бронзовый светильник, Щипцы с пружиною, будильник И неразрезанный роман.

В постеле лежа, Вальтер-Скотта Глазами пробегает он. Но граф душевно развлечен: Неугомонная забота Его тревожит; мыслит он: "Неужто вправду я влюблен? Что, если можно?.. вот забавно; Однако ж это было б славно; Я, кажется, хозяйке мил", И Нулин свечку погасил.

Несносный жар его объемлет, Не спится графу - бес не дремлет И дразнит грешною мечтой В нем чувства. Пылкий наш герой Воображает очень живо Хозяйки взор красноречивый, Довольно круглый, полный стан, Приятный голос, прямо женский, Лица румянец деревенский Здоровье краше всех румян. Он помнит кончик ножки нежной, Он помнит: точно, точно так, Она ему рукой небрежной Пожала руку; он дурак, Он должен бы остаться с нею, Ловить минутную затею. Но время не ушло:теперь Отворена, конечно, дверь И тотчас, на плеча накинув Свой пестрый шелковый халат И стул в потемках опрокинув, В надежде сладостных наград, К Лукреции Тарквиний новый Отправился, на все готовый.

Так иногда лукавый кот, Жеманный бало-

вень служанки, За мышью крадется с лежанки: Украдкой, медленно идет, Полузажмурясь подступает, Свернется в ком, хвостом играет, Разинет когти хитрых лап И вдруг бедняжку цап-царап.

Влюбленный граф в потемках бродит, Дорогу ощупью находит. Желаньем пламенным томим, Едва дыханье переводит, Трепещет, если пол под ним Вдруг заскрыпит... вот он подходит К заветной двери и слегка Жмет ручку медную замка; Дверь тихо, тихо уступает; Он смотрит: лампа чуть горит И бледно спальню освещает; Хозяйка мирно почивает Иль притворяется, что спит.

Он входит, медлит, отступает И вдруг упал к ее ногам... Она... Теперь с их позволенья Прошу я петербургских дам Представить ужас пробужденья Натальи Павловны моей И разрешить, что делать ей?

Она, открыв глаза большие, Глядит на графа - наш герой Ей сыплет чувства выписные И дерзновенною рукой Коснуться хочет одеяла, Совсем смутив ее сначала... Но тут опомнилась она, И, гнева гордого полна, А впрочем, может быть, и страха, Она Тарквинию с

размаха Дает - пощечину, да, да, Пощечину, да
ведь какую!

Сгорел граф Нулин от стыда, Обиду проглотив такую; Не знаю, чем бы кончил он, Досадой страшною пылая, Но шпиц косматый, вдруг залая, Прервал Параши крепкий сон. Услышав граф ее походку И проклиная свой ночлег И своенравную красотку, В постыдный обратился бег.

Как он, хозяйка и Параша Проводят остальную ночь, Воображайте, воля ваша! Я не намерен вам помочь.

Восстав поутру молчаливо, Граф одевается лениво, Отделкой розовых ногтей, Зевая, занялся небрежно, И галстук вяжет неприлежно, И мокрой щеткою своей Не гладит стриженных кудрей. О чем он думает, не знаю; Но вот его позвали к чаю. Что делать? Граф, преодолев Неловкий стыд и тайный гнев, Идет.

Проказница младая, Насмешливый потупя взор И губки алые кусая, Заводит скромно разговор О том, о сем. Сперва смущенный, Но постепенно ободренный, С улыбкой отвечает он. Получаса не проходило, Уж он и шутит очень мило, И чуть ли снова не влюблен.

Вдруг шум в передней. Входят. Кто же? "Наташа, здравствуй."

- Ах, мой боже! Граф, вот мой муж. Душа моя, Граф Нулин.

"Рад сердечно я... Какая скверная погода! У кузницы я видел ваш Совсем готовый экипаж. Наташа! там у огорода Мы затравили русака... Эй, водки! Граф, прошу отведать: Прислали нам издалека. Вы с нами будете обедать?" "И, полно, граф, я вас прошу. Жена и я, гостям мы рады. - Не знаю, право, я спешу. Нет, граф, останьтесь!"

Но с досады И все надежды потеряв, Упрямится печальный граф. Уж подкрепив себя стаканом, Пикар кряхтит за чемоданом. Уже к коляске двое слуг Несут привинчивать сундук. К крыльцу подвезена коляска, Пикар все скоро уложил, И граф уехал... Тем и сказка Могла бы кончиться, друзья; Но слова два прибавлю я.

Когда коляска ускакала, Жена все мужу рассказала И подвиг графа моего Всему соседству описала. Но кто же более всего С Натальей Павловной смеялся? Не угадать вам. Почему ж? Муж? - Как не так! совсем не муж. Он

очень этим оскорблялся, Он говорил, что граф дурак, Молокосос; что если так, То графа он визжать заставит, Что псами он его затравит. Смеялся Лидин, их сосед, Помещик двадцати трех лет.

Теперь мы можем справедливо Сказать, что в наши времена Супругу верная жена, Друзья мои, совсем не диво.

ПОЛТАВА

The power and glory of the war, Faithless as their vain votaries, men, Had pass'd to the triumphant Czar.

Byron {1}

ПОСВЯЩЕНИЕ

Тебе - но голос музы темной Коснется ль уха твоего? Поймешь ли ты душою скромной Стремленье сердца моего? Иль посвящение поэта, Как некогда его любовь, Перед тобою без ответа Пройдет, непризнанное вновь?

Узнай по крайней мере звуки, Бывало, милые тебе И думай, что во дни разлуки, В моей изменчивой судьбе, Твоя печальная пустыня, Последний звук твоих речей Одно сокровище, святыня, Одна любовь души моей.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Богат и славен Кочубей. {1} Его луга необо-
зримы; Там табуны его коней Пасутся воль-
ны, нехранимы. Кругом Полтавы хутора {2}
Окружены его садами, И много у него добра,
Мехов, атласа, серебра И на виду и под замка-
ми. Но Кочубей богат и горд Не долгогривыми
конями, Не златом, данью крымских орд, Не
родовыми хуторами, Прекрасной дочерью
своей Гордится старый Кочубей. {3}

И то сказать: в Полтаве нет Красавицы, Ма-
рии равной. Она свежа, как вешний цвет,
Взлелеянный в тени дубравной. Как тополь
киевских высот, Она стройна. Ее движенья То
лебеда пустынных вод Напоминают плавный
ход, То лани быстрые стремленья. Как пена,
грудь ее бела. Вокруг высокого чела, Как тучи,
локоны чернеют. Звездой блещут ее глаза; Ее
уста, как роза, рдеют. Но не единая краса
(Мгновенный цвет!) молвою шумной В мла-
дой Марии почтена: Везде прославилась она
Девницей скромной и разумной. За то завид-
ных женихов Ей шлет Украина и Россия; Но
от венца, как от оков, Бежит пугливая Мария.
Всем женихам отказ - и вот За ней сам гетман
сватов шлет. {4}

Он стар. Он удручен годами, Войной, заботами, трудами; Но чувства в нем кипят, и вновь Мазепа ведает любовь.

Мгновенно сердце молодое Горит и гаснет. В нем любовь Проходит и приходит вновь, В нем чувство каждый день иное: Не столь послушно, не слегка, Не столь мгновенными страстями Пылает сердце старика, Окаменелое годами. Упорно, медленно оно В огне страстей раскалено; Но поздний жар уж не остынет И с жизнью лишь его покинет.

Не серна под утес уходит, Орла послышав тяжкий лет; Одна в сенях невеста бродит, Трещет и решенья ждет.

И, вся полна негодованьем, К ней мать идет и, с содроганьем Схватив ей руку, говорит; "Бесстыдный! старец нечестивый! Возможно ль?.. нет, пока мы живы, Нет! он греха не совершит. Он, должный быть отцом и другом Невинной крестницы своей... Безумец! на закате дней Он вздумал быть ее супругом". Мария вздрогнула. Лицо Покрыла бледность гробовая, И, охладев как неживая, Упала дева на крыльцо.

Она опомнилась, но снова Закрыла очи - и

ни слова Не говорит. Отец и мать Ей сердце ищут успокоить, Боязнь и горестъ разогнать, Тревогу смутных дум устроить... Напрасно. Целые два дня, То молча плача, то стена, Мария не пила, не ела, Шатаясь, бледная как тень, Не зная сна. На третий день Ее светлица опустела.

Никто не знал, когда и как Она сокрылась. Лишь рыбак Той ночью слышал конский топот, Казачью речь и женский шепот, И утром след осьми подков Был виден на росе лугов.

Не только первый пух ланит Да русы кудри молодые, Порой и старца строгий вид, Рубцы чела, власы седые В воображенье красоты Влагают страстные мечты.

И вскоре слуха Кочубея Коснулась роковая весть: Она забыла стыд и честь, Она в объятиях злодея! Какой позор! Отец и мать Молву не смеют понимать. Тогда лишь истина явилась С своей ужасной наготой. Тогда лишь только объяснилась Душа преступницы молодой. Тогда лишь только стало явно, Зачем бежала своенравно Она семейственных оков, Томила тайно, воздыхала И на приветы женихов Молчаньем гордым отвечала; Зачем так тихо

за столом Она лишь гетману внимала, Когда беседа ликовала И чаша пенилась вином; Зачем она всегда певала Те песни, кои он слагал, {5} Когда он беден был и мал, Когда молва его не знала; Зачем с неженскою душой Она любила конный строй, И бранный звон литавр, и клики Пред бунчуком и булавой Малороссийского владыки... {6}

Богат и знатен Кочубей. Довольно у него друзей. Свою омыть он может славу. Он может возмутить Полтаву; Внезапно средь его дворца Он может мщением отца Постигнуть гордого злодея; Он может верною рукой Вонзить... но замысел иной Волнует сердце Кочубея.

Была та смутная пора, Когда Россия молодая, В бореньях силы напрягая, Мужала с гением Петра. Суровый был в науке славы Ей дан учитель: не один Урок нежданный и кровавый Задал ей шведский паладин. Но в искушеньях долгой кары, Перетерпев судеб удары, Окрепла Русь. Так тяжкий млат, Дробя стекло, кует булат.

Венчанный славой бесполезной, Отважный Карл скользил над бездной. Он шел на

древнюю Москву, Взметая русские дружины,
Как вихорь гонит прах долины И клонит
пыльную траву. Он шел путем, где след оста-
вил В дни наши новый, сильный враг, Когда
падением ославил Муж рока свой попятный
шаг. {7}

Украина глухо волновалась. Давно в ней
искра разгоралась. Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны, Роптали, требуя кич-
ливо, Чтоб гетман узы их расторг, И Карла
ждал нетерпеливо Их легкомысленный вос-
торг. Вокруг Мазепы раздавался Мятежный
крик: пора, пора! Но старый гетман оставался
Послушным подданным Петра. Храня суро-
вость обычайну, Спокойно ведал он Украину,
Молве, казалось, не внимал И равнодушно
пировал.

"Что ж гетман? юноши твердили, Он изне-
мог; он слишком стар; Труды и годы угасили В
нем прежний, деятельный жар. Зачем дрожа-
щею рукою Еще он носит булаву? Теперь бы
грянуть нам войною На ненавистную Москву!
Когда бы старый Дорошенко, {8} Иль Самой-
лович молодой, {9} Иль наш Палей, {10} иль
Гордеенко {11} Владели силой войсковою; То-

гда б в снегах чужбины дальней Не погибали казаки, И Малороссии печальной Освобождались уж полки". {12}

Так, своеволием пылая, Роптала юность удалая, Опасных алча перемен, Забыв отчизны давний плен, Богдана счастливые споры, Святые брани, договоры И славу дедовских времен. Но старость ходит осторожно И подозрительно глядит. Чего нельзя и что возможно, Еще не вдруг она решит. Кто снидет в глубину морскую, Покрытую недвижно льдом? Кто испытующим умом Проникнет бездну роковую Души коварной? Думы в ней, Плоды подавленных страстей, Лежат погружены глубоко, И замысел давнишних дней, Быть может, зреет одиноко. Как знать? Но чем Мазепа злей, Чем сердце в нем хитрей и ложней, Тем с виду он неосторожней И в обхождении простей. Как он умеет самовластно Сердца привлечь и разгадать, Умами править безопасно, Чужие тайны разрешать! С какой доверчивостью лживой, Как добродушно на пирах Со старцами старик болтливый, Жалеет он о прошлых днях, Свободу славит с своевольным, Поносит власти с недовольным, С оже-

сточенным слезы льет, С глупцом разумну
речь ведет! Не многим, может быть, известно,
Что дух его неукротим, Что рад и честно и
бесчестно Вредить он недругам своим; Что ни
единой он обиды С тех пор как жив не забы-
вал, Что далеко преступны виды Старик над-
менный простирал; Что он не ведает святы-
ни, Что он не помнит благостыни, Что он не
любит ничего, Что кровь готов он лить, как
воду, Что презирает он свободу, Что нет от-
чизны для него.

Издавна умысел ужасный Взлелеял тайно
злой старик В душе своей. Но взор опасный,
Враждебный взор его проник.

"Нет, дерзкий хищник, нет, губитель! Скре-
жеща мыслит Кочубей, Я пощажу твою оби-
тель, Темницу дочери моей; Ты не истлеешь
среди пожара, Ты не издохнешь от удара Каза-
чей сабли. Нет, злодей, В руках московских
палачей, В крови, при тщетных отрицаньях,
На дыбе, корчась в истязаньях, Ты прокля-
нешь и день и час, Когда ты дочь крестил у
нас, И пир, на коем чести чашу Тебе я полную
наливал, И ночь, когда голубку нашу Ты, ста-
рый коршун, заклевал!.."

Так! было время: с Кочубеем Был друг Мазепа; в оны дни Как солью, хлебом и елеем, Делились чувствами они. Их кони по полям победы Скакали рядом сквозь огни; Нередко долгие беседы Наедине вели они Пред Кочубеем гетман скрытный Души мятежной, ненасытной Отчасти бездну открывал И о грядущих измененьях, Переговорах, возмущеньях В речах неясных намекал. Так, было сердце Кочубея В то время предано ему. Но, в горькой злобе свирепея, Теперь позыву одному Оно послушно; он голубит Едину мысль и день и ночь: Иль сам погибнет, иль погубит Отмстит поруганную дочь.

Но предприимчивую злобу Он крепко в сердце затаил. "В бессильной горести, ко гробу Теперь он мысли устремил. Он зла Мазепе не желает; Всему виновна дочь одна, Но он и дочери прощает: Пусть богу даст ответ она, Покрыв семью свою позором, Забыв и небо и закон..."

А между тем орлиным взором В кругу домашнем ищет он Себе товарищей отважных, Неколебимых, непродажных. Во всем открылся он жене: {13} Давно в глубокой тишине

Уже донос он грозный копит, И, гнева женского полна, Нетерпеливая жена Супруга злобного торопит. В тиши ночей, на ложе сна, Как некой дух, ему она О мщеньи шепчет, укоряет, И слезы льет, и ободряет, И клятвы требует - и ей Клянется мрачный Кочубей.

Удар обдуман. С Кочубеем Бесстрашный Искра {14} заодно. И оба мыслят: "Одолеем; Врага паденье решено. Но кто ж, усердьем пламенея, Ревнуя к общему добру, Донос на мощного злодея Предубежденному Петру К ногам положит, не робея?"

Между полтавских казаков, Презренных девою несчастной, Один с младенческих годов Ее любил любовью страстной. Вечерней, утренней порой, На берегу реки родной, В тени украинских черешен, Бывало, он Марию ждал, И ожиданием страдал, И краткой встречей был утешен. Он без надежд ее любил, Не докучал он ей мольбою: Отказа б он не пережил. Когда наехали толпою К ней женихи, из их рядов Уныл и сир он удалился. Когда же вдруг меж казаков Позор Мариин огласился И беспощадная молва Ее со смехом поразила, И тут Мария сохранила Над ним привычные

права. Но если кто хотя случайно Пред ним
Мазепу называл, То он бледнел, терзаясь тайно,
И взоры в землю опускал.

Кто при звездах и при луне Так поздно
едет на коне? Чей это конь неутомимый Бежит
в степи необозримой?

Казак на север держит путь, Казак не хочет
отдохнуть Ни в чистом поле, ни в дубра-
ве, Ни при опасной переправе.

Как стекло булат его блестит, Мешок за па-
зухой звенит, Не спотыкаясь, конь ретивый
Бежит, размахивая гривой.

Червонцы нужны для гонца, Булат потеха
молодца, Ретивый конь потеха тоже Но шап-
ка для него дороже.

За шапку он оставить рад Коня, червонцы
и булат, Но выдаст шапку только с бою, И то
лишь с буйной головою.

Зачем он шапкой дорожит? За тем, что в
ней донос защит, Донос на гетмана злодея Ца-
рю Петру от Кочубея.

Грозы не чуя между тем, Неужасаемый ни-
чем, Мазепа козни продолжает. С ним полно-
мощный езуит {15} Мятеж народный учре-
ждает И шаткой трон ему сулит. Во тьме ноч-

ной они как воры Ведут свои переговоры, Измену ценят меж собой, Слагают цифр универсалов, {16} Торгуют царской головой, Торгуют клятвами вассалов. Какой-то нищий во дворец Неведомо отколе ходит, И Орлик, {17} гетманов делец, Его приводит и выводит. Повсюду тайно сеют яд Его подосланные слуги: Там на Дону казачьи круги Они с Булавиным {18} мутят; Там будят диких орд отвагу; Там за порогами Днепра Стращают буйную ватагу Самодержавием Петра. Мазепа всюду взор кидает И письма шлет из края в край: Угрозой хитрой подымает Он на Москву Бахчисарай. Король ему в Варшаве внемлет, В стенах Очакова паша, Во стане Карл и царь. Не дремлет Его коварная душа; Он, думой думу развивая, Верней готовит свой удар; В нем не слабеет воля злая, Неутомим преступный жар.

Но как он вздрогнул, как воспрянул, Когда пред ним незапно грянул Упадший гром! когда ему, Врагу России самому, Вельможи русские послали {19} В Полтаве писанный донос И вместо праведных угроз, Как жертве, ласки расточали; И озабоченный войной, Гнушаясь мнимой клеветой, Донос оставя без внима-

нья, Сам царь Иуду утешал И злобу шумом наказанья Смирить надолго обещал!

Мазепа, в горести притворной, К царю возносит глас покорный. "И знает бог, и видит свет: Он, бедный гетман, двадцать лет Царю служил душою верной; Его щедротою безмерной Осыпан, дивно вознесен... О, как слепа, безумна злоба!.. Ему ль теперь у двери гроба Начать учение измен И потемнять благую славу? Не он ли помощь Станиславу {20} С негодованьем отказал, Стыдясь, отверг венец Украйны, И договор и письма тайны К царю, по долгу, отослал? Не он ли наущеньям хана {21} И цареградского салтана Был глух? Усердием горя, С врагами белого царя Умом и саблей рад был спорить, Трудов и жизни не жалел, И ныне злобный недруг смел Его седины опозорить! И кто же? Искра, Кочубей! Так долго быв его друзьями!.." И с кровожадными слезами, В холодной дерзости своей, Их казни требует злодей... {22}

Чьей казни?.. старец непреклонный! Чья дочь в объятиях его? Но хладно сердца своего Он заглушает ропот сонный. Он говорит: "В неравный спор Зачем вступает сей безумец?"

Он сам, надменный вольнодумец, Сам точит на себя топор. Куда бежит, зажавши вежды? На чем он основал надежды? Или... но дочери любовь Главы отцовской не искупит. Любовник гетману уступит, Не то моя прольется кровь."

Мария, бедная Мария, Краса черкасских дочерей! Не знаешь ты, какого змия Ласкаешь на груди своей. Какой же властью непонятной К душе свирепой и развратной Так сильно ты привлечена? Кому ты в жертву отдана? Его кудрявые седины, Его глубокие морщины, Его блестящий, впалый взор, Его лукавый разговор Тебе всего, всего дороже: Ты мать забыть для них могла, Соблазном посланное ложе Ты отчей сени предпочла. Своими чудными очами Тебя старик заморозил, Своими тихими речами В тебе он совесть усыпил; Ты на него с благоговеньем Возводишь ослепленный взор, Его лелеешь с умиленьем Тебе приятен твой позор, Ты им, в безумном упоенье, Как целомудрием горда Ты прелесть нежную стыда В своем утратила паденье...

Что стыд Марии? что молва? Что для нее мирские пени, Когда склоняется в колени К

ней старца гордая глава, Когда с ней гетман забывает Судьбы своей и труд и шум, Иль тайны смелых, грозных дум Ей, деве робкой, открывает? И дней невинных ей не жаль, И душу ей одна печаль Порой, как туча, затмевает: Она унылых пред собой Отца и мать воображает; Она, сквозь слезы, видит их В бездетной старости, одних, И, мнится, пеням их внимает... О, если б ведала она, Что уж узнала вся Украина! Но от нее сохранена Еще убийственная тайна.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Мазепа мрачен. Ум его Смущен жестокими мечтами. Мария нежными очами Глядит на старца своего. Она, обняв его колени, Слова любви ему твердит. Напрасно: черных помышлений Ее любовь не удалит. Пред бедной девой с невниманьем Он хладно потупляет взор И ей на ласковый укор Одним ответствует молчаньем. Удивлена, оскорблена, Едва дыша, встает он И говорит с негодованьем:

"Послушай, гетман: для тебя Я позабыла все на свете. Навек однажды полюбя, Одно имела я в предмете: Твою любовь. Я для нее Сгубила счастье мое, Но ни о чем я не жа-

лею... Ты помнишь: в страшной тишине, В ту ночь, как стала я твоею Меня любить ты клялся мне. Зачем же ты меня не любишь?"

Мазепа

Мой друг, несправделива ты. Оставь безумные мечты; Ты подозреньем сердце губишь: Нет, душу пылкую твою Волнуют, ослепляют страсти. Мария, верь: тебя люблю Я больше славы, больше власти. Мария

Неправда: ты со мной хитришь. Давно ль мы были неразлучны? Теперь ты ласк моих бежишь; Теперь они тебе докучны; Ты целый день в кругу старшин, В пирах, разъездах - я забыта; Ты долгой ночью иль один, Иль с нищим, иль у езуита; Любовь смиренная моя Встречает хладную суровость. Ты пил недавно, знаю я, Здоровье Дульской. Это новость; Кто эта Дульская? Мазепа

И ты Ревнива? Мне ль, в мои лета Искать надменного привета Самолюбивой красоты? И стану ль я, старик суровый, Как праздный юноша, вздыхать, Влачить позорные оковы И жен притворством искушать? Мария

Нет, объяснись без отговорок И просто, прямо отвечай. Мазепа

Покой души твоей мне дорог, Мария; так и
быть: узнай. Давно замыслили мы дело; Те-
перь оно кипит у нас. Благое время нам при-
спело; Борьбы великой близок час. Без милой
вольности и славы Склоняли долго мы главы
Под покровительством Варшавы, Под само-
властием Москвы. Но независимой державой
Украине быть уже пора: И знамя вольности
кровавой Я подымаю на Петра. Готово все: в
переговорах Со мною оба короля; И скоро в
смутах, в бранных спорах, Быть может, трон
воздвигну я. Друзей надежных я имею: Княги-
ня Дульская и с нею Мой езуит, да нищий сей
К концу мой замысел приводят. Через руки их
ко мне доходят Наказы, письма королей. Вот
важные тебе признанья. Довольна ль ты?
Твои мечтанья Рассеяны ль?

Мария

О милый мой, Ты будешь царь земли род-
ной! Твоим сединам как пристанет Корона
царская! Мазепа

Постой. Не все свершилось. Буря грянет;
Кто может знать, что ждет меня? Мария

Я близ тебя не знаю страха Ты так могущ!
О, знаю я: Трон ждет тебя. Мазепа

А если плаха?.. Мария

С тобой на плаху, если так. Ах, пережить тебя могу ли? Но нет: ты носишь власти знак.

Мазепа

Меня ты любишь? Мария

Я! люблю ли? Мазепа

Скажи: отец или супруг Тебе дороже? Мария

Милый друг, К чему вопрос такой? тревожит Меня напрасно он. Семью Стараюсь я забыть мою. Я стала ей в позор; быть может (Какая страшная мечта!) Моим отцом я проклята, А за кого? Мазепа

Так я дороже Тебе отца? Молчишь... Мария

О боже! Мазепа

Что ж? отвечай. Мария

Реши ты сам. Мазепа

Послушай: если было б нам, Ему иль мне, погибнуть надо, А ты бы нам судьей была, Кого б ты в жертву принесла, Кому бы ты была ограда? Мария

Ах, полно! сердце не смущай! Ты искуситель. Мазепа

Отвечай! Мария

Ты бледен; речь твоя сурова... О, не сер-

дись! Всем, всем готова Тебе я жертвовать, по-
верь; Но страшны мне слова такие. Довольно.
Мазепа

Помни же, Мария, Что ты сказала мне те-
перь.

Тиха украинская ночь. Прозрачно небо.
Звезды блещут. Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут Сребристых
тополей листы. Луна спокойно с высоты Над
Белой-Церковью сияет И пышных гетманов
сады И старый замок озаряет. И тихо, тихо все
кругом; Но в замке шепот и смятенье. В одной
из башен, под окном, В глубоком, тяжком раз-
мышленьи, Окован, Кочубей сидит И мрачно
на небо глядит.

Заутра казнь. Но без боязни Он мыслит об
ужасной казни; О жизни не жалеет он. Что
смерть ему? желанный сон. Готов он лечь во
гроб кровавый. Дрема долит. Но, боже пра-
вый! К ногам злодея, молча, пасть Как бессло-
весное созданье, Царем быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье, Утратить жизнь - и с
нею честь, Друзей с собой на плаху весть, Над
гробом слышать их проклятья, Ложась без-
винным под топор, Врага веселый встретить

взор И смерти кинуться в объятья, Не завещая никому Вражды к злодею своему!..

И вспомнил он свою Полтаву, Обычный круг семьи, друзей, Минувших дней богатство, славу, И песни дочери своей, И старый дом, где он родился, Где знал и труд и мирный сон, И все, чем в жизни наслаждался, Что добровольно бросил он, И для чего?

Но ключ в заржавом Замке гремит - и, пробужден, Несчастный думает: вот он! Вот на пути моем кровавом Мой вождь под знаменем креста, Грехов могущий разрешитель, Духовной скорби врач, служитель За нас распятого Христа, Его святую кровь и тело Принесший мне, да укреплюсь, Да приступлю ко смерти смело И жизни вечной приобщусь!

И с сокрушением сердечным Готов несчастный Кочубей Перед всесильным, бесконечным Излить тоску мольбы своей. Но не отшельника святого, Он гостя узнает иного: Свирепый Орлик перед ним. И, отвращением томим, Страдалец горько вопрошает: "Ты здесь, жестокой человек? Зачем последний мой ночлег Еще Мазепа возмущает?"

Орлик

Допрос не кончен: отвечай. Кочубей
Я отвечал уже: ступай, Оставь меня. Орлик
Еще признанья Пан гетман требует. Кочубей

Но в чем? Давно сознался я во всем, Что вы хотели. Показанья Мои все ложны. Я лукав, Я строю козни. Гетман прав. Чего вам более? Орлик

Мы знаем, Что ты несчетно был богат; Мы знаем: не единый клад Тобой в Диканьке {23} укрываем. Свершиться казнь твоя должна; Твое имение сполна В казну поступит войсковую Таков закон. Я указую Тебе последний долг: открой, Где клады, скрытые тобой? Кочубей

Так, не ошиблись вы: три клада В сей жизни были мне отрада. И первый клад мой честь была, Клад этот пытка отняла; Другой был клад невозвратимый Честь дочери моей любимой. Я день и ночь над ним дрожал: Мазепа этот клад украл. Но сохранил я клад последний, Мой третий клад: святую месть. Ее готовлюсь богу снести. Орлик

Старик, оставь пустые бредни: Сегодня покидая свет, Питайся мыслию суровой. Шутить

не время. Дай ответ, Когда не хочешь пытки
новой: Где спрятал деньги? Кочубей

Злой холоп! Окончишь ли допрос неле-
пый? Повремени: дай лечь мне в гроб, Тогда
ступай себе с Мазепой Мое наследие считать
Окровавленными перстами, Мои подвалы
разрывать, Рубить и жечь сады с домами. С
собой возьмите дочь мою; Она сама вам все
расскажет, Сама все клады вам укажет; Но ра-
ди господа молю, Теперь оставь меня в покое.
Орлик

Где спрятал деньги? укажи. Не хочешь? -
Деньги где? скажи, Иль выйдет следствие
плохое. Подумай: место нам назначь. Мол-
чишь? - Ну, в пытку. Гей, палач! {24} Палач во-
шел...

О ночь мучений! Но где же гетман? где
злодей? Куда бежал от угрызений Змеиной
совести своей? В светлице девы усыпленной,
Еще незнанием блаженной, Близь ложа
крестницы младой Сидит с поникшею главой
Мазепа тихий и угрюмый. В его душе прохо-
дят думы, Одна другой мрачней, мрачней.
"Умрет безумный Кочубей; Спасти нельзя его.
Чем ближе Цель гетмана, тем тверже он Быть

должен властью облечен, Тем перед ним
склоняться ниже Должна вражда. Спасенья
нет: Доносчик и его клевет Умрут". Но броса
взор на ложе, Мазепа думает: "О боже! Что бу
дет с ней, когда она Услышит слово роковое?
Досель она еще в покое Но тайна быть сохра
нена Не может долее. Секира, Упав поутру, за
гремит По всей Украине. Голос мира Вокруг
нее заговорит!.. Ах, вижу я: кому судьбою Вол
ненья жизни суждены, Тот стой один перед
грозою, Не призывай к себе жены. В одну те
легу впрячь неможно Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно: Теперь плачу безум
ства дань... Все, что цены себе не знает, Все,
все, чем жизнь мила бывает, Бедняжка при
несла мне в дар, Мне, старцу мрачному, -и что
же? Какой готовлю ей удар!" И он глядит: на
тихом ложе Как сладок юности покой! Как
сон ее лелеет нежно! Уста раскрылись; безмя
тежно Дыханье груди молодой; А завтра, зав
тра... содрогаясь, Мазепа отвращает взгляд,
Встает и, тихо пробираясь, В уединенный схо
дит сад.

Тиха украинская ночь. Прозрачно небо.
Звезды блещут. Своей дремоты превозмочь

Не хочет воздух. Чуть трепещут Сребристых тополей листы. Но мрачны странные мечты В душе Мазепы: звезды ночи, Как обвинительные очи, За ним насмешливо глядят. И тополи, стеснившись в ряд, Качая тихо голову, Как судьи, шепчут меж собою. И летней, теплой ночи тьма Душна как черная тюрьма.

Вдруг... слабый крик... невнятный стон Как бы из замка слышит он. То был ли сон воображенья, Иль плач совы, иль зверя вой, Иль пытки стон, иль звук иной Но только своего волненья Преодолеть не мог старик И на протяжный слабый крик Другим ответствовал - тем криком, Которым он в весельи диком Поля сраженья оглашал, Когда с Забелой, с Гамалеем, И - с ним... и с этим Кочубеем Он в бранном пламени скакал.

Зари багряной полоса Объемлет ярко небеса. Блеснули доли, холмы, нивы, Вершины роц и волны рек. Раздался утра шум игристый, И пробудился человек.

Еще Мария сладко дышит, Дремой объятая, и слышит Сквозь легкой сон, что кто-то к ней Вошел и ног ее коснулся. Она проснулась - но скорей С улыбкой взор ее сомкнулся

От блеска утренних лучей. Мария руки протянула И с негой томною шепнула: "Мазепа, ты?.." Но голос ей Иной ответствует... о боже! Вздрогнув, она глядит... и что же? Пред нею мать...

Мать

Молчи, молчи; Не погуби нас: я в ночи Сюда прокралась осторожно С единой, слезною мольбой. Сегодня казнь. Тебе одной Свирепство их смягчить возможно. Спаси отца. Дочь, в ужасе

Какой отец? Какая казнь? Мать

Иль ты доньине Не знаешь?.. нет! ты не в пустыне, Ты во дворце; ты знать должна, Как сила гетмана грозна, Как он врагов своих карает, Как государь ему внимает... Но вижу: скорбную семью Ты отвергаешь для Мазепы; Тебя я сонну застаю, Когда свершают суд свирепый, Когда читают приговор, Когда готов отцу топор... Друг другу, вижу, мы чужие... Опомнись, дочь моя! Мария, Беги, пади к его ногам, Спаси отца, будь ангел нам: Твой взгляд злодеям руки свяжет, Ты можешь их топор отвести. Рвись, требуй - гетман не откажет: Ты для него забыла честь, Родных и бога.

Дочь

Что со мною? Отец... Мазепа... казнь - с мольбою Здесь, в этом замке мать моя Нет, иль ума лишилась я, Иль это грезы. Мать

Бог с тобою, Нет, нет - не грезы, не мечты. Ужель еще не знаешь ты, Что твой отец ожесточенный Бесчестья дочери не снес И, жаждой мести увлеченный, Царю на гетмана донес... Что в истязаниях кровавых Сознался в умыслах лукавых, В стыде безумной клеветы, Что, жертва смелой правоты, Врагу он выдан головою, Что пред громадой войсковою, Когда его не осенит Десница вышняя господня, Он должен быть казнен сегодня, Что здесь покаместь он сидит В тюремной башне. Дочь

Боже, боже!.. Сегодня! - бедный мой отец! И дева падает на ложе, Как хладный падает мертвец.

Пестреют шапки. Копья блещут. Бьют в бубны. Скачут сердюки. {25} В строях ровняются полки. Толпы кипят. Сердца трепещут. Дорога, как змеиный хвост, Полна народу, шевелится. Средь поля роковой намост. На нем гуляет, веселится Палач и алчно жертвы ждет: То в руки белые берет, Играючи, топор

тяжелый, То шутит с чернию веселой. В гречухий говор все слилось: Крик женской, брань, и смех, и ропот. Вдруг восклицанье раздалось, И смолкло все. Лишь конской топот Был слышен в грозной тишине. Там, окруженный сердюками, Вельможный гетман с старшинами Скакал на вороном коне. А там по киевской дороге Телега ехала. В тревоге Все взоры обратили к ней. В ней, с миром, с небом примиренный, Могущей верой укрепленный, Сидел безвинный Кочубей, С ним Искра тихий, равнодушный, Как агнец, жребию послушный. Телега стала. Раздалось Моленье ликом громогласных. С кадил куренье поднялось. За упокой души несчастных Безмолвно молится народ, Страдальцы за врагов. И вот Идут они, зошли. На плаху, Крестьясь, ложится Кочубей. Как будто в гробе, тьмы людей Молчат. Топор блеснул с размаху, И отскочила голова. Все поле охнуло. Другая Катится вслед за ней, мигая. Зарделась кровию трава И, сердцем радуясь во злобе, Палач за чуб поймал их обе И напряженною рукой Потряс их обе над толпой.

Свершилась казнь. Народ беспечный Идет,

рассыпавшись, домой И про свои заботы вечны Уже толкует меж собой. Пустеет поле понемногу. Тогда чрез пеструю дорогу Перебежали две жены. Утомлены, запылены, Они, казалось, к месту казни Спешили полные боязни. "Уж поздно",- кто-то им сказал И в поле перстом указал. Там роковой намест ломали, Молился в черных ризах поп, И на телегу подымали Два казака дубовый гроб.

Один пред конною толпой Мазепа, грозен, удалялся От места казни. Он терзался Какой-то страшной пустотой. Никто к нему не приближался, Не говорил он ничего; Весь в пене мчался конь его. Домой приехав, "что Мария?" Спросил Мазепа. Слышит он Ответы робкие, глухие... Невольным страхом поражен, Идет он к ней; в светлицу входит: Светлица тихая пуста Он в сад, и там смятенный бродит; Но вокруг широкого пруда, В кустах, вдоль сеней безмятежных Все пусто, нет нигде следов Ушла! - Зовет он слуг надежных, Своих проворных сердюков. Они бегут. Храпят их кони Раздался дикий клик погони, Верхом - и скачут молодцы Во весь опор во все концы.

Бегут мгновенья дорогие. Не возвращается Мария. Никто не ведал, не слышал, Зачем и как она бежала... Мазепа молча скрежетал. Затихнув, челядь трепетала. В груди кипучий яд нося, В светлице гетман заперся. Близь ложа там во мраке ночи Сидел он не смыкая очи, Нездешней мукою томим. Поутру, посланные слуги Один явились за другим. Чуть кони двигались. Подпруги, Подковы, узды, чепраки, Все было пеною покрыто, В крови, растеряно, избито Но ни один ему принести Не мог о бедной деве весть. И след ее существованья Пропал как будто звук пустой, И мать одна во мрак изгнанья Умчала горе с нищетой.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Души глубокая печаль Стремиться дерзновенно в даль Вождю Украйны не мешает. Твердея в умысле своем, Он с гордым шведским королем Свои сношенья продолжает. Меж тем, чтоб обмануть верней Глаза враждебного сомненья, Он, окружась толпой врачей, На ложе мнимого мученья Стоная молит исцеленья. Плоды страстей, войны, трудов, Болезни, дряхлость и печали, Предтечи смерти, приковали Его к одру. Уже готов Он скоро

бренный мир оставить; Святой обряд он хочет править, Он архипастыря зовет К одру сомнительной кончины, И на коварные седины Елей таинственный течет.

Но время шло. Москва напрасно К себе гостей ждала всечасно, Среди старых, вражеских могил Готовя шведам тризну тайну. Незапно Карл поворотил И перенес войну в Украину.

И день настал. Встает с одра Мазепа, сей страдалец хилый, Сей труп живой, еще вчера Стонавший слабо над могилой. Теперь он мощный враг Петра. Теперь он, бодрый, пред полками Сверкает гордыми очами И саблей машет - и к Десне Проворно мчится на коне. Согбенный тяжело жизнью старой, Так оный хитрый кардинал, Венчавшись римскою тиарой, И прям, и здрав, и молод стал.

И весть на крыльях полетела. Украина смутно зашумела: "Он перешел, он изменил, К ногам он Карлу положил Бунчук покорный". Пламя пышет, Встает кровавая заря Войны народной.

Кто опишет Негодование, гнев царя? {26} Гремит анафема в соборах; Мазепы лик терза-

ет кат. {27} На шумной раде, в вольных спорах Другого гетмана творят. С берегов пустынных Енисея Семейства Искры, Кочубея Поспешно призваны Петром. Он с ними слезы проливает. Он их, лаская, осыпает И новой честью и добром. Мазепы враг, наездник пылкий, Старик Палей из мрака ссылки В Украину едет в царский стан. Трепещет бунт осиротелый. На плахе гибнет Чечель {28} смелый И запорожский атаман. И ты, любовник бранной славы, Для шлема кинувший венец, Твой близок день, ты вал Полтавы Вдали завидел наконец.

И царь туда ж помчал дружины. Они как буря притекли И оба стана средь равнины Друг друга хитро облегли. Не раз избитый в схватке смелой, Заране кровью опьянелый, С бойцом желанным наконец Так грозный сходится боец. И злобясь видит Карл могучий Уж не расстроенные тучи Несчастливых нарвских беглецов, А нить полков блестящих, стройных, Послушных, быстрых и спокойных, И ряд незыблемый штыков.

Но он решил: завтра бой. Глубокой сон во стане шведа. Лишь под палаткою одной Ве-

дется шепотом беседа.

"Нет, вижу я, нет, Орлик мой, Поторопились мы некстати: Расчет и дерзкой и плохой, И в нем не будет благодати. Пропала, видно, цель моя. Что делать? Дал я промах важный: Ошибся в этом Карле я. Он мальчик бойкой и отважный; Два-три сраженья разыграть, Конечно, может он с успехом, К врагу на ужин прискакать {29}, Ответствовать на бомбу смехом {30}; Не хуже русского стрелка Прокрасться в ночь ко вражью стану; Свалить как нынче казака И обменять на рану рану; {31} Но не ему вести борьбу С самодержавным великаном: Как полк, вертеться он судьбу Принудить хочет барабаном; Он слеп, упрям, нетерпелив, И легкомыслен, и кичлив, Бог весть какому счастью верит; Он силы новые врага Успехом прошлым только мерит Сломить ему свои рога. Стыжусь: воинственным бродягой Увлекся я на старость лет; Был ослеплен его отвагой И беглым счастьем побед, Как дева робкая."

Орлик

Сраженья Дождемся. Время не ушло С Петром опять войти в сношенья: Еще поправить

можно зло. Разбитый нами, нет сомненья,
Царь не отвергнет примиренья. Мазепа

Нет, поздно. Русскому царю Со мной мириться невозможно. Давно решилась непреложно
Моя судьба. Давно горю Стесненной злобой. Под Азовом Однажды я с царем суровым
Во ставке ночью пировал: Полны вином кипели чаши,
Кипели с ними речи наши. Я слово смелое сказал.
Смутились гости молодые... Царь, вспыхнув, чашу уронил
И за усы мои седые Меня с угрозой ухватил. Тогда, смирясь
в бессильном гневe, Отмстить себе я клятву дал;
Носил ее - как мать во чреве Младенца носит. Срок настал.
Так, обо мне воспоминанье Хранить он будет до конца.
Петру я послан в наказанье; Я терн в листьях его венца:
Он дал бы грады родовые И жизни лучшие часы,
Чтоб снова как во дни былые Держать Мазепу за усы.
Но есть еще для нас надежды: Кому бежать, решит заря.
Умолк и закрывает вежды Изменник русского царя.

Горит восток зарею новой. Уж на равнине,
по холмам Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам Навстречу утренним лучам.
Полки ряды свои сомкнули. В ку-

стах рассыпались стрелки. Катятся ядра, свистят пули; Нависли хладные штыки. Сыны любимые победы, Сквозь огонь окопов рвутся шведы; Волнуясь, конница летит; Пехота движется за нею И тяжелой твердостью своею Ее стремление крепит. И битвы поле роковое Гремит, пылает здесь и там, Но явно счастье боевое Служить уж начинает нам. Пальбой отбитые дружины, Мешаясь, падают во прах. Уходит Розен сквозь теснины; Сдается пылкой Шлипенбах. Тесним мы шведов рать за ратью; Темнеет слава их знамен, И бога браней благодатью Наш каждый шаг запечатлен. Тогда-то свыше вдохновенный Раздался звучный глас Петра: "За дело, с богом!" Из шатра, Толпой любимцев окруженный, Выходит Петр. Его глаза сияют. Лик его ужасен. Движенья быстры. Он прекрасен, Он весь, как божия гроза. Идет. Ему коня подводят. Ретив и смирен верный конь. Почуя роковой огонь, Дрожит. Глазами косо водит И мчится в прахе боевом, Гордясь могущим седоком.

Уж близок полдень. Жар пылает. Как пархень, битва отдыхает. Кой-где гарцуют казаки. Ровняясь строятся полки. Молчит музыка

боевая. На холмах пушки, присмирив Прервали свой голодный рев. И се - равнину оглашая Далече грянуло ура: Полки увидели Петра.

И он промчался пред полками, Могуц и радостен, как бой. Он поле пожирал очами. За ним вослед неслись толпой Сии птенцы гнезда Петрова В пременах жребия земного, В трудах державства и войны Его товарищи, сыны: И Шереметев благородный, И Брюс, и Боур, и Репнин, И, счастья баловень безродный, Полудержавный властелин.

И перед синими рядами Своих воинственных дружин, Несомый верными слугами, В качалке, бледен, недвижим, Страдая раной, Карл явился. Вожди героя шли за ним. Он в думу тихо погрузился. Смущенный взор изобразил Необычайное волнение. Казалось, Карла приводил Желанный бой в недоуменье... Вдруг слабым манием руки На русских двинул он полки.

И с ними царские дружины Сошлись в дыму среди равнины: И грянул бой, Полтавский бой! В огне, под градом раскаленным, Стеной живою отраженным, Над падшим строем свежий строй Штыки смыкает. Тяжкой тучей От-

ряды конницы летучей, Браздами, саблями
звуча, Сшибаясь, рубятся с плеча. Бросая гру-
ды тел на грудь, Шары чугунные повсюду
Меж ними прыгают, разят, Прах роют и в кро-
ви шипят. Швед, русский - колет, рубит, ре-
жет. Бой барабанный, клики, скрежет, Гром
пушек, топот, ржанье, стон, И смерть и ад со
всех сторон.

Среди тревоги и волнения На битву взором
вдохновенья Вожди спокойные глядят, Дви-
жения ратные следят, Предвидят гибель и по-
беду И в тишине ведут беседу. Но близ мос-
ковского царя Кто воин сей под сядинами?
Двумя поддержан казаками, Сердечной рев-
ностью горя, Он оком опытным героя Взирает
на волнение боя. Уж на коня не вскочит он,
Одрях, в изгнанье сиротея, И казаки на клич
Палея Не налетят со всех сторон! Но что ж его
сверкнули очи, И гневом, будто мглою ночи,
Покрылось старое чело? Что возмутить его
могло? Иль он, сквозь бранный дым, увидел
Врага Мазепу, и в сей миг Свои лета вознена-
видел Обезоруженный старик?

Мазепа, в думу погруженный, Взирал на
битву, окруженный Толпой мятежных каза-

ков, Родных, старшин и сердюков. Вдруг выстрел. Старец обратился. У Войнаровского в руках Мушкетный ствол еще дымился. Сраженный в нескольких шагах, Младой казак в крови валялся, А конь, весь в пене и пыли, Почуя волю, дико мчался, Скрываясь в огненной дали. Казак на гетмана стремился Сквозь битву с саблею в руках, С безумной яростью в очах. Старик, подъехав, обратился К нему с вопросом. Но казак Уж умирал. Потухший зрак Еще грозил врагу России; Был мрачен помертвелый лик, И имя нежное Марии Чуть лепетал еще язык.

Но близок, близок миг победы. Ура! мы лопим; гнутся шведы. О славный час! о славный вид! Еще напор - и враг бежит. {32} И следом конница пустилась, Убийством тупятся мечи, И падшими вся степь покрылась, Как роем черной саранчи.

Пирует Петр. И горд, и ясен И славы полон взор его. И царской пир его прекрасен. При кликах войска своего, В шатре своем он угощает Своих вождей, вождей чужих, И славных пленников ласкает, И за учителей своих Заздравный кубок подымает.

Но где же первый, званный гость? Где первый, грозный наш учитель, Чью долговременную злость Смирил полтавский победитель? И где ж Мазепа? где злодей? Куда бежал Иуда в страхе? Зачем король не меж гостей? Зачем изменник не на плахе? {33}

Верхом, в глуши степей нагих, Король и гетман мчатся оба. Бегут. Судьба связала их. Опасность близкая и злоба Даруют силу королю. Он рану тяжкую свою Забыл. Поникнув головою, Он скачет, русскими гоним, И слуги верные толпою Чуть могут следовать за ним.

Обозревая зорким взглядом Степей широкой полукруг, С ним старый гетман скачет рядом. Пред ними хутор... Что же вдруг Мазепа будто испугался? Что мимо хутора помчался Он стороной во весь опор? Иль этот запустелый двор, И дом, и сад уединенный, И в поле отпертая дверь Какой-нибудь рассказ забвенный Ему напомнили теперь? Святой невинности губитель! Узнал ли ты сию обитель, Сей дом, веселый прежде дом, Где ты, вином разгоряченный, Семей счастливой окруженный, Шутил, бывало, за столом? Узнал ли ты приют укромный, Где мирный ангел обитал,

И сад, откуда ночью темной Ты вывел в степь... Узнал, узнал!

Ночные тени степь объемлют. На бреге синего Днепра Между скалами чутко дремлют Враги России и Петра. Щадят мечты покой героя, Урон Полтавы он забыл. Но сон Мазепы смутен был. В нем мрачный дух не знал покоя. И вдруг в безмолвии ночном Его зовут. Он пробудился. Глядит: над ним, грозя перстом, Тихонько кто-то наклонился. Он вздрогнул как под топором... Пред ним с развитыми власами, Сверкая впалыми глазами, Вся в рубище, худа, бледна, Стоит, луной освещена... "Иль это сон?.. Мария... ты ли?"

Мария

Ах, тише, тише, друг!.. Сейчас Отец и мать глаза закрыли... Постой... услышать могут нас. Мазепа

Мария, бедная Мария! Опомнись! Боже!.. Что с тобой? Мария

Послушай: хитрости какие! Что за рассказ у них смешной? Она за тайну мне сказала, Что умер бедный мой отец, И мне тихонько показала Седую голову - творец! Куда бежать нам от злоречья? Подумай: эта голова Была

совсем не человечья, А волчья - видишь: како-
ва! Чем обмануть меня хотела! Не стыдно ль
ей меня пугать? И для чего? чтоб я не смела С
тобой сегодня убежать! Возможно ль?

С горестью глубокой Любовьник ей внимал
жестокий. Но, вихрю мыслей предана, "Одна-
ко ж, - говорит она, Я помню поле... праздник
шумный... И чернь ... и мертвые тела... На
праздник мать меня вела... Но где ж ты был?...
С тобою розно Зачем в ночи скитаюсь я? Пой-
дем домой. Скорей... уж поздно. Ах, вижу, го-
лова моя Полна волнения пустого: Я прини-
мала за другого Тебя, старик. Оставь меня.
Твой взор насмешлив и ужасен. Ты безобра-
зен. Он прекрасен: В его глазах блестит лю-
бовь, В его речах такая нега! Его усы белее
снега, А на твоих засохла кровь!.." И с диким
смехом завизжала, И легче серны молодой
Она вспрыгнула, побежала И скрылась в тем-
ноте ночной.

Редела тень. Восток алел. Огонь казачий
пламенел. Пшеницу казаки варили; Драбан-
ты у берегу Днепра Коней расседланных пои-
ли. Проснулся Карл."Ого! пора! Вставай, Мазе-
па. Рассветает." Но гетман уж не спит давно.

Тоска, тоска его снедает; В груди дыханье стеснено. И молча он коня седлает, И скачет с беглым королем, И страшно взор его сверкает, С родным прощаясь рубежом.

Прошло сто лет - и что ж осталось От сильных, гордых сих мужей, Столь полных волею страстей? Их поколение миновалось И с ним исчез кровавый след Усилий, бедствий и побед. В гражданстве северной державы, В ее воинственной судьбе, Лишь ты воздвиг, герой Полтавы, Огромный памятник себе. В стране - где мельниц ряд крылатый Оградой мирной обступил Бендер пустынные раскаты, Где бродят буйволы рогаты Вокруг воинственных могил, Останки разоренной сени, Три углубленные в земле И мхом поросшие ступени Гласят о шведском короле. С них отражал герой безумный, Один в толпе домашних слуг, Турецкой рати приступ шумный, И бросил шпагу под бунчук; И тщетно там пришлец унылый Искал бы гетманской могилы: Забыт Мазепа с давних пор! Лишь в торжествующей святыне Раз в год анафемой доньне, Грозя, гремит о нем собор. Но сохранилася могила, Где двух страдальцев прах почил: Меж древ-

них праведных могил Их мирно церковь приютила. {34} Цветет в Диканьке древний ряд Дубов, друзьями насажденных; Они о праотцах казненных Доныне внукам говорят. Но дочь преступница... преданья Об ней молчат. Ее страданья, Ее судьба, ее конец Непроницаемою тьмою От нас закрыты. Лишь порою Слепой украинский певец, Когда в селе перед народом Он песни гетмана бренчит, О грешной деве мимоходом Казачкам юным говорит.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Василий Леонтьевич Кочубей, генеральный судья, один из предков нынешних графов.

2 Хутор - загородный дом.

3 У Кочубея было несколько дочерей; одна из них была замужем за Обидовским, племянником Мазепы. Та, о которой здесь упоминается, называлась Матреной.

4 Мазепа в самом деле сватал свою крестницу, но ему отказали.

5 Предание приписывает Мазепе несколько песен, доныне сохранившихся в памяти народной. Кочубей в своем доносе также упо-

минает о патриотической думе, будто бы сочиненной Мазепою. Она замечательна не в одном историческом отношении.

6 Бунчук и булава - знаки гетманского достоинства.

7 Смотр. Мазепу Байрона.

8 Дорошенко, один из героев древней Малороссии, непримиримый враг русского владычества.

9 Григорий Самойлович, сын гетмана, сосланного в Сибирь в начале царствования Петра I.

10 Симеон Палей, хвастовский полковник, славный наездник. За своевольные набеги сослан был в Енисейск по жалобам Мазепы. Когда сей последний оказался изменником, то и Палей, как закоренелый враг его, был возвращен из ссылки и находился в Полтавском сражении.

11 Костя Гордеенко, кошевой атаман запорожских казаков. Впоследствии передался Карлу XII. Взят в плен и казнен в 1708 г.

12 20000 казаков было послано в Лифляндию.

13 Мазепа в одном письме упрекает Кочу-

бея в том, что им управляет жена его, гордая и высокоумная.

14 Искра, Полтавский полковник, товарищ Кочубея, разделивший с ним его умысел и участь.

15 Езуит Заленский, княгиня Дульская и какой-то болгарский архиепископ, изгнанный из своего отечества, были главными агентами Мазепиной измены. Последний в виде нищего ходил из Польши в Украину и обратно.

16 Так назывались манифесты гетманов.

17 Филипп Орлик, генеральный писарь, наперсник Мазепы, после смерти (в 1710) сего последнего получил от Карла XII пустой титул малороссийского гетмана. Впоследствии принял магометанскую веру и умер в Бендерах около 1736 года.

18 Булавин, донской казак, бунтовавший около того времени.

19 Тайный секретарь Шафиров и гр. Головкин, друзья и покровители Мазепы; на них, по справедливости, должен лежать ужас суда и казни доносителей.

20 В 1705 году. Смолтр. примечания к Исто-

рии Малороссии, Бантыша-Каменского.

21 Во время неудачного похода в Крым Казы-Гирей предлагал ему соединиться с ним и вместе напасть на русское войско.

22 В своих письмах он жаловался, что доносителей пытали слишком легко, неотступно требовал их казни, сравнивал себя с Сусанною, неповинно оклеветанною беззаконными старцами, а графа Головкина с пророком Даниилом.

23 Деревня Кочубея.

24 Уже осужденный на смерть, Кочубей был пытан в войске гетмана. По ответам несчастного видно, что его допрашивали о сокровищах, им утаенных.

25 Войско, состоявшее на собственном иждивении гетманов.

26 Сильные меры, принятые Петром с обыкновенной его быстротой и энергией, удержали Украину в повиновении.

"1708 ноября 7-го числа, по указу государеву, казаки по обычаю своему вольными головами выбрали в гетманы полковника стародубского Ивана Скоропадского.

8-го числа приехали в Глухов киевский,

черниговский и переяславский архиепископы.

А 9-го дня предали клятве Мазепу оные архиереи публично; того же дня и персону (куклу) одного изменника Мазепы вынесли и, сняв кавалерию (которая на ту персону была наде-та с бантом), оную персону бросили в пала-чевские руки, которую палач, взяв и прицепя за веревку, тащил по улице и по площади да-же до виселицы, и потом повесили.

В Глухове же 10-го дня казнили Чечеля и прочих изменников..." (Журнал Петра Велико-го).

27 Малороссийское слово. По-русски - па-лач.

28 Чечель отчаянно защищал Батурин про-тив войск князя Меншикова.

29 В Дрезден к королю Августу. См.: Voltaire. Histoire de Charles XII.

30 - Ах, ваше величество! бомба! .. - "Что есть общего между бомбою и письмом, кото-рое тебе диктуют? пиши". Это случилось го-раздо после.

31 Ночью Карл, сам осматривая наш ла-герь, наехал на казаков, сидевших у огня. Он

поскакал прямо к ним и одного из них застрелил из собственных рук. Казаки дали по нему три выстрела и жестоко ранили его в ногу.

32 Благодаря прекрасным распоряжениям и действиям князя Меншикова, участь главного сражения была решена заранее. Дело не продолжалось и двух часов. Ибо (сказано в Журнале Петра Великого) непобедимые господа шведы скоро хребет свой показали, и от наших войск вся неприятельская армия весьма опрокинута. Петр впоследствии времени многое прощал Данилычу за услуги, оказанные в сей день генералом князем Меншиковым.

33 L'Empereur Moscovite, penetre d'une joie qu'il ne se mettait pas en peine de dissimuler, (было о чем и радоваться), recevait sur le champ de bataille les prisonniers qu'on lui amenait en foule et demandait a tout moment: ou est donc mon frere Charles?..... . Alors prenant un verre de vin: A la sante, dit-il, de mes maitres dans l'art de la guerre! - Renschild lui demanda: qui etaient ceux qu'il honorait d'un si beau titre. - Vous, Messieurs les generaux Suedois, reprit le Czar. Votre Majeste

est donc bien ingrate, reprit le Comte, d'avoir tant mailtraite ses maitres.

34 Обезглавленные тела Искры и Кочубея были отданы родственникам и похоронены в Киевской лавре; над их гробом высечена следующая надпись:

{Вместо буквы "ять" используется е} "Кто еси мимо грядый о нас неведущий, Елицы зде естесмо положены сущи, Понеже нам страсть и смерть повеле молчати, Сей камень возопіеть о насъ ти вещати, И за правду и верность къ Монарсе нашу Страданія и смерти испіймо чашу, Злуданьемъ Мазепы, всевечно правы, Посеченны зоставше топоромъ во главы; Почиваемъ въ семъ месте Матери Владычне, Подающія всемъ своимъ рабомъ животъ вечный.

Року 1708, месяца іюля 15 дня, посечены средь Обозу войсковаго, за Белою Церковію на Борщаговце и Ковшевомъ, благородный Василій Кочубей, судія генеральный; Іоаннъ Искра, полковникъ полтавскій. Привезены же тела ихъ іюля 17 въ Кіевъ и того жъ дня въ обители святой Печерской на семъ месте погребены".

1828-1829

ТАЗИТ

Не для бесед и ликований, Не для кровавых совещаний, Не для расспросов кунака, Не для разбойничей потехи Так рано съехались адехи На двор Гасуба старика. В нежданной встрече сын Гасуба Рукой завистника убит Вблизи развалин Татартуба. В родимой сакле он лежит. Обряд творится погребальный. Звучит уныло песнь муллы. В арбу впряженные волы Стоят пред саклею печальной. Двор полон тесною толпой. Подъемлют гости скорбный вой И с плачем бьют нагрудны брони, И, внемля шум небоевой, Мянутся спутанные кони. Все ждут. Из сакли наконец Выходит между жен отец. Два узденя за ним выносят На бурке хладный труп. Толпу По сторонам раздаться просят. Слагают тело на арбу И с ним кладут снаряд воинский: Неразряженную пицаль, Колчан и лук, кинжал грузинский И шашки крестовую сталь, Чтобы крепка была могила, Где храбрый ляжет почивать, Чтоб мог на зов он Азраила Исправным воином восстать.

В дорогу шествие готово, И тронулась арба.

За ней Адехи следуют сурово, Смирняя молча
пыл коней... Уж потухал закат огнистый, Зла-
тя нагорные скалы, Когда долины камени-
стой Достигли тихие волны. В долине той
враждою жадной Сражен наездник молодой,
Там ныне тень могилы хладной Воспримет
труп его немой...

Уж труп землю взят. Могила Завалена.
Толпа вокруг Мольбы последние творила. Из-
за горы явились вдруг Старик седой и отрок
стройный. Дают дорогу пришлецу И скорбно-
му старик отцу Так молвил, важный и спо-
койный: "Прошло тому тринадцать лет, Как
ты, в аул чужой пришед, Вручил мне слабого
младенца, Чтоб воспитаньем из него Я сделал
храброго чеченца. Сегодня сына одного Ты
преждевременно хоронишь. Гасуб, покорен
будь судьбе. Другого я привел тебе. Вот он. Ты
голову преклонишь К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь Труды мои ты сам
оценишь, Хвалиться ими не хочу".

Умолкнул. Смотрит торопливо Гасуб на от-
рока. Тазит, Главу потупя молчаливо, Ему
недвижим предстоит. И в горе им Гасуб любя-
сь, Влеченью сердца повинуюсь, Объемлет

ласково его. Потом наставника ласкает, Благодарит и приглашает Под кровлю дома своего. Три дня, три ночи с кунаками Его он хочет угощать И после честно провожать С благословением и дарами. Ему ж, отец печальный мнит, Обязан благом я бесценным: Слугой и другом неизменным, Могучим мстителем обид.

*

Проходят дни. Печаль заснула В душе Гасуба. Но Тазит Все дикость прежнюю хранит. Среди родимого аула Он как чужой; он целый день В горах один; молчит и бродит. Так в сакле кормленный олень Все в лес глядит; все в глушь уходит. Он любит - по крутым скалам Скользить, ползти тропой кремнистой, Внимая буре голосистой И в бездне воющим волнам. Он иногда до поздней ночи Сидит, печален, над горой, Недвижно в даль уставя очи, Опершись на руку главой. Какие мысли в нем проходят? Чего желает он тогда? Из мира дальнего куда Младые сны его уводят?.. Как знать? Незрима глубь сердец. В мечтаньях отрок своеволен, Как ветер в небе...

Но отец Уже Тазитом недоволен. "Где ж, -

мыслит он, - в нем плод наук, Отважность, хитрость и проворство, Лукавый ум и сила рук? В нем только лень и непокорство. Иль сына взор мой не проник, Иль обманул меня старик".

*

Тазит из табуна выводит Коня, любимца своего. Два дни в ауле нет его, На третий он домой приходит.

Отец

Где был ты, сын?

Сын

В ущелье скал, Где прорван каменистый берег, И путь открыт на Дариял.

Отец

Что делал там?

Сын

Я слушал Терек.

Отец

А не видал ли ты грузин Иль русских?

Сын

Видел я, с товаром Тифлисский ехал армянин.

Отец

Он был со стражей?

Сын

Нет, один.

Отец

Зачем нечаянным ударом Не вздумал ты
сразить его И не прыгнул к нему с утеса? По-
тупил очи сын черкеса, Не отвечая ничего.

*

Тазит опять коня седлает, Два дня, две но-
чи пропадает, Потом является домой.

Отец

Где был?

Сын

За белою горой.

Отец

Кого ты встретил?

Сын

На кургане От нас бежавшего раба.

Отец

О милосердая судьба! Где ж он? Ужели на
аркане Ты беглеца не притащил? Тазит опять
главу склонил. Гасуб нахмурился в молчанье,
Но скрыл свое негодование. "Нет, - мыслит
он, - не заменит Он никогда другого брата. Не
научился мой Тазит, Как шашкой добывают
злато. Ни стад моих, ни табунов Не наделят

его разъезды. Он только знает без трудов Внимать волнам, глядеть на звезды, А не в набегах отбивать Коней с ногайскими быками И с боя взятыми рабами Суда в Анапе нагружать".

Тазит опять коня седлает. Два дня, две ночи пропадает. На третий, бледен, как мертвец, Приходит он домой. Отец, Его увидя, вопрошает: "Где был ты?"

СЫН

Около станиц Кубани, близ лесных границ

Отец

Кого ты видел?

СЫН

Супостата.

Отец

Кого? кого?

СЫН

Убийцу брата.

Отец

Убийцу сына моего!.. Приди!.. где голова его? Тазит!.. Мне череп этот нужен. Дай наглажусь!

СЫН

Убийца был Один, изранен, безоружен...

Отец

Ты долга крови не забыл!.. Врага ты навзничь опрокинул, Не правда ли? ты шашку вынул, Ты в горло сталь ему воткнул И трижды тихо повернул, Упился ты его стенаньем, Его змеиным издыханьем... Где ж голова?.. поддай... нет сил... Но сын молчит, потупя очи. И стал Гасуб чернее ночи И сыну грозно возопил: "Поди ты прочь - ты мне не сын, Ты не чеченец - ты старуха, Ты трус, ты раб, ты армянин! Будь проклят мной! поди - чтоб слуха Никто о робком не имел, Чтоб вечно ждал ты грозной встречи, Чтоб мертвый брат тебе на плечи Окровавленной кошкой сел И к бездне гнал тебя нещадно, Чтоб ты, как раненый олень, Бежал, тоскуя безотрадно, Чтоб дети русских деревень Тебя веревкою поймали И как волчонка затерзали, Чтоб ты... Беги... беги скорей, Не оскверняй моих очей!"

Сказал и на земь лег - и очи Закрывл. И так лежал до ночи. Когда же приподнялся он, Уже на синий небосклон Луна, блистая, восходила И скал вершины серебрила. Тазита трижды он позвал, Никто ему не отвечал...

Ущелий горных поселенцы В долине шумно собрались Привычны игры начались. Вёрхами юные чеченцы, В пыли несясь во весь опор, Стрелую шапку пробивают, Иль трижды сложенный ковер Булатом сразу пересекают. То скользкой тешатся борьбой, То пляской быстрой. Жены, девы Меж тем поют - и гул лесной Далече вторит их напевы. Но между юношей один Забав наездничьих не делит, Верхом не мчится вдоль стремнин, Из лука звонкого не целит. И между девами одна Молчит уныла и бледна. Они в толпе четою странной Стоят, не видя ничего. И горе им: он сын изгнанный, Она любовница его...

О, было время!.. с ней украдкой Видался юноша в горах. Он пил огонь отравы сладкой В ее смятенье, в речи краткой, В ее потупленных очах, Когда с домашнего порогу Она смотрела на дорогу, С подружкой резвой говоря И вдруг садилась и бледнела И, отвечая, не глядела И разгоралась, как заря Или у вод когда стояла, Текущих с каменных вершин, И долго кованный кувшин Волною звонкой наполняла. И он, не властный превозмочь Вол-

нений сердца, раз приходит К ее отцу, его отводит И говорит: "Твоя мне дочь Давно мила. По ней тоскуя, Один и сир, давно живу я. Благослови любовь мою. Я беден - но могуч и молод. Мне труд легок. Я удалю От нашей сакли тощий голод. Тебе я буду сын и друг Послушный, преданный и нежный, Твоим сынам кунак надежный, А ей - приверженный супруг".

1829-1830

ДОМИК В КОЛОМНЕ

I

Четырестопный ямб мне надоел: Им пишет всякий. Мальчикам в забаву Пора б его оставить. Я хотел Давным-давно приняться за октаву. А в самом деле: я бы совладел С тройным созвучием. Пущусь на славу! Ведь рифмы запросто со мной живут; Две придут сами, третью приведут.

II

А чтоб им путь открыть широкий, вольный, Глаголы тотчас им я разрешу... Вы знаете, что рифмой наглагольной Гнушаемся мы. Почему? спрошу. Так писывал Шихматов богомольный; По большей части так и я пишу К чему? скажите; уж и так мы голы. Отныне в

рифмы буду брать глаголы.

III

Не стану их надменно браковать, Как рекрутов, добившихся увечья, Иль как коней, за их плохую статью, А подбирать союзы да наречья; Из мелкой сволочи вербую рать. Мне рифмы нужны; все готов сберечь я, Хоть весь словарь; что слог, то и солдат Все годны в строй: у нас ведь не парад.

IV

Ну, женские и мужеские слоги! Благословясь, попробуем: слушай! Равняйтесь, вытягивайте ноги И по три в ряд в октаву заезжай! Не бойтесь, мы не будем слишком строги; Держись вольней и только не плошай, А там уже привыкнем, слава богу, И выедем на ровную дорогу.

V

Как весело стихи свои вести Под цифрами, в порядке, строй за строем, Не позволять им в сторону брести, Как войску, в пух рассыпанному боем! Тут каждый слог замечен и в чести, Тут каждый стих глядит себе героем, А стихотворец... с кем же равен он? Он Тамерлан иль сам Наполеон.

VI

Немного отдохнем на этой точке. Что? перестать или пустить на пе?.. Признаться вам, я в пятистопной строчке Люблю цезуру на второй стопе. Иначе стих то в яме, то на кочке, И хоть лежу теперь на канапе, Все кажется мне, будто в тряском беге По мерзлой пашне мчусь я на телеге.

VII

Что за беда? не все ж гулять пешком По невскому граниту иль на бале Лощить паркет, или скакать верхом В степи киргизской. Поплетусь-ка дале, Со станции на станцию шажком, Как говорят о том оригинале, Который, не кормя, на рысаке Приехал из Москвы к Неве-реке.

VIII

Скажу, рысак! Парнасский иноходец Его не обогнал бы. Но Пегас Стар, зуб уж нет. Им вырытый колодец Иссох. Порос крапивою Парнас; В отставке Феб живет, а хороводец Старушек муз уж не прельщает нас. И табор свой с классических вершинок Перенесли мы на толкучий рынок.

IX

Усядсья, муза: ручки в рукава, Под лавку ножки! не вертись, резвушка! Теперь начнем. - Жила-была вдова, Тому лет восемь, бедная старушка, С одною дочерью. У Покрова Стояла их смиренная лачужка За самой будкой. Вижу как теперь Светелку, три окна, крыльцо и дверь.

X

Дни три тому туда ходил я вместе С одним знакомым перед вечерком. Лачужки этой нет уж там. На месте Ее построен трехэтажный дом. Я вспомнил о старушке, о невесте, Бывало, тут сидевших под окном, О той поре, когда я был моложе, Я думал: живы ли они? - И что же?

XI

Мне стало грустно: на высокий дом Глядел я косо. Если в эту пору Пожар его бы охватил кругом, То моему б озлобленному взору Приятно было пламя. Станным сном Бывает сердце полно; много вздору Приходит нам на ум, когда бредем Одни или с товарищем вдвоем.

XII

Тогда блажен, кто крепко словом правит

И держит мысль на привязи свою, Кто в сердце усыпляет или давит Мгновенно прошипевшую змию; Но кто болтлив, того молва прославит Вмиг извергом... Я воды Леты пью, Мне доктором запрещена унылость: Оставим это, - сделайте мне милость!

XIII

Старушка (я стократ видал точь-в-точь В картинах Рембрандта такие лица) Носила чепчик и очки. Но дочь Была, ей-ей, прекрасная девица: Глаза и брови - темные как ночь, Сама бела, нежна, как голубица; В ней вкус был образованный. Она Читала сочиненья Эмина,

XIV

Играть умела также на гитаре И пела: Стонет сизый голубок, И Выду ль я, и то, что уж постаре, Все, что у печки в зимний вечерок Иль скучной осенью при самоваре, Или весною, обходя лесок, Поет уныло русская девица, Как музы наши грустная певица.

XV

Фигурно иль буквально: всей семьей, От ямщика до первого поэта, Мы все поем уныло. Грустный вой Песнь русская. Известная при-

мета! Начав за здоровье, за упокой Сведем как раз. Печалаю согрета Гармония и наших муз и дев. Но нравится их жалобный напев.

XVI

Параша (так звалась красotka наша) Умела мыть и гладить, шить и плестъ; Всем домом правила одна Параша, Поручено ей было сче-ты вестъ, При ней варилась гречневая каша (Сей важный труд ей помогала несть Стряпуха Фекла, добрая старуха, Давно лишенная чутья и слуха).

XVII

Старушка мать, бывало, под окном Сидела; днем она чулок вязала, А вечером за маленьким столом Раскладывала карты и гадала. Дочь, между тем весь обегала дом, То у окна, то на дворе мелькала, И кто бы ни проехал иль ни шел, Всех успевала видеть (зоркий пол!).

XVIII

Зимою ставни закрывались рано, Но летом доночи растворено Все было в доме. Бледная Диана Глядела долго девушке в окно. (Без этого ни одного романа Не обойдется; так заведено!) Бывало, мать давным-давно храпела, А

дочка - на луну еще смотрела

XIX

И слушала мяуканье котов По чердакам,
свиданий знак нескромный, Да стражи даль-
ний крик, да бой часов И только. Ночь над
мирною Коломною Тиха отменно. Редко из до-
мов Мелькнут две тени. Сердце девы томной
Ей слышать было можно, как оно В упругое
толкалось полотно.

XX

По воскресеньям, летом и зимою, Вдова хо-
дила с нею к Покрову И становилась перед
толпою У крылоса налево. Я живу Теперь не
там, но верною мечтою Люблю летать, за-
снувши наяву, В Коломну, к Покрову - и в вос-
кресенье Там слушать русское богослуженье.

XXI

Туда, я помню, ездила всегда Графиня...
(звали как, не помню, право) Она была богата,
молода; Входила в церковь с шумом, велича-
во; Молилась гордо (где была горда!). Бывало,
грешен! все гляжу направо, Все на нее. Пара-
ша перед ней Казалась, бедная, еще бедней.

XXII

Порой графиня на нее небрежно Бросала

важный взор свой. Но она Молилась богу тихо и прилежно И не казалась им развлечена. Смиренье в ней изображалось нежно; Графиня же была погружена В самой себе, в волшебстве моды новой, В своей красе надменной и суровой.

XXIII

Она казалась хладный идеал Тщеславия. Его б вы в ней узнали; Но сквозь надменность эту я читал Иную повесть: долгие печали, Смиренье жалоб... В них-то я вникал, Невольный взор они-то привлекали... Но это знать графиня не могла И, верно, в список жертв меня внесла.

XXIV

Она страдала, хоть была прекрасна И молода, хоть жизнь ее текла В роскошной неге; хоть была подвластна Фортуна ей; хоть мода ей несла Свой фимиам, - она была несчастна. Блаженнее стократ ее была, Читатель, новая знакомка ваша, Простая, добрая моя Параша.

XXV

Коса змией на гребне роговом, Из-за ушей змиею кудри русы, Косыночка крест-накрест иль узлом, На тонкой шее восковые бусы На-

ряд простой; но пред ее окном Все ж ездили гвардейцы черноусы, И девушка прельщать умела их Без помощи нарядов дорогих.

XXVI

Меж ими кто ее был сердцу ближе, Или равно для всех она была Душою холодна? увидим ниже. Покаместь мирно жизнь она вела, Не думая о балах, о Париже, Ни о дворе (хоть при дворе жила Ее сестра двоюродная, Вера Ивановна, супруга гоф-фурьера).

XXVII

Но горе вдруг их посетило дом: Стряпуха, возвратясь из бани жаркой, Слегла. Напрасно чаем и вином, И уксусом, и мятною припаркой Ее лечили. В ночь пред рождеством Она скончалась. С бедною кухаркой Они простились. В тот же день пришли За ней и гроб на Охту отвезли.

XXVIII

Об ней жалели в доме, всех же боле Кот Васька. После вдовушка моя Подумала, что два, три дня - не доле Жить можно без кухарки; что нельзя Предать свою трапезу божьей воле. Старушка кличет дочь: "Параша!" - Я! "Где взять кухарку? сведай у соседки, Не знает

ли. Дешевые так редки".

XXIX

- Узнаю, маменька. - И вышла вон, Закутавшись. (Зима стояла грозно, И снег скрипел, и синий небосклон, Безоблачен, в звездах, сиял морозно.) Вдова ждала Парашу долго; сон Ее клонил тихонько; было поздно, Когда Параша тихо к ней вошла, Сказав: - Вот я кухарку привела.

XXX

За нею следом, робко выступая, Короткой юбочкой принарядясь, Высокая, собою недурная, Шла девушка и, низко поклонясь, Прижалась в угол, фартук разбирая. "А что возьмешь?" - спросила, обратясь, Старуха. - Все, что будет вам угодно, Сказала та смиренно и свободно.

XXXI

Вдове понравился ее ответ. "А как зовут?" - А Маврой. - "Ну, Мавруша, Живи у нас; ты молода, мой свет; Гоняй мужчин. Покойница Феклуша Служила мне в кухарках десять лет, Ни разу долга чести не наруша. Ходи за мной, за дочерью моей, Усердна будь; присчитывать не смей".

XXXII

Проходит день, другой. В кухарке толку Довольно мало: то переварит, То пережарит, то с посудой полку Уронит; вечно все пересолит. Шить сядет - не умеет взять иголку; Ее бранят - она себе молчит; Везде, во всем уж как-нибудь подгадит. Параша бьется, а никак не сладит.

XXXIII

Поутру, в воскресенье, мать и дочь Пошли к обедне. Дома лишь осталась Мавруша; видите ль: у ней всю ночь Болели зубы; чуть жива таскалась; Корицы нужно было натолочь, Пирожное испечь она сбиралась. Ее оставили; но в церкви вдруг На старую вдову нашел испуг.

XXXIV

Она подумала; "В Мавруше ловкой Зачем к пирожному припала страсть? Пирожница, ей-ей, глядит плутовкой! Не вздумала ль она нас обокрасть Да улизнуть? Вот будем мы с обновкой Для праздника! Ахти, какая страсть!" Так думая, старушка обмирала И наконец, не вытерпев, сказала:

XXXV

"Стой тут, Параша. Я схожу домой; Мне что-то страшно". Дочь не разумела, Чего ей страшно. С паперти долой Чуть-чуть моя старушка не слетела; В ней сердце билось, как перед бедой. Пришла в лачужку, в кухню посмотрела, Мавруши нет. Вдова к себе в покой Вошла - и что ж? о боже! страх какой!

XXXVI

Пред зеркальцем Параша, чинно сидя, Кухарка брилась. Что с моей вдовой? "Ах, ах!" - и шлепнулась. Ее увидя, Та, второпях, с намыленной щекой Через старуху (вдовью честь обидя), Прыгнула в сени, прямо на крыльцо, Да ну бежать, закрыв себе лицо.

XXXVII

Обедня кончилась; пришла Параша. "Что, маменька?" - Ах, Пашенька моя! Маврушка... "Что, что с ней?" - Кухарка наша... Опомниться досель не в силах я... За зеркальцем... вся в мыле... - "Воля ваша, Мне, право, ничего понять нельзя; Да где ж Мавруша?" - Ах, она разбойник! Она здесь брилась!.. точно мой покойник!

XXXVIII

Параша покраснелась или нет, Сказать вам

не умею; но Маврушки С тех пор как не было, - простыл и след! Ушла, не взяв в уплату ни полушки И не успев наделать важных бед. У красной девушки и у старушки Кто заступил Маврушу? признаюсь, Не ведаю и кончить тороплюсь.

XXXIX

- Как, разве все тут? шутите! - "Ей-богу". - Так вот куда октавы нас вели! К чему ж такую подняли тревогу, Скликали рать и с похвальбою шли? Завидную ж вы избрали дорогу! Ужель иных предметов не нашли? Да нет ли хоть у вас нравоученья? "Нет... или есть: минуточку терпенья..."

XL

Вот вам мораль: по мненью моему, Кухарку даром нанимать опасно; Кто ж родился мужчиною, тому Рядиться в юбку странно и напрасно: Когда-нибудь придется же ему Брить бороду себе, что несогласно С природой дамской... Больше ничего Не выжмешь из рассказа моего".

АНДЖЕЛО

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

В одном из городов Италии счастливой Когда-то властвовал предобрый, старый Дук, Народа своего отец чадолюбивый, Друг мира, истины, художеств и наук. Но власть верховная не терпит слабых рук, А доброте своей он слишком предавался. Народ любил его и все не боялся. В суде его дремал карающий закон, Как дряхлый зверь уже к ловитве неспособный. Дук это чувствовал в душе своей незлобной И часто сетовал. Сам ясно видел он, Что хуже дедушек с дня на день были внуки, Что грудь кормилицы ребенок уж кусал, Что правосудие сидело сложа руки И по носу его ленивый не щелкал.

II

Нередко добрый Дук, раскаяньем смущенный, Хотел восстановить порядок упущенный; Но как? Зло явное, терпимое давно, Молчанием суда уже дозволено, И вдруг его казнить совсем несправедливо И странно было бы - тому же особливо, Кто первый сам его потворством ободрял. Что делать? долго Дук терпел и размышлял; Размыслив наконец, решился он на время Предать иным рукам верховной власти бремя, Чтоб новый властелин

расправой новой мог Порядок вдруг завести и был бы крут и строг.

III

Был некто Анджело, муж опытный, не новый В искусстве властвовать, обычаем суровый, Бледнеющий в трудах, ученье и посте, За нравы строгие прославленный везде, Стеснивший весь себя оградой законной, С нахмуренным лицом и с волей непреклонной; Его то старый Дук наместником нарек, И в ужас ополчил и милостью облек, Неограниченны права ему вручая. А сам, докучного вниманья избегая, С народом не простясь, incognito, один Пустился странствовать, как древний паладин.

IV

Лишь только Анджело вступил во управление, И все тотчас другим порядком потекло, Пружины ржавые опять пришли в движенье, Законы поднялись, хватая в когти зло, На полных площадях, безмолвных от боязни, По пятницам пошли разыгрываться казни, И ухо стал себе почесывать народ И говорить: "Эхе! да этот уж не тот".

V

Между законами забытыми в ту пору Жестокий был один: закон сей изрекал Прелюбодю смерть. Такого приговору В том городе никто не помнил, не слышал. Угрюмый Анджело в громаде уложенья Отрыл его - и в страх повесам городским Опять его на свет пустил для исполненья, Сурово говоря помощникам своим: "Пора нам зло пугнуть. В балованном народе Преобратилися привычки уж в права И шмыгают кругом закона на свободе, Как мыши около зевающего льва. Закон не должен быть пужало из тряпицы, На коем наконец уже садятся птицы".

VI

Так Анджело на всех навел невольной дрожью, Роптали вообще, смеялась молодежь И в шутках строгого вельможи не щадила, Между тем как ветрено над бездною скользила, И первый под топор беспечной головой Попался Клавдио, патриций молодой. В надежде всю беду со временем исправить И не любовницу, супругу в свет представить, Джульету нежную успел он обольстить И к тайнствам любви безбрачной преклонить. Но их последствия к несчастью явны стали; Младых лю-

бовников свидетели застали, Ославили в суде взаимный их позор, И юноше прочли законный приговор.

VII

Несчастный, выслушав жестокое решение, С поникшей головой обратно шел в тюрьму, Невольно каждому внушая сожаленье И горько сетуя. На встречу вдруг ему Попался Луцио, гуляка беззаботный, Повеса, вздорный враль, но малый доброхотный. "Друг, - молвил Клавдио, - молю! не откажи: Сходи ты в монастырь к сестре моей. Скажи, Что должен я на смерть идти; чтоб поспешила Она спасти меня, друзей бы упросила, Иль даже бы пошла к наместнику сама. В ней много, Луцио, искусства и ума, Бог дал ее речам уверчивость и сладость, К тому ж и без речей рыдающая младость Мягчит сердца людей". - "Изволь! поговорю", Гуляка отвечал, и сам к монастырю Тотчас отправился.

VIII

Младая Изабела В то время с важною монахиней сидела. Постричься через день она должна была И разговор о том со старицей вела. Вдруг Луцио звонит и входит. У решетки

Его приветствует, перебирая четки, Полуза-
творница: "Кого угодно вам?" - Девица (и судя
по розовым щекам, Уверен я, что вы девица в
самом деле), Не лъзя ли доложить прекрасной
Изабеле, Что к ней меня прислал ее несчаст-
ный брат? "Несчастный?.. почему? что с ним?
скажите смело: Я Клавдио сестра". - Нет, пра-
во? очень рад. Он кланяется вам сердечно.
Вот в чем дело: Ваш брат в тюрьме. - "За
что?" - За то, за что бы я Благодарил его, кра-
савица моя, И не было б ему иного наказанья.
(Тут он в подробные пустился описанья,
Немного жесткие своею наготовой Для дев-
ственных ушей отшельницы младой, Но со
вниманием все выслушала дева Без притор-
ных причуд стыдливости и гнева. Она чиста
была душою как эфир. Ее смутить не мог
неведомый ей мир Своею суетой и праздны-
ми речами.) - Теперь, - примолвил он, - оста-
лось лишь мольбами Вам тронуть Анджело, и
вот о чем просил Вас братец. - "Боже мой, - де-
вица отвечала, Когда б от слов моих я пользы
ожидала!.. Но сомневаюсь; во мне не станет
сил..." - Сомненья нам враги, - тот с жаром воз-
разил, Нас неудачею предатели страшат И

благо верное достать не допускают. Ступайте к Анджело, и знайте от меня, Что если девица, колена преклоня Перед мужчиною, и просит и рыдает, Как бог он все дает, чего ни пожелает.

IX

Девица, отпросясь у матери честной, С усердным Луцио к вельможе поспешила И, на колена встав, смиренною мольбой За брата своего наместника молила. "Девица, - отвечал суровый человек, Спасти его нельзя; твой брат свой отжил век; Он должен умереть". Заплавав, Изабела Склонилась перед ним и прочь идти хотела, Но добрый Луцио девицу удержал. "Не отступайтесь так, - он тихо ей сказал, Просите вновь его; бросайтесь на колени, Хватайтесь за плащ, рыдайте; слезы, пени, Все средства женского искусства вы должны Теперь употребить. Вы слишком холодны, Как будто речь идет меж вами про иголку. Конечно, если так, не будет, верно, толку. Не отставайте же! еще!"

X

Она опять Усердною мольбой стыдливо умолять Жестокосердого блюстителя закона.

"Поверь мне, - говорит, - ни царская корона,
Ни меч наместника, ни бархат судии, Ни пол-
ководца жезл - все почести сии Земных вла-
стителей ничто не украшает, Как милосер-
дие. Оно их возвышает. Когда б во власть
твою мой брат был облечен, А ты был Клав-
дио, ты мог бы пасть как он, Но брат бы не
был строг, как ты".

XI

Ее укором Смущен был Анджелло. Сверкая
мрачным взором, "Оставь меня, прошу", - ска-
зал он тихо ей. Но дева скромная и жарче и
смелей Была час от часу. "Подумай, - говори-
ла, Подумай, если тот, чья праведная сила
Прощает и целит, судил бы грешных нас Без
милосердия; скажи: что было б с нами? Поду-
май - и любви услышишь в сердце глас, И ми-
лость нежная твоими дхнет устами, И новый
человек ты будешь".

XII

Он в ответ: "Поди; твои мольбы пустая
слов утрата. Не я, закон казнит. Спасти нельзя
мне брата, И завтра он умрет".

Изабела

Как завтра! что? нет, нет. Он не готов еще,

казнить его не можно... Ужели господу пошлем неосторожно Мы жертву наскоро. Мы даже и цыплят Не бьем до времени. Так скоро не казнят. Спаси, спаси его: подумай в самом деле, Ты знаешь, государь, несчастный осужден За преступление, которое доселе Прощалось каждому; постраждет первый он.

Анджело

Закон не умирал, но был лишь в усыпленье, Теперь проснулся он.

Изабела

Будь милостив!

Анджело

Нельзя. Потворствовать греху есть то же преступленье, Карая одного, спасаю многих я.

Изабела

Ты ль первый изречешь сей приговор ужасный? И первой жертвою мой будет брат несчастный. Нет, нет! будь милостив. Ужель душа твоя Совсем безвинная? спросись у ней: ужели И мысли грешные в ней отроду не тле-ли?

XIII

Невольно он вздрогнул, поникнул головой И прочь идти хотел. Она: "Постой, постой! По-

слушай, воротись. Великими дарами Я задарю тебя... прими мои дары, Они не суетны, но честны и добры, И будешь ими ты делиться с небесами: Я одарю тебя молитвами души Пред утренней зарей, в полунощной тиши, Молитвами любви, смирения и мира, Молитвами святых, угодных небу дев, В уединении умерших уж для мира, Живых для господа".

Смущен и присмирив, Он ей свидание на завтра назначает И в отдаленные покои поспешает.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

День целый Анджело, безмолвный и угрюмый, Сидел, уединясь, объят одною думой, Одним желанием; всю ночь не тронул сон Усталых вежд его. "Что ж это? - мыслит он, Ужель ее люблю, когда хочу так сильно Услышать вновь ее и взор мой усладить Девичьей прелестью? По ней грустит умильно Душа... или когда святого уловить Захочет бес, тогда приманкою святою И манит он на крюк? Нескромной красотою Я не был отроду к соблазнам увлечен, И чистой девою теперь я побежден. Влюбленный человек доселе мне ка-

зался Смешным, и я его безумству удивлялся.
А ныне!.."

II

Размышлять, молиться хочет он, Но мыслит, молится рассеянно. Словами Он небу говорит, а волей и мечтами Стремится к ней одной. В унынье погружен, Устами праздными жевал он имя бога, А в сердце грех кипел. Душевная тревога Его осилила. Правленье для него, Как дельная, давно затверженная книга, Несносным сделалось. Скучал он; как от ига, Отречься был готов от сана своего; А важность мудрую, которой столь гордился, Которой весь народ бессмысленно дивился, Ценил он ни во что и сравнивал с пером, Носимым в воздухе летучим ветерком...

.....

По утру к Анджело явилась Изабела И странный разговор с наместником имела.

III

Анджело

Что скажешь?

Изабела

Волю я твою пришла узнать.

Анджело

Ах, если бы ее могла ты угадать!.. Твой брат не должен жить... а мог бы.

Изабела

Почему же Простить нельзя его?

Анджело

Простить? что в мире хуже Столь гнусного греха? убийство легче.

Изабела

Да, Так судят в небесах, но на земле когда?

Анджело

Ты думаешь? так вот тебе предположение: Что если б отдали тебе на разрешение Оставить брата влечь ко плахе на убой, Иль испу-пить его, пожертвовав собой И плоть предав греху?

Изабела

Скорее, чем душою, Я плотью жертвовать готова.

Анджело

Я с тобою Теперь не о душе толкую... дело в том: Брат осужден на казнь; его спасти грехом Не милосердие ль?

Изабела

Пред богом я готова Душою отвечать: греха в том никакого, Поверь, и нет. Спаси ты брата

моего! Тут милость, а не грех.

Анджело

Спасешь ли ты его, Коль милость на весах равно с грехом потянет?

Изабела

О пусть моим грехом спасенье брата станет! (Коль только это грех.) О том готова я Молиться день и ночь.

Анджело

Нет, выслушай меня, Или ты слов моих совсем не понимаешь, Или понять меня нарочно избегаешь, Я проще изъяснюсь: твой брат приговорен.

Изабела

Так.

Анджело

Смерть изрек ему решительно закон.

Изабела

Так точно.

Анджело

Средство есть одно к его спасенью. (Все это клонится к тому предположенью, И только есть вопрос и больше ничего.) Положим: тот, кто б мог один спасти его (Наперсник судии, иль сам по сану властный Законы толковать,

мягчить их смысл ужасный), К тебе желаньем
был преступным воспален И требовал, чтоб
ты казнь брата искупила Своим падением; не
то - решит закон. Что скажешь? как бы ты в
уме своем решила?

Изабела

Для брата, для себя решилась бы скорей,
Поверь, как яхонты носить рубцы бичей И
лечь в кровавый гроб спокойно, как на ложе,
Чем осквернить себя.

Анджело

Твой брат умрет.

Изабела

Так что же? Он лучший путь себе, конечно,
изберет. Бесчестием сестры души он не спа-
сет. Брат лучше раз умри, чем гибнуть мне
навечно.

Анджело

За что ж казалось тебе бесчеловечно Реше-
ние суда? Ты обвиняла нас В жестокосердии.
Давно ль еще? Сейчас Ты праведный закон
тираном называла, А братний грех едва ль не
шуткой почитала.

Изабела

Прости, прости меня. Невольно я душой

Тогда лукавила. Увы! себе самой Противуречила я, милое спасая И ненавистное притворно извиняя. Мы слабы.

Анджело

Я твоим признаньем ободрен. Так женщина слаба, я в этом убежден И говорю тебе: будь женщина, не боле Иль будешь ничего. Так покорися воле Судьбы своей.

Изабела

Тебя я не могу понять.

Анджело

Поймешь: люблю тебя.

Изабела

Увы! что мне сказать? Джюльету брат любил, и он умрет, несчастный.

Анджело

Люби меня, и жив он будет.

Изабела

Знаю: властный Испытывать других, ты хочешь...

Анджело

Нет, клянусь, От слова моего теперь не отпрусь; Клянуся честью.

Изабела

О много, много чести! И дело честное!.. Об-

манщик! Демон лести! Сей час мне Клавдио свободу подпиши, Или поступок твой и черноту души Я всюду разглашу - и полно лицемерить Тебе перед людьми.

Анджело

И кто же станет верить? По строгости моей известен свету я; Молва всеобщая, мой сан, вся жизнь моя И самый приговор над братней головою Представят твой донос безумной клеветою. Теперь я волю дал стремлению страстей. Подумай и смиришь пред волею моей; Брось эти глупости: и слезы, и моления, И краску робкую. От смерти, от мученья Тем брата не спасешь. Покорностью одной Искупить ты его от плахи роковой. До завтра от тебя я стану ждать ответа. И знай, что твоего я не боюсь извета. Что хочешь говори, не пошатнуся я. Всю истину твою низвергнет ложь моя.

IV

Сказал и вышел вон, невинную девицу Оставляя в ужасе. Поднявши к небесам Молящий, ясный взор и чистую десницу, От мерзостных палат спешит она в темницу. Дверь отворилась ей; и брат ее глазам Представил-

ся.

V

В цепях, в унынии глубоком, О светских радостях стараясь не жалеть, Еще надеясь жить, готовясь умереть, Безмолвен он сидел, и с ним в плаще широком Под черным куколом с распятием в руках Согбенный старостью беседовал монах. Старик доказывал страдальцу молодому, Что смерть и бытие равны одна другому, Что здесь и там одна бессмертная душа И что подлунный мир не стоит ни гроша. С ним бедный Клавдио печально соглашался, А в сердце милою Джульетой занимался. Отшельница вошла: "Мир вам!" - очнулся он И смотрит на сестру, мгновенно оживлен. "Отец мой, - говорит монаху Изабела, Я с братом говорить одна бы здесь хотела". Монах оставил их.

VI

Клавдио

Что ж, милая сестра, Что скажешь?

Изабела

Милый брат, пришла тебе пора.

Клавдио

Так нет спасенья?

Изабела

Нет, иль разве поплатиться Душой за голову?

Клавдио

Так средство есть одно?

Изабела

Так, есть. Ты мог бы жить. Судья готов смягчиться. В нем милосердие бесовское: оно Тебе дарует жизнь за узы муки вечной.

Клавдио

Что? вечная тюрьма?

Изабела

Тюрьма - хоть без оград, Без цепи.

Клавдио

Изъяснись, что ж это?

Изабела

Друг сердечный, Брат милый! Я боюсь ...
Послушай, милый брат, Семь, восемь лишних лет ужель тебе дороже Всегдашней чести? Брат, боишься ль умереть? Что чувство смерти? миг. И много ли терпеть? Раздавленный червяк при смерти терпит то же, Что терпит великан.

Клавдио

Сестра! или я трус? Или идти на смерть во

мне не станет силы? Поверь, без трепета от
мира отрешусь, Коль должен умереть; и
встречу ночь могилы, Как деву милую.

Изабела

Вот брат мой! узнаю; Из гроба слышу я от-
цовский голос. Точно: Ты должен умереть;
умри же беспорочно. Послушай, ничего тебе
не утаю: Тот грозный судия, святоша тот же-
стокий, Чьи взоры строгие во всех родят бо-
язнь, Чья избранная речь шлет отроков на
казнь, Сам демон; сердце в нем черно, как ад
глубокий, И полно мерзостью.

Клавдио

Наместник?

Изабела

Ад облек Его в свою броню. Лукавый чело-
век!.. Знай: если б я его бесстыдное желанье
Решилась утолить, тогда бы мог ты жить.

Клавдио

О нет, не надобно.

Изабела

На гнусное свиданье, Сказал он, нынче в
ночь должна я поспешить, Иль завтра ты
умрешь.

Клавдио

Нейди, сестра.

Изабела

Брат милый! Бог видит: ежели одной моей
могилой Могла бы я тебя от казни искупить,
Не стала б более иголки дорожить Я жизнью
моей.

Клавдио

Благодарю, друг милый!

Изабела

Так завтра, Клавдио, ты к смерти будь го-
тов.

Клавдио

Да, так... и страсти в нем кипят с такою си-
лой! Иль в этом нет греха; иль из семи грехов
Грех это меньший?

Изабела

Как?

Клавдио

Такого прегрешенья Там, верно, не казнят.
Для одного мгновенья Ужель себя сгубить ре-
шился б он навек? Нет, я не думаю. Он умный
человек. Ах, Изабела!

Изабела

Что? что скажешь?

Клавдио

Смерть ужасна!

Изабела

И стыд ужасен.

Клавдио

Так - однако ж... умереть, Идти неведомо куда, во гробе тлеть В холодной тесноте... Увы! земля прекрасна И жизнь мила. А тут: войти в немую мглу, Стремглав низвергнуться в кипящую смолу, Или во льду застыть, или с ветром быстротечным Носиться в пустоте пространством бесконечным... И все, что грезится отчаянной мечте... Нет, нет: земная жизнь в болезни, в нищете, В печалях, в старости, в неволе... будет раем В сравненье с тем, чего за гробом ожидаем. Изабела

О боже!

Клавдио

Друг ты мой! Сестра! позволь мне жить. Уж если будет грех спасти от смерти брата, Природа извинит.

Изабела

Что смеешь говорить? Трус! тварь бездушная! от сестрина разврата Себе ты жизни ждешь!.. Кровосмеситель! нет, Я думать не могу, нельзя, чтоб жизнь и свет Моим отцом

тебе даны. Прости мне, боже! Нет, осквернила мать отеческое ложе, Коль понесла тебя! Умри. Когда бы я Спасти тебя могла лишь волею моею, То все-таки б теперь свершилась казнь твоя. Я тысячу молитв за смерть твою имею, За жизнь - уж ни одной...

Клавдио

Сестра, стой, стой! Сестра, прости меня! VII

И узник молодой Удерживал ее за платье. Изабела От гнева своего насилу охладела, И брата бедного простила, и опять, Лаская, начала страдальца утешать.

ЧАСТЬ ТРЕТИЯ

I

Монах стоял меж тем за дверью отпертою И слышал разговор меж братом и сестрою. Пора мне вам сказать, что старый сей монах Не что иное был, как Дук переодетый. Пока народ считал его в чужих краях И сравнивал, шутя, с бродящею кометой, Скрывался он в толпе, все видел, наблюдал И соглядатаем незримым посещал Палаты, площади, монастыри, больницы, Развратные дома, театры и темницы. Воображение живое Дук имел; Ро-

маны он любил, и может быть, хотел Халифу подражать Гаруну Аль-Рашиду. Младой отшельницы подслушав весь рассказ, В растроганном уме решил он тот же час Не только наказать жестокость и обиду, Но сладить кое-что... Он тихо в дверь вошел, Девицу отозвал и в уголок отвел. "Я слышал все, - сказал, - ты похвалы достойна, Свой долг исполнила ты свято; но теперь Предайся ж ты моим советам. Будь покойна, Все к лучшему придет; послушна будь и верь". Тут он ей объяснил свое предположение И дал прощальное свое благовещенье.

II

Друзья! поверите ль, чтоб мрачное чело, Угрюмой, злой души печальное зеркало, Желанья женские навеки привязало И нежной красоте понравиться могло? Не чудно ли? Но так. Сей Анджело надменный, Сей злобный человек, сей грешник - был любим Душою нежною, печальной и смиренной, Душой, отверженной мучителем своим. Он был давно женат. Летунья легкокрыла, Младой его жены молва не пощадила, Без доказательства насмешливо коря; И он ее прогнал, надменно

говоря: "Пускай себе молвы неправо обвиненье, Нет нужды. Не должно коснуться подзренье К супруге кесаря". С тех пор она жила Одна в предместьи, печально изнывая. Об ней-то вспомнил Дук, и дева молодая По наставлению монаха к ней пошла.

III

Марьяна под окном за пряжею сидела И тихо плакала. Как ангел, Изабела Пред ней нечаянно явилась у дверей. Отшельница была давно знакома с ней И часто утешать несчастную ходила. Монаха мысль она ей тотчас объяснила. Марьяна, только лишь настанет ночи мгла, К палатам Анджелло идти должна была, В саду с ним встретиться под каменной оградой И, наградив его условленной наградой, Чуть внятным шепотом, прощаяся, шепнуть Лишь только то: теперь о брате не забудь. Марьяна бедная сквозь слезы улыбалась, Готовилась дрожа - и дева с ней рассталась.

IV

Всю ночь в темнице Дук последствий ожидал И, сидя с Клавдио, страдальца утешал. Пред светом снова к ним явилась Изабела. Все

шло как надобно: сейчас у ней сидела Марьяна бледная, с успехом возвратясь И мужа обманув. Денница занялась Вдруг запечатанный приказ приносит вестник Начальнику тюрьмы. Читают: что ж? Наместник Немедля узника приказывал казнить И голову его в палаты предъявить.

V

Замыслив новую затею, Дук представил Начальнику тюрьмы свой перстень и печать И казнь остановил, а к Анджело отправил Другую голову, велев обрить и снять Ее с широких плеч разбойника морского, Горячкой в ту же ночь умершего в тюрьме, А сам отправился, дабы вельможу злого, Столь гнусные дела творящего во тьме, Пред светом обличить.

VI

Едва молва невнятно О казни Клавдио успела пробежать, Пришла другая весть. Узнали, что обратно Ко граду едет Дук. Народ его встречать Толпами кинулся. И Анджело смущенный, Грызomый совестью, предчувствием стесненный, Туда же поспешил. Улыбкой добрый Дук Приветствует народ, тесня-

щийся вокруг, И дружно к Анджели протягивает руку. И вдруг раздался крик - и прямо в ноги Дуку Девица падает. "Помилуй, государь! Ты щит невинности, ты милости алтарь, Помилуй!.." - Анджело бледнеет и трепещет И взоры дикие на Изабелу мечет... Но победил себя. Оправиться успев, "Она помешана, - сказал он, - видев брата, Приговоренного на смерть. Сия утрата В ней разум потрясла..."

Но обнаружив гнев И долго скрытое в душе негодование, "Все знаю, - молвил Дук; - все знаю! наконец Злодейство на земле получит воздаянье. Девица, Анджело! за мною, во дворец!"

VII

У трона во дворце стояла Мариана И бедный Клавдио. Злодей, увидев их, Затрепетал, челом поникнул и утих; Все объяснилось, и правда из тумана Возникла; Дук тогда: "Что, Анджело, скажи, Чего достоин ты?" Без слез и без боязни, С угрюмой твердостью тот отвечает: "Казни. И об одном молю: скорее прикажи Вести меня на смерть".

"Иди, - сказал властитель, Да гибнет судия - торгош и обольститель". Но бедная жена, к

ногам его упав, "Помилуй, - молвила, - ты, мужа мне отдав, Не отымай опять; не смейся надо мною". - Не я, но Анджело смеялся над тобою, Ей Дук ответствен, - но о твоей судьбе Сам буду я пещись. Останутся тебе Его сокровища, и будешь ты награда Супругу лучшему. - "Мне лучшего не надо. Помилуй, государь! не будь неумолим, Твоя рука меня соединила с ним! Ужели для того так долго я вдовела? Он человечеству свою принес лишь дань. Сестра! спаси меня! друг милый, Изабела! Проси ты за него, хоть на колени стань, Хоть руки подыми ты молча!"

Изабела

Душой о грешнике, как ангел, пожалела И, пред властителем колена преклоня, "Помилуй, государь, - сказала. - За меня Не осуждай его. Он (сколько мне известно, И как я думаю) жил праведно и честно, Покаместь на меня очей не устремил. Прости же ты его!"

И Дук его простил

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПОВЕСТЬ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Происшествие, описанное в сей повести,

основано на истине. Подробности наводнения заимствованы из тогдашних журналов. Любопытные могут справиться с известием, составленным В. Н. Берхом.

ВСТУПЛЕНИЕ

На берегу пустынных волн Стоял он, дум великих полн, И вдаль глядел. Пред ним широко Река неслася; бедный челн По ней стремился одиноко. По мшистым, топким берегам Чернели избы здесь и там, Приют убогого чухонца; И лес, неведомый лучам В тумане спрятанного солнца, Кругом шумел.

И думал он: Отсель грозить мы будем шведу, Здесь будет город заложен На зло надменному соседу. Природой здесь нам суждено В Европу прорубить окно, {1} Ногою твердой стать при море. Сюда по новым им волнам Все флаги в гости будут к нам, И запируем на просторе.

Прошло сто лет, и юный град, Полнощных стран краса и диво, Из тьмы лесов, из топи блат Вознесся пышно, горделиво; Где прежде финский рыболов, Печальный пасынок природы, Один у низких берегов Бросал в неведомые воды Свой ветхой невод, ныне там По

оживленным берегам Громады стройные тес-
нятся Дворцов и башен; корабли Толпой со
всех концов земли К богатым пристаням
стремятся; В гранит оделася Нева; Мосты по-
висли над водами; Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова, И перед младшею сто-
лицей Померкла старая Москва, Как перед но-
вою царицей Порфиноносная вдова.

Люблю тебя, Петра творенье, Люблю твой
строгий, стройный вид, Невы державное тече-
нье, Береговой ее гранит, Твоих оград узор чу-
гунный, Твоих задумчивых ночей Прозрач-
ный сумрак, блеск безлунный, Когда я в ком-
нате моей Пишу, читаю без лампы, И ясны
спящие громады Пустынных улиц, и светла
Адмиралтейская игла, И, не пуская тьму ноч-
ную На золотые небеса, Одна заря сменить
другую Спешит, дав ночи полчаса {2}. Люблю
зимы твоей жестокой Недвижный воздух и
мороз, Бег санок вдоль Невы широкой, Деви-
чьи лица ярче роз, И блеск, и шум, и говор ба-
лов, А в час пирушки холостой Шипенье пе-
нистых бокалов И пунша пламень голубой.
Люблю воинственную живость Потешных
Марсовых полей, Пехотных ратей и коней Од-

нообразную красоту, В их стройно зыбле-
мом строю Лоскутья сих знамен победных,
Сиянье шапок этих медных, На сквозь про-
стреленных в бою. Люблю, военная столица,
Твоей твердыни дым и гром, Когда полнощ-
ная царица Дарует сына в царской дом, Или
победу над врагом Россия снова торжествует,
Или, взломав свой синий лед, Нева к морям
его несет И, чужа вешни дни, ликует.

Красуйся, град Петров, и стой Неколебимо
как Россия, Да умирится же с тобой И побеж-
денная стихия; Вражду и плен старинный
свой Пусть волны финские забудут И тщет-
ной злобою не будут Тревожить вечный сон
Петра!

Была ужасная пора, Об ней свежо воспоми-
нанье... Об ней, друзья мои, для вас Начну
свое повествованье. Печален будет мой рас-
сказ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Над омраченным Петрогра-
дом Дышал ноябрь осенним хладом. Плеская
шумною волной В края своей ограды строй-
ной, Нева металась, как больной В своей по-
стеле беспокойной. Уж было поздно и темно;
Сердито бился дождь в окно, И ветер дул, пе-

чально воя. В то время из гостей домой Пришел Евгений молодой... Мы будем нашего героя Звать этим именем. Оно Звучит приятно; с ним давно Мое перо к тому же дружно. Прозванья нам его не нужно, Хотя в минувши времена Оно, быть может, и блистало И под пером Карамзина В родных преданьях прозвучало; Но ныне светом и молвой Оно забыто. Наш герой Живет в Коломне; где-то служит, Дичится знатных и не тужит Ни о почиющей родне, Ни о забытой старине.

Итак, домой пришел, Евгений Стряхнул шинель, разделся, лег. Но долго он заснуть не мог В волненье разных размышлений. О чем же думал он? о том, Что был он беден, что трудом Он должен был себе доставить И независимость и честь; Что мог бы бог ему прибавить Ума и денег. Что ведь есть Такие праздные счастливцы, Ума недалнего, ленивцы, Которым жизнь куда легка! Что служит он всего два года; Он также думал, что погода Не унималась; что река Все прибывала; что едва ли С Невы мостов уже не сняли И что с Парашей будет он Дни на два, на три разлучен. Евгений тут вздохнул сердечно И размечтался,

как поэт:

"Жениться? Мне? зачем же нет? Оно и тяжело, конечно; Но что ж, я молод и здоров, Трудиться день и ночь готов; Уж кое-как себе устрою Приют смиренный и простой И в нем Парашу успокою. Пройдет, быть может, год-другой Местечко получу, Параше Препоручу семейство наше И воспитание ребят... И станем жить, и так до гроба Рука с рукой дойдем мы оба, И внуки нас похоронят..."

Так он мечтал. И грустно было Ему в ту ночь, и он желал, Чтоб ветер выл не так уныло И чтобы дождь в окно стучал Не так сердито...

Сонны очи Он наконец закрыл. И вот Редет мгла ненастной ночи И бледный день уж настаёт... {3} Ужасный день!

Нева всю ночь Рвалася к морю против бури, Не одолев их буйной дури... И спорить стало ей невмочь... Поутру над ее берегами Теснился кучами народ, Любуясь брызгами, горами И пеной разъяренных вод. Но силой ветров от залива Перегражденная Нева Обратном шла, гневна, бурлива, И затопляла острова, Погода пуще свирепела, Нева вздувалась и ре-

вела, Котлом клокоча и клубясь, И вдруг, как зверь остервенясь, На город кинулась. Пред нею Все побежало, все вокруг Вдруг опустело - воды вдруг Втекли в подземные подвалы, К решеткам хлынули каналы, И всплыл Петрополь как тритон, По пояс в воду погружен.

Осада! приступ! злые волны, Как воры, лезут в окна. Челны С разбега стекла бьют кормой. Лотки под мокрой пеленой, Обломки хижин, бревны, кровли, Товар запасливой торговли, Пожитки бледной нищеты, Грозой снесенные мосты, Гроба с размытого кладбища Плывут по улицам!

Народ Зрит божий гнев и казни ждет. Увы! все гибнет: кров и пища! Где будет взять?

В тот грозный год Покойный царь еще Россией Со славой правил. На балкон, Печален, смутен, вышел он И молвил: "С божией стихией Царям не совладеть". Он сел И в думе скорбными очами На злое бедствие глядел. Стояли стогны озерами, И в них широкими реками Вливались улицы. Дворец Казался островом печальным. Царь молвил - из конца в конец, По ближним улицам и дальным В опасный путь средь бурных вод Его пусти-

лись генералы {4} Спасать и страхом обуялый
И дома тонущий народ.

Тогда, на площади Петровой, Где дом в углу
вознесся новый, Где над возвышенным
крыльцом С поднятой лапой, как живые, Сто-
ят два льва сторожевые, На звере мраморном
верхом, Без шляпы, руки сжав крестом, Сидел
недвижный, страшно бледный Евгений. Он
страшился, бедный, Не за себя. Он не слышал,
Как подымался жадный вал, Ему подошвы
подмывая, Как дождь ему в лицо хлестал, Как
ветер, буйно завывая, С него и шляпу вдруг
сорвал. Его отчаянные взоры На край один
наведены Недвижно были. Словно горы, Из
возмущенной глубины Вставали волны там и
злились, Там буря выла, там носились Облом-
ки... Боже, боже! там Увы! близехонько к вол-
нам, Почти у самого залива Забор некраше-
ный, да ива И ветхий домик: там оне, Вдова и
дочь, его Параша, Его мечта... Или во сне Он
это видит? иль вся наша И жизнь ничто, как
сон пустой, Насмешка неба над землей?

И он, как будто околдован, Как будто к
мрамору прикован, Сойти не может! Вкруг
него Вода и больше ничего! И, обращен к

нему спиною, В неколебимой вышине, Над
возмущенною Невою Стоит с простертою ру-
кою Кумир на бронзовом коне.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Но вот, насытись разрушеньем И наглым
буйством утомясь, Нева обратно повлеклась,
Своим любуясь возмущеньем И покидая с
небреженьем Свою добычу. Так злодей, С сви-
репой шайкою своей В село ворвавшись, ло-
мит, режет, Крушит и грабит; вопли, скрежет,
Насилье, брань, тревога, вой!.. И, грабежом
отягощенны, Боясь погони, утомленны, Спе-
шат разбойники домой, Добычу на пути ро-
няя.

Вода сбыла, и мостовая Открылась, и Евге-
ний мой Спешит, душою замирая, В надежде,
страхе и тоске К едва смирившейся реке. Но,
торжеством победы полны, Еще кипели злоб-
но волны, Как бы под ними тлел огонь, Еще
их пена покрывала, И тяжело Нева дышала,
Как с битвы прибежавший конь. Евгений
смотрит: видит лодку; Он к ней бежит как на
находку; Он перевозчика зовет И перевозчик
беззаботный Его за гривенник охотно Чрез
волны страшные везет.

И долго с бурными волнами Боролся опытный гребец, И скрыться вглубь меж их рядами Всечасно с дерзкими пловцами Готов был челн - и наконец Достиг он берега.

Несчастный Знакомой улицей бежит В места знакомые. Глядит, Узнать не может. Вид ужасный! Все перед ним завалено; Что сброшено, что снесено; Скривились домики, другие Совсем обрушились, иные Волнами сдвинуты; кругом, Как будто в поле боевом, Тела валяются. Евгений Стремглав, не помня ничего, Изнемогая от мучений, Бежит туда, где ждет его Судьба с неведомым известьем, Как с запечатанным письмом. И вот бежит уж он предместьем, И вот залив, и близок дом... Что ж это?..

Он остановился. Пошел назад и воротился. Глядит... идет... еще глядит. Вот место, где их дом стоит; Вот ива. Были здесь ворота Снесло их, видно. Где же дом? И, полон сумрачной заботы, Все ходит, ходит он кругом, Толкует громко сам с собою И вдруг, ударя в лоб рукою, Захохотал.

Ночная мгла На город трепетный сошла; Но долго жители не спали И меж собою тол-

ковали О дне минувшем.

Утра луч Из-за усталых, бледных туч Блеснул над тихою столицей И не нашел уже следов Беды вчерашней; багряницей Уже прикрыто было зло. В порядок прежний все вошло. Уже по улицам свободным С своим бесчувствием холодным Ходил народ. Чиновный люд, Покинув свой ночной приют, На службу шел. Торгаш отважный, Не унывая, открывал Невой ограбленный подвал, Сбираясь свой убыток важный На ближнем выместить. С дворов Свозили лодки.

Граф Хвостов, Поэт, любимый небесами, Уж пел бессмертными стихами Несчастье невских берегов.

Но бедный, бедный мой Евгений ... Увы! его смятенный ум Против ужасных потрясений Не устоял. Мязежный шум Невы и ветров раздавался В его ушах. Ужасных дум Безмолвно полон, он скитался. Его терзал какой-то сон. Прошла неделя, месяц - он К себе домой не возвращался. Его пустынный уголок Отдал внаймы, как вышел срок, Хозяин бедному поэту. Евгений за своим добром Не приходил. Он скоро свету Стал чужд. Весь день бродил

пешком, А спал на пристани; питался В окошко поданным куском. Одежда ветхая на нем Рвалась и тлела. Злые дети Бросали камни вслед ему. Нередко кучерские плети Его стегали, потому Что он не разбирал дороги Уж никогда; казалось - он Не примечал. Он оглушен Был шумом внутренней тревоги. И так он свой несчастный век Влачил, ни зверь ни человек, Ни то ни се, ни житель света, Ни призрак мертвый...

Раз он спал У невской пристани. Дни лета Клонились к осени. Дышал Ненастный ветер. Мрачный вал Плескал на пристань, ропща пени И бьясь об гладкие ступени, Как челобитчик у дверей Ему не внемлющих судей. Бедняк проснулся. Мрачно было: Дождь капал, ветер выл уныло, И с ним вдали, во тьме ночной Перекликался часовой... Вскочил Евгений; вспомнил живо Он прошлый ужас; торопливо Он встал; пошел бродить, и вдруг Остановился - и вокруг Тихонько стал водить очами С боязнью дикой на лице. Он очутился под столбами Большого дома. На крыльце С поднятой лапой, как живые, Стояли львы сторожевые, И прямо в темной вышине Над

огражденною скалою Кумир с простертою рукою Сидел на бронзовом коне.

Евгений вздрогнул. Прояснились В нем страшно мысли. Он узнал И место, где потоп играл, Где волны хищные толпились, Бунтуя злобно вокруг него, И львов, и площадь, и того, Кто неподвижно возвышался Во мраке медною главой, Того, чьей волей роковой Под морем город основался... Ужасен он в окрестной мгле! Какая дума на челе! Какая сила в нем сокрыта! А в сем коне какой огонь! Куда ты скачешь, гордый конь, И где опустишь ты копыта? О мощный властелин судьбы! Не так ли ты над самой бездной На высоте, уздой железной Россию поднял на дыбы? {5}

Кругом подножия кумира Безумец бедный обошел И взоры дикие навел На лик державца полумира. Стеснилась грудь его. Чело К решетке хладной прилегло, Глаза подернулись туманом, По сердцу пламень пробежал, Вскипела кровь. Он мрачен стал Пред горделивым истуканом И, зубы стиснув, пальцы сжав, Как обуйанный силой черной, "Добро, строитель чудотворный! Шепнул он, злобно задрожав, Ужо тебе!.." И вдруг стремглав Бежать пустил-

ся. Показалось Ему, что грозного царя, Мгновенно гневом возгоря, Лицо тихонько обращалось... И он по площади пустой Бежит и слышит за собой Как будто грома грохотанье Тяжело-звонкое скаканье По потрясенной мостовой. И, озарен луною бледной, Простерши руку в вышине, За ним несется Всадник Медный На звонко-скачущем коне; И во всю ночь безумец бедный, Куда стопы ни обращал, За ним повсюду Всадник Медный С тяжелым топотом скакал.

И с той поры, когда случилось Идти той площадью ему, В его лице изображалось Смятенье. К сердцу своему Он прижимал поспешно руку, Как бы его смиряя муку, Картуз изношенный сымал, Смущенных глаз не подымал И шел сторонкой.

Остров малый На взморье виден. Иногда Причалит с неводом туда Рыбак на ловле запоздалый И бедный ужин свой варит, Или чиновник посетит, Гуляя в лодке в воскресенье, Пустынный остров. Не взросло Там ни былинки. Наводненье Туда, играя, занесло Домишко ветхой. Над водою Остался он как черный куст. Его прошедшею весною Свели на барке.

Был он пуст И весь разрушен. У порога Нашли
безумца моего, И тут же хладный труп его По-
хоронили ради бога.

ПРИМЕЧАНИЯ 1 Альгаротти где-то сказал:
"Petersbourg est la fenetre par laquelle la Russie
regarde en Europe" .

2 Смотри стихи кн. Вяземского к графине
З***.

3 Мицкевич прекрасными стихами описал
день, предшествовавший петербургскому на-
воднению, в одном из лучших своих стихо-
творений - Oleszkiewicz. Жаль только, что
описание его не точно. Снегу не было - Нева
не была покрыта льдом. Наше описание вер-
нее, хотя в нем и нет ярких красок польского
поэта.

4 Граф Милорадович и генерал-адъютант
Бенкендорф.

5 Смотри описание памятника в Мицкеви-
че. Оно заимствовано из Рубана - как замеча-
ет сам Мицкевич.

1833

СКАЗКИ

СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛ-
ДЕ

Жил-был поп, Толоконный лоб. Пошел поп по базару Посмотреть кой-какого товару. Навстречу ему Балда Идет, сам не зная куда. "Что, батька, так рано поднялся? Чего ты зыскался?" Поп ему в ответ: "Нужен мне работник: Повар, конюх и плотник. А где найти мне такого Служителя не слишком дорогого?" Балда говорит: "Буду служить тебе славно, Усердно и очень исправно, В год за три щелка тебе по лбу, Есть же мне давай вареную полбу". Призадумался поп, Стал себе почесывать лоб. Щелк щелку ведь розь. Да понадеялся он на русский авось. Поп говорит Балде: "Ладно. Не будет нам обоим накладно. Поживи-ка на моем подворье, Окажи свое усердие и проворье". Живет Балда в поповом доме, Спит себе на соломе, Ест за четверых, Работает за семью; До света все у него пляшет, Лошадь запряжет, полосу вспашет, Печь затопит, все заготовит, закупит, Яичко испечет да сам и облупит. Попадья Балдой не нахвалится, Поповна о Балде лишь и печалится, Попенок зовет его тятей; Кашу заварит, нянчится с дитятей. Только поп один Балду не любит, Никогда его не приголубит, О расплате думает частенько;

Время идет, и срок уж близенько. Поп ни ест, ни пьет, ночи не спит: Лоб у него заране трещит. Вот он попадье признается: "Так и так: что делать остается?" Ум у бабы догадлив, На всякие хитрости повадлив. Попадья говорит: "Знаю средство, Как удалить от нас такое бедство: Закажи Балде службу, чтоб стало ему невмочь; А требуй, чтоб он ее исполнил точь-в-точь. Тем ты и лоб от расправы избавишь И Балду-то без расплаты отправишь". Стало на сердце попа веселее, Начал он глядеть на Балду посмелее. Вот он кричит: "Поди-ка сюда, Верный мой работник Балда. Слушай: платить обязались черти Мне оброк по самой моей смерти; Лучшего б не надобно дохода, Да есть на них недоимки за три года. Как наешься ты своей полбы, Собери-ка с чертей оброк мне полный". Балда, с попом понапрасну не споря, Пошел, сел у берега моря; Там он стал веревку крутить Да конец ее в море мочить. Вот из моря вылез старый Бес: "Зачем ты, Балда, к нам залез?" - Да вот веревкой хочу море морщить, Да вас, проклятое племя, корчить. Беса старого взяла тут унылость. "Скажи, за что такая немилость?" - Как за что? Вы не

плотите оброка, Не помните положенного срока; Вот ужо будет вам потеха, Вам, собакам, великая помеха. "Балдушка, погоди ты морщить море, Оброк сполна ты получишь вскоре. Погоди, вышлю к тебе внука". Балда мыслит: "Этого провести не штука!" Вынырнул подосланный бесенок, Замяукал он, как голодный котенок: "Здравствуй, Балда мужичок; Какой тебе надобен оброк? Об оброке век мы не слышали, Не было чертям такой печали. Ну, так и быть - возьми, да с уговору, С общего нашего приговору Чтобы впредь не было никому горя: Кто скорее из нас обежит около моря, Тот и бери себе полный оброк, Между тем там приготовят мешок". Засмеялся Балда лукаво: "Что ты это выдумал, право? Где тебе тягаться со мною, Со мною, с самим Балдою? Экого послали супостата! Подожди-ка моего меньшого брата". Пошел Балда в ближний лесок, Поймал двух зайков, да в мешок. К морю опять он приходит, У моря бесенка находит. Держит Балда за уши одного зайку: "Попляши-тка ты под нашу балалайку: Ты, бесенок, еще молоденек, Со мною тягаться слабенек; Это было б лишь времени трата. Обго-

ни-ка сперва моего брата. Раз, два, три! догоняй-ка". Пустились бесенок и зайка: Бесенок по берегу морскому, А зайка в лесок до дому. Вот, море кругом обежавши, Высунув язык, мордку поднявши, Прибежал бесенок, задыхаясь, Весь мокрешенек, лапкой утираясь, Мысля: дело с Балдою сладит. Глядь - а Балда братца гладит, Приговаривая: "Братец мой любимый, Устал, бедняжка! отдохни, родимый". Бесенок оторопел, Хвостик поджал, совсем присмирел. На братца поглядывает боком. "Погоди, - говорит, - схожу за оброком". Пошел к деду, говорит: "Беда! Обогнал меня меньшей Балда!" Старый Бес стал тут думать думу. А Балда наделал такого шума, Что все море смутилось И волнами так и расходилось. Вылез бесенок: "Полно, мужичок, Вышлем тебе весь оброк Только слушай. Видишь ты палку эту? Выбери себе любимую мету. Кто далее палку бросит, Тот пускай и оброк уносит. Что ж? боишься вывихнуть ручки? Чего ты ждешь?" - Да жду вон этой тучки; Зашвырну туда твою палку, Да и начну с вами, чертями, свалку". Испугался бесенок да к деду, Рассказывать про Балдову победу, А Балда

над морем опять шумит Да чертям веревкой грозит. Вылез опять бесенок: "Что ты хлопчешь? Будет тебе оброк, коли захочешь..." - Нет, говорит Балда, Теперь моя черед, Условия сам назначу, Задам тебе, враженку, задачу. Посмотрим, какова у тебя сила. Видишь, там сивая кобыла? Кобылу подыми-тка ты, Да неси ее полверсты; Снесешь кобылу, оброк уж твой; Не снесешь кобылы, ан будет он мой. Бедненькой бес Под кобылу подлез, Понатужился, Понапружился, Приподнял кобылу, два шага шагнул, На третьем упал, ножки протянул. А Балда ему: "Глупый ты бес, Куда ж ты за нами полез? И руками-то снести не смог, А я, смотри, снесу промеж ног". Сел Балда на кобылку верхом, Да версту проскакал, так что пыль столбом. Испугался бесенок и к деду Пошел рассказывать про такую победу. Делать нечего - черти собрали оброк Да на Балду взвалили мешок. Идет Балда, побрякивает, А поп, завидя Балду, вскакивает, За попадью прячется, Со страху корячится. Балда его тут отыскал, Отдал оброк, платы требовать стал. Бедный поп Подставил лоб: С первого щелка Прыгнул поп до потолка; Со вто-

рого щелка Лишился поп языка; А с третьего щелка Вышибло ум у старика. А Балда приговаривал с укоризной: "Не гонялся бы ты, поп, за дешевизной".

СКАЗКА О МЕДВЕДИХЕ

Как весенней теплою порою Из-под утренней белой зорюшки, Что из лесу, из лесу из дремучего Выходила медведиха Со милыми детушками медвежатами Погулять, посмотреть, себя показать. Села медведиха под белой березою; Стали медвежата промеж собой играть, По муравушке валяться, Боротися, кувыркатися. Отколь ни возьмись мужик идет, Он во руках несет рогатину, А нож-то у него за поясом. А мешок-то у него за плечьми. Как завидела медведиха Мужика со рогатиной, Заревела медведиха, Стала кликать малых детушек, Своих глупых медвежатушек. - Ах вы детушки, медвежатушки, Перестаньте играть, валяться, Боротися, кувыркатися. Уж как знать на нас мужик идет. Становитесь, хоронитесь за меня. Уж как я вас мужику не выдам И сама мужику выем.

Медвежатушки испугалися, За медведиху бросалися, А медведиха осержалася, На дыбы

подымалася. А мужик-то он догадлив был, Он пускался на медведиху, Он сажал в нее рога-тину, Что повыше пупа, пониже печени. Грянулась медведиха о сыру землю, А мужик-то ей брюхо порол, Брюхо порол, да шкуру сымал, Малых медвежатусшек в мешок поклат, А поклавши-то домой пошел.

"Вот тебе, жена, подарочек, Что медвежия шуба в пятьдесят рублей, А что вот тебе другой подарочек, Трои медвежата по пять рублей".

Не звоны пошли по городу, Пошли вести по всему по лесу, Дошли вести до медведя черно-бурого, Что убил мужик его медведиху, Распорол ей брюхо белое, Брюхо распорол да шкуру сымал, Медвежатусшек в мешок поклат. В ту пору медведь запечалился, Голову повесил, голосом завыл Про свою ли сударушку, Черно-бурую медведиху. - Ах ты свет моя медведиха, На кого меня покинула, Вдовца печального, Вдовца горемычного? Уж как мне с тобой, моей боярыней, Веселой игры не игрывати, Милых детушек не родити, Медвежатусшек не качати, Не качати, не баюкати. В ту пору звери собиралися Ко тому ли медведю, к

боярину. Приходили звери большие, Прибегали тут зверишки меньшие. Прибегал тут волк дворянин, У него-то зубы закусливые, У него-то глаза завистливые. Приходил тут бобр, торговый гость, У него-то бобра жирный хвост. Приходила ласточка дворяночка, Приходила белочка княгинечка, Приходила лисица подьячиха, Подьячиха, казначеиха, Приходил скоморох горностаюшка, Приходил байбак тут игумен, Живет он байбак позадь гумен. Прибегал тут зайка-смерд, Зайка беленький, зайка серенький. Приходил целовальник еж, Все-то еж он ежится, Все-то он щетинится.

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО СЛАВНОМ И МОГУЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ГВИДОНЕ САЛТАНОВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕБЕДИ

Три девицы под окном Пряли поздно вечерком. "Кабы я была царица, Говорит одна девица, То на весь крещеный мир Приготовила б я пир". "Кабы я была царица, Говорит ее сестрица, То на весь бы мир одна Наткала я полотна". "Кабы я была царица, Третья молвила сестрица, Я б для батюшки-царя Родила

богатыря".

Только вымолвить успела, Дверь тихонько заскрыпела, И в светлицу входит царь, Стороны той государь. Во все время разговора Он стоял позадь забора; Речь последней по всему Полюбилася ему. "Здравствуй, красная девица, Говорит он, - будь царица И роди богатыря Мне к исходу сентября. Вы ж, голубушки-сестрицы, Выбирайтесь из светлицы, Поезжайте вслед за мной, Вслед за мной и за сестрой: Будь одна из вас ткачиха, А другая повариха".

В сени вышел царь-отец. Все пустились во дворец. Царь недолго собирался: В тот же вечер обвенчался. Царь Салтан за пир честной Сел с царицей молодой; А потом честные гости На кровать слоновой кости Положили молодых И оставили одних. В кухне злится повариха, Плачет у станка ткачиха, И завидуют оне Государевой жене. А царица молодая, Дела вдаль не отлагая, С первой ночи понесла.

В те поры война была. Царь Салтан, с женой простясь, На добра-коня садясь, Ей наказывал себя Побережь, его любя. Между тем, как он далеко Бьется долго и жестоко, Наступает срок родин; Сына бог им дал в аршин, И

царица над ребенком Как орлица над орленком; Шлет с письмом она гонца, Чтоб обрадовать отца. А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой, Извести ее хотят, Перенять гонца велят; Сами шлют гонца другого Вот с чем от слова до слова: "Родила царица в ночь Не то сына, не то дочь; Не мышонка, не лягушку, А неведому зверюшку".

Как услышал царь-отец, Что донес ему гонец, В гневе начал он чудесить И гонца хотел повесить; Но, смягчившись на сей раз, Дал гонцу такой приказ: "Ждать царева возвращенья Для законного решенья".

Едет с грамотой гонец, И приехал наконец. А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой, Обобратить его велят; Допьяна гонца поят И в суму его пустую Суют грамоту другую И привез гонец хмельной В тот же день приказ такой: "Царь велит своим боярам, Времени не тратя даром, И царицу и приплод Тайно бросить в бездну вод". Делать нечего: бояре, Потужив о государе И царице молодой, В спальню к ней пришли толпой. Объявили царску волю Ей и сыну злую долю, Прочитали вслух указ, И царицу в тот же час В бочку с сыном поса-

дили, Засмолили, покатили И пустили в Окиян Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды блещут, В синем море волны хлещут; Туча по небу идет, Бочка по морю плывет. словно горькая вдовица, Плачет, бьется в ней царица; И растет ребенок там Не по дням, а по часам. День прошел, царица вопит... А дитя волну торопит: "Ты, волна моя, волна! Ты гульлива и вольна; Плещешь ты, куда захочешь, Ты морские камни точишь, Топишь берег ты земли, Подымаешь корабли Не губи ты нашу душу: Выплесни ты нас на сушу!" И послушалась волна: Тут же на берег она Бочку вынесла легонько И отхлынула тихонько. Мать с младенцем спасена; Землю чувствует она. Но из бочки кто их вынет? Бог неужто их покинет? Сын на ножки поднялся, В дно головкой уперся, Понатужился немножко: "Как бы здесь на двор окошко Нам проделать?" - молвил он, Вышиб дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле; Видят холм в широком поле, Море синее кругом, Дуб зеленый над холмом. Сын подумал: добрый ужин Был бы нам, однако, нужен. Ломит он у дуба

сук И в тугой сгибает лук, Со креста снурок шелковый Натянул на лук дубовый, Тонку тросточку сломил, Стрелкой легкой заострил И пошел на край долины У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он, Вот и слышит будто стон... Видно на море не тихо; Смотрит - видит дело лихо: Бьется лебедь средь зыбей, Коршун носится над ней; Та бедняжка так и плещет, Воду вокруг мутит и хлещет... Тот уж когти распустил, Клев кровавый наострил... Но как раз стрела запела, В шею коршуна задела Коршун в море кровь пролил, Лук царевич опустил; Смотрит: коршун в море тонет И не птичьим криком стонет, Лебедь около плывет, Злого коршуна клюет, Гибель близкую торопит, Бьет крылом и в море топит И царевичу потом Молвит русским языком: "Ты, царевич, мой спаситель, Мой могучий избавитель, Не тужи, что за меня Есть не будешь ты три дня, Что стрела пропала в море; Это горе - все не горе. Отплачу тебе добром, Сослужу тебе потом: Ты не лебедь ведь избавил, Девицу в живых оставил; Ты не коршуна убил, Чародея подстрелил. Век тебя я не за-

буду: Ты найдешь меня повсюду, А теперь ты
воротись, Не горюй и спать ложись".

Улетела лебедь-птица, А царевич и цари-
ца, Целый день проведши так, Лечь решились
на тощак. Вот открыл царевич очи; Отрясая
грезы ночи И дивясь, перед собой Видит город
он большой, Стены с частыми зубцами, И за
белыми стенами Блещут маковки церквей И
святых монастырей. Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. "То ли будет? Говорит он, - ви-
жу я: Лебедь тешится моя". Мать и сын идут
ко граду. Лишь ступили за ограду, Оглуши-
тельный трезвон Поднялся со всех сторон: К
ним народ навстречу валит, Хор церковный
бога хвалит; В колымагах золотых Пышный
двор встречает их; Все их громко величают И
царевича венчают Княжей шапкой, и главой
Возглашают над собой; И среди своей столи-
цы, С разрешения царицы, В тот же день стал
княжить он И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет И кораблик подгоня-
ет; Он бежит себе в волнах На раздутых парус-
сах. Корабельщики дивятся, На кораблике
толпятся, На знакомом острове Чудо видят
наяву: Город новый златоглавый, Пристань с

крепкою заставой; Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят. Пристают к заставе
гости; Князь Гвидон зовет их в гости, Их он
кормит и поит И ответ держать велит: "Чем
вы, гости, торг ведете И куда теперь плыве-
те?" Корабельщики в ответ: "Мы объехали
весь свет, Торговали соболями, Чернобурыми
лисами; А теперь нам вышел срок, Едем пря-
мо на восток, Мимо острова Буяна, В царство
славного Салтана..." Князь им вымолвил то-
гда: "Добрый путь вам, господа, По морю по
Окияну К славному царю Салтану; От меня
ему поклон". Гости в путь, а князь Гвидон С
берега душой печальной Провожает бег их
дальный; Глядь - поверх текучих вод Лебедь
белая плывет. "Здравствуй, князь ты мой пре-
красный! Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?" Говорит она ему. Князь
печально отвечает: "Грусть-тоска меня съеда-
ет, Одолела молодца: Видеть я б хотел отца".
Лебедь князю: "Вот в чем горе! Ну, послушай:
хочешь в море Полететь за кораблем? Будь
же, князь, ты комаром". И крылами замахала,
Воду с шумом расплескала И обрызгала его С
головы до ног всего. Тут он в точку умень-

шился, Комаром оборотился, Полетел и записал, Судно на море догнал, Потихоньку опустился На корабль - и в щель забился.

Ветер весело шумит, Судно весело бежит Мимо острова Буяна, К царству славного Салтана, И желанная страна Вот уж издали видна. Вот на берег вышли гости; Царь Салтан зовет их в гости, И за ними во дворец Полетел наш удалец. Видит: весь сияя в злате, Царь Салтан сидит в палате На престоле и в венце С грустной думой на лице; А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой, Около царя сидят И в глаза ему глядят. Царь Салтан гостей сажает За свой стол и вопрошает: "Ой вы, гости-господа, Долго ль ездили? куда? Ладно ль за морем, иль худо? И какое в свете чудо?" Корабельщики в ответ: "Мы объехали весь свет; За морем житье не худо, В свете ж вот какое чудо: В море остров был крутой, Не привальный, не жилой; Он лежал пустой равниной; Рос на нем дубок единый; А теперь стоит на нем Новый город со дворцом, С златоглавыми церквами, С теремами и садами, А сидит в нем князь Гвидон; Он прислал тебе поклон". Царь Салтан дивится чуду; Молвит

он: "Коль жив я буду, Чудный остров навещу, У Гвидона погощу". А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой, Не хотят его пустить Чудный остров навестить. "Уж диковинка, ну право, Подмигнув другим лукаво, Повариха говорит, Город у моря стоит! Знайте, вот что не безделка: Ель в лесу, под елью белка, Белка песенки поет И орешки все грызет, А орешки не простые, Все скорлупки золотые, Ядра - чистый изумруд; Вот что чудом-то зовут". Чуду царь Салтан дивится, А комар-то злится, злится И впился комар как раз Тетке прямо в правый глаз. Повариха побледнела, Обмерла и окривела. Слуги, сватья и сестра С криком ловят комара. "Распроклятая ты мошка! Мы тебя!.." А он в окошко, Да спокойно в свой удел Через море полетел.

Снова князь у моря ходит, С синя моря глаз не сводит; Глядь - поверх текучих вод Лебедь белая плывет. "Здравствуй, князь ты мой прекрасный! Что ж ты тих, как день ненастный? Опечалился чему?" Говорит она ему. Князь Гвидон ей отвечает: "Грусть-тоска меня съедает; Чудо чудное завесь Мне б хотелось. Где-то есть Ель в лесу, под елью белка; Диво, право,

не безделка Белка песенки поет, Да орешки все грызет, А орешки не простые, Все скорлупки золотые, Ядра - чистый изумруд; Но, быть может, люди врут". Князю лебедь отвечает: "Свет о белке правду бает; Это чудо знаю я, Полно, князь, душа моя, Не печалься; рада службу Оказать тебе я в дружбу". С ободренною душой Князь пошел себе домой; Лишь ступил на двор широкий Что ж? под елкою высокой, Видит, белочка при всех Золотой грызет орех, Изумрудец вынимает, А скорлупку собирает, Кучки равные кладет И с присвисточкой поет При честном при всем народе: Во саду ли, в огороде. Изумился князь Гвидон. "Ну, спасибо, - молвил он, Ай да лебедь - дай ей боже, Что и мне, веселье то же". Князь для белочки потом Выстроил хрустальный дом, Караул к нему приставил И притом дьяка заставил Строгий счет орехам весть. Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет И кораблик подгоняет; Он бежит себе в волнах На поднятых парусах Мимо острова крутого, Мимо города большого: Пушки с пристани палят, Кораблю пристать велят. Пристают к заставе гости; Князь

Гвидон зовет их в гости, Их и кормит и поит
И ответ держать велит: "Чем вы, гости, торг
ведете И куда теперь плывете?" Корабельщи-
ки в ответ: "Мы объехали весь свет, Торгова-
ли мы конями, Все донскими жеребцами, А
теперь нам вышел срок И лежит нам путь да-
лек: Мимо острова Буяна, В царство славного
Салтана..." Говорит им князь тогда: "Добрый
путь вам, господа, По морю по Окияну К слав-
ному царю Салтану; Да скажите: князь Гви-
дон Шлет царю-де свой поклон".

Гости князю поклонились, Вышли вон и в
путь пустились. К морю князь - а лебедь там
Уж гуляет по волнам. Молит князь: душа-де
просит, Так и тянет и уносит... Вот опять она
его Вмиг обрызгала всего: В муху князь оборо-
тился, Полетел и опустился Между моря и
небес На корабль - и в щель залез.

Ветер весело шумит, Судно весело бежит
Мимо острова Буяна, В царство славного Сал-
тана И желанная страна Вот уж издали вид-
на; Вот на берег вышли гости; Царь Салтан зо-
вет их в гости, И за ними во дворец Полетел
наш удалец. Видит: весь сияя в злате, Царь
Салтан сидит в палате На престоле и в венце,

С грустной думой на лице. А ткачиха с Бабарихой Да с кривою поварихой Около царя сидят, Злыми жабами глядят. Царь Салтан гостей сажает За свой стол и вопрошает: "Ой вы, гости-господа, Долго ль ездили? куда? Ладно ль за морем, иль худо, И какое в свете чудо?" Корабельщики в ответ: "Мы объехали весь свет; За морем житье не худо; В свете ж вот какое чудо: Остров на море лежит, Град на острове стоит С златоглавыми церквами, С теремами да садами; Ель растет перед дворцом, А под ней хрустальный дом; Белка там живет ручная, Да затейница какая! Белка песенки поет, Да орешки все грызет, А орешки не простые, Все скорлупки золотые, Ядра - чистый изумруд; Слуги белку стерегут, Служат ей прислугой разной И приставлен дьяк приказный Строгий счет орехам весть; Отдает ей войско честь; Из скорлупок льют монету, Да пускают в ход по свету; Девки сыплют изумруд В кладовые, да под спуд; Все в том острове богаты, Изоб нет, везде палаты; А сидит в нем князь Гвидон; Он прислал тебе поклон". Царь Салтан дивится чуду. "Если только живя буду, Чудный остров навещу, У Гвидона по-

гощу". А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой, Не хотят его пустить Чудный остров навестить. Усмехнувшись исподтиха, Говорит царю ткачиха: "Что тут дивного? ну, вот! Белка камушки грызет, Мечет золото и в груды Загребает изумруды; Этим нас не удивишь, Правду ль, нет ли говоришь. В свете есть иное диво: Море вздуется бурливо, Закипит, подымет вой, Хлынет на берег пустой, Разольется в шумном беге, И очутятся на берегу, В чешуе, как жар горя, Тридцать три богатыря, Все красавцы удалые, Великаны молодые, Все равны, как на подбор, С ними дядька Черномор. Это диво, так уж диво, Можно молвить справедливо!" Гости умные молчат, Спорить с нею не хотят. Диву царь Салтан дивится, А Гвидон-то злится, злится... Зажужжал он и как раз Тетке сел на левый глаз, И ткачиха побледнела: "Ай!" и тут же окривела; Все кричат: "Лови, лови, Да дави ее, дави... Вот ужо! постой немножко, Погоди..." А князь в окошко, Да спокойно в свой удел Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит, С синя моря глаз не сводит; Глядь - поверх текучих вод Лебедь

белая плывет. "Здравствуй, князь ты мой прекрасный! Что ты тих, как день ненастный? Опечалился чему?" Говорит она ему. Князь Гвидон ей отвечает: "Грусть-тоска меня съедает Диво б дивное хотел Перенести я в мой удел". "А какое ж это диво?" - Где-то вздуется бурливо Окиян, подымет вой, Хлынет на берег пустой, Расплеснется в шумном беге, И очутятся на бреге, В чешуе, как жар горя, Тридцать три богатыря, Все красавцы молодые, Великаны удалые, Все равны, как на подбор, С ними дядька Черномор. Князю лебедь отвечает: "Вот что, князь, тебя смущает? Не тужи, душа моя, Это чудо знаю я. Эти витязи морские Мне ведь братья все родные. Не печалься же, ступай, В гости братцев поджидай".

Князь пошел, забывши горе, Сел на башню, и на море Стал глядеть он; море вдруг Всколыхалось вокруг, Расплескалось в шумном беге И оставило на бреге Тридцать три богатыря; В чешуе, как жар горя, Идут витязи четами, И, блистая сединами, Дядька впереди идет И ко граду их ведет. С башни князь Гвидон сбегает, Дорогих гостей встречает; Второ-

пях народ бежит; Дядька князю говорит: "Лебедь нас к тебе послала И наказом наказала Славный город твой хранить И дозором обходить. Мы отныне ежедневно Вместе будем непременно У высоких стен твоих Выходить из вод морских, Так увидимся мы вскоре, А теперь пора нам в море; Тяжек воздух нам земли". Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет И кораблик подгоняет; Он бежит себе в волнах На поднятых парусах Мимо острова крутого, Мимо города большого; Пушки с пристани палят, Кораблю пристать велят. Пристают к заставе гости. Князь Гвидон зовет их в гости, Их и кормит и поит И ответ держать велит: "Чем вы, гости, торговедете? И куда теперь поплывете?" Корабельщики в ответ: "Мы объехали весь свет; Торговали мы булатом, Чистым серебром и златом, И теперь нам вышел срок; А лежит нам путь далекий, Мимо острова Буяна, В царство славного Салтана". Говорит им князь тогда: "Добрый путь вам, господа, По морю по Окияну К славному царю Салтану. Да скажите ж: князь Гвидон Шлет-де свой царю поклон".

Гости князю поклонились, Вышли вон и в

путь пустились. К морю князь, а лебедь там
Уж гуляет по волнам. Князь опять: душа-де
просит... Так и тянет и уносит... И опять она
его Вмиг обрызгала всего. Тут он очень умень-
шился, Шмелем князь оборотился, Полетел и
зажужжал; Судно на море догнал, Потихонь-
ку опустился На корму - и в щель забился.

Ветер весело шумит, Судно весело бежит
Мимо острова Буяна, В царство славного Сал-
тана, И желанная страна Вот уж издали вид-
на. Вот на берег вышли гости. Царь Салтан зо-
вет их в гости, И за ними во дворец Полетел
наш удалец. Видит, весь сияя в злате, Царь
Салтан сидит в палате На престоле и в венце,
С грустной думой на лице. А ткачиха с пова-
рихой, С сватьей бабой Бабарихой, Около ца-
ря сидят Четырьмя все три глядят. Царь Сал-
тан гостей сажает За свой стол и вопрошает:
"Ой вы, гости-господа, Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем иль худо? И какое в свете
чудо?" Корабельщики в ответ: "Мы объехали
весь свет; За морем житье не худо; В свете ж
вот какое чудо: Остров на море лежит, Град
на острове стоит, Каждый день идет там диво:
Море вздуется бурливо, Закипит, подымет

вой, Хлынет на берег пустой, Расплеснется в
скором беге И останутся на бреге Тридцать
три богатыря, В чешуе золотой горя, Все кра-
савцы молодые, Великаны удалые, Все равны,
как на подбор; Старый дядька Черномор С ни-
ми из моря выходит И попарно их выводит,
Чтобы остров тот хранить И дозором обхо-
дить И той стражи нет надежней, Ни храбрее,
ни прилежней. А сидит там князь Гвидон; Он
прислал тебе поклон". Царь Салтан дивится
чуду. "Коли жив я только буду, Чудный остров
навещу И у князя погощу". Повариха и ткачи-
ха Ни гугу - но Бабариха Усмехнувшись гово-
рит: "Кто нас этим удивит? Люди из моря вы-
ходят И себе дозором бродят! Правду ль бают,
или лгут, Дива я не вижу тут. В свете есть та-
кие ль дива? Вот идет молва правдива: За мо-
рем царевна есть, Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает, Ночью землю
освещает, Месяц под косою блестит, А во лбу
звезда горит. А сама-то величава, Выплывает,
будто пава; А как речь-то говорит, Слово ре-
ченька журчит. Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво". Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят. Чуду царь Салтан

дивится А царевич хоть и злится, Но жалеет он очей Старой бабушки своей: Он над ней жужжит, кружится Прямо на нос к ней садится, Нос ужалил богатырь: На носу вскочил волдырь. И опять пошла тревога: "Помогите, ради бога! Караул! лови, лови, Да дави его, дави... Вот ужо! пожди немножко, Погоди!.." А шмель в окошко, Да спокойно в свой удел Через море полетел.

Князь у синя моря ходит, С синя моря глаз не сводит; Глядь - поверх текучих вод Лебедь белая плывет. "Здравствуй, князь ты мой прекрасный! Что ж ты тих, как день ненастный? Опечалился чему?" Говорит она ему. Князь Гвидон ей отвечает: "Грусть-тоска меня съедает: Люди женятся; гляжу, Неженат лишь я хожу". - А кого же на примете Ты имеешь? - "Да на свете, Говорят, царевна есть, Что не можно глаз отвести. Днем свет божий затмевает, Ночью землю освещает Месяц под косою блещит, А во лбу звезда горит. А сама-то величава, Выступает, будто пава; Сладку речь-то говорит, Будто реченька журчит. Только, полно, правда ль это?" Князь со страхом ждет ответа. Лебедь белая молчит И, подумав, говорит:

"Да! такая есть девица. Но жена не рукавица: С белой ручки не стряхнешь, Да за пояс не заткнешь. Услугу тебе советом Слушай: обо всем об этом Пораздумай ты путем, Не раскаться б потом". Князь пред нею стал божиться, Что пора ему жениться, Что об этом обо всем Передумал он путем; Что готов душою страстной За царевною прекрасной Он пешком идти отсель Хоть за тридевять земель. Лебедь тут, вздохнув глубоко, Молвила: "Зачем далеко? Знай, близка судьба твоя, Ведь царевна эта - я". Тут она, взмахнув крылами, Полетела над волнами И на берег с высоты Опустилась в кусты, Встрепенулась, отряхнулась И царевной обернулась: Месяц под косою блещит, А во лбу звезда горит; А сама-то величава, Выступает, будто пава; А как речь-то говорит, Словно реченька журчит. Князь царевну обнимает, К белой груди прижимает И ведет ее скорей К милой матушки своей. Князь ей в ноги, умоляя: "Государыня-родная! Выбрал я жену себе, Дочь послушную тебе, Просим оба разрешенья, Твоего благословенья: Ты детей благослови Жить в совете и любви". Над главою их покорной Мать с иконой чудотворной

Слезы льет и говорит: "Бог вас, дети, награждает". Князь не долго собирался, На царевне обвенчался; Стали жить да поживать, Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет И кораблик подгоняет; Он бежит себе в волнах На раздутых парусах Мимо острова крутого, Мимо города большого; Пушки с пристани палят, Кораблю пристать велют. Пристают к заставе гости. Князь Гвидон зовет их в гости, Он их кормит и поит И ответ держать велит: "Чем вы, гости, торг ведете И куда теперь плывете?" Корабельщики в ответ: "Мы объехали весь свет, Торговали мы не даром Неуказанным товаром; А лежит нам путь далек: Восвояси на восток, Мимо острова Буяна, В царство славного Салтана". Князь им вымолвил тогда: "Добрый путь вам, господа, По морю по Окияну К славному дарю Салтану; Да напомните ему, Государю своему: К нам он в гости обещался, А доселе не собрался Шлю ему я свой поклон". Гости в путь, а князь Гвидон Дома на сей раз остался И с женою не расстался.

Ветер весело шумит, Судно весело бежит Мимо острова Буяна К царству славного Сал-

тана, И знакомая страна Вот уж издали видна. Вот на берег вышли гости. Царь Салтан зовет их в гости. Гости видят: во дворце Царь сидит в своем венце, А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой, Около царя сидят, Четырьмя все три глядят. Царь Салтан гостей сажает За свой стол и вопрошает: "Ой вы, гости-господа, Долго ль ездили? куда? Ладно ль за морем, иль худо? И какое в свете чудо?" Корабельщики в ответ: "Мы объехали весь свет; За морем житье не худо, В свете ж вот какое чудо: Остров на море лежит, Град на острове стоит, С златоглавыми церквами, С теремами и садами; Ель растет перед дворцом, А под ней хрустальный дом; Белка в нем живет ручная, Да чудесница какая! Белка песенки поет Да орешки все грызет; А орешки не простые, Скорлупы-то золотые, Ядра - чистый изумруд; Белку холят, берегут. Там еще другое диво: Море вздуется бурливо, Закипит, подымет вой, Хлынет на берег пустой, Расплеснется в скором беге, И очутятся на бреге, В чешуе, как жар горя, Тридцать три богатыря, Все красавцы удалые, Великаны молодые, Все равны, как на подбор С ними дядька Черномор. И той

стражи нет надежней, Ни храбрее, ни прилежней. А у князя женка есть, Что не можно глаз отвести: Днем свет божий затмевает, Ночью землю освещает; Месяц под косою блещит, А во лбу звезда горит. Князь Гвидон тот город правит, Всяк его усердно славит; Он прислал тебе поклон, Да тебе пеняет он: К нам-де в гости обещался, А доселе не собрался".

Тут уж царь не утерпел, Снарядить он флот велел. А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой, Не хотят царя пустить Чудный остров навестить. Но Салтан им не внимает И как раз их унимает: "Что я? царь или дитя? Говорит он не шутя: Нынче ж еду!" - Тут он топнул, Вышел вон и дверью хлопнул.

Под окном Гвидон сидит, Молча на море глядит: Не шумит оно, не хлещет, Лишь едва, едва трепещет, И в лазоревой дали Показались корабли: По равнинам Окияна Едет флот царя Салтана. Князь Гвидон тогда вскочил, Громогласно возопил: "Матушка моя родная! Ты, княгиня молодая! Посмотрите вы туда: Едет батюшка сюда". Флот уж к острову подходит. Князь Гвидон трубу наводит: Царь на

палубе стоит И в трубу на них глядит; С ним ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой; Удивляются оне Незнакомой стороне. Разом пушки запалили; В колокольнях зазвонили; К морю сам идет Гвидон; Там царя встречает он С поварихой и ткачихой, С сватьей бабой Бабарихой; В город он повел царя, Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты: У ворот блистают латы, И стоят в глазах царя Тридцать три богатыря, Все красавцы молодые, Великаны удалые, Все равны, как на подбор, С ними дядька Черномор. Царь ступил на двор широкой: Там под елкою высокой Белка песенку поет, Золотой орех грызет, Изумрудец вынимает И в мешечек опускает; И засеян двор большой Золотою скорлупой. Гости дале - то ропливо Смотрят - что ж? княгиня - диво: Под косою луна блестит, А во лбу звезда горит; А сама-то величава, Выступает, будто пава, И свекровь свою ведет. Царь глядит - и узнает... В нем разыграло ретивое! "Что я вижу? что такое? Как!" - и дух в нем занялся... Царь слезами залился, Обнимает он царицу, И сынка, и молодицу, И садятся все за стол; И веселый

пир пошел. А ткачиха с поварихой, С сватьей бабой Бабарихой, Разбежались по углам; Их нашли насили там. Тут во всем они признались, Повинились, разрыдались; Царь для радости такой Отпустил всех трех домой. День прошел - царя Салтана Уложили спать вполпьяна. Я там был; мед, пиво пил И усы лишь обмочил.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

Жил старик со своею старухой У самого синего моря; Они жили в ветхой землянке Ровно тридцать лет и три года. Старик ловил неводом рыбу, Старуха пряла свою пряжу. Раз он в море закинул невод, Пришел невод с одною тиной. Он в другой раз закинул невод, Пришел невод с травой морскою. В третий раз закинул он невод, Пришел невод с одною рыбкой, С непростой рыбкой, - золотою. Как взмолится золотая рыбка! Голосом молвит человечьим: "Отпусти ты, старче, меня в море, Дорогой за себя дам откуп: Откуплюсь чем только пожелаешь." Удивился старик, испугался: Он рыбачил тридцать лет и три года И не слыхивал, чтоб рыба говорила. Отпустил он рыбку золотую И сказал ей ласковое слово:

"Бог с тобою, золотая рыбка! Твоего мне откупа не надо; Ступай себе в синее море, Гуляй там себе на просторе".

Воротился старик ко старухе, Рассказал ей великое чудо. "Я сегодня поймал было рыбку, Золотую рыбку, не простую; По-нашему говорила рыбка, Домой в море синее просилась, Дорогою ценою откупалась: Откупалась чем только пожелаю. Не посмел я взять с нее выкуп; Так пустил ее в синее море". Старика старуха забранила: "Дурачина ты, простофиля! Не умел ты взять выкупа с рыбки! Хоть бы взял ты с нее корыто, Наше-то совсем расколось".

Вот пошел он к синему морю; Видит, - море слегка разыгралось. Стал он кликать золотую рыбку, Приплыла к нему рыбка и спросила: "Чего тебе надобно, старче?" Ей с поклоном старик отвечает: "Смилуйся, государыня рыбка, Разбранила меня моя старуха, Не дает старику мне покою: Надобно ей новое корыто; Наше-то совсем расколось". Отвечает золотая рыбка: "Не печалься, ступай себе с богом, Будет вам новое корыто". Воротился старик ко старухе, У старухи новое корыто. Еще пуще

старуха бранится: "Дурачина ты, простофиля! Выпросил, дурачина, корыто! В корыте много ль корысти? Воротись, дурачина, ты к рыбке; Поклонись ей, выпроси уж избу".

Вот пошел он к синему морю, Будет вам новое корыто". Воротился старик ко старухе, Стал он кликать золотую рыбку, Приплыла к нему рыбка, спросила: "Чего тебе надобно, старче?" Ей старик с поклоном отвечает: "Смилуйся, государыня рыбка! Еще пуще старуха бранится, Не дает старику мне покою: Избу просит сварливая баба". Отвечает золотая рыбка: "Не печалься, ступай себе с богом, Так и быть: изба вам уж будет". Пошел он ко своей землянке, А землянки нет уж и следа; Перед ним изба со светелкой, С кирпичною, беленою трубою, С дубовыми, тесовыми вороты. Старуха сидит под окошком, На чем свет стоит мужа ругает. "Дурачина ты, прямой простофиля! Выпросил, простофиля, избу! Воротись, поклонись рыбке: Не хочу быть черной крестьянкой, Хочу быть столбовою дворянкой".

Пошел старик к синему морю; (Не спокойно синее море.) Стал он кликать золотую рыб-

ку. Приплыла к нему рыбка, спросила: "Чего тебе надобно, старче?" Ей с поклоном старик отвечает: "Смилуйся, государыня рыбка! Пуще прежнего старуха вздурилась, Не дает старику мне покою: Уж не хочет быть она крестьянкой, Хочет быть столбовою дворянкой". Отвечает золотая рыбка: "Не печалься, ступай себе с богом".

Воротился старик ко старухе. Что ж он видит? Высокий терем. На крыльце стоит его старуха В дорогой собольей душегрейке, Парчовая на маковке кичка, Жемчуги огрузили шею, На руках золотые перстни, На ногах красные сапожки. Перед нею усердные слуги; Она бьет их, за чупрун таскает. Говорит старик своей старухе: "Здравствуй, барыня сударыня дворянка! Чай, теперь твоя душенька довольна". На него прикрикнула старуха, На конюшне служить его послала.

Вот неделя, другая проходит, Еще пуще старуха вздурилась: Опять к рыбке старика посылает. "Воротись, поклонись рыбке: Не хочу быть столбовою дворянкой, А хочу быть вольною царицей". Испугался старик, взмолился: "Что ты, баба, белены объелась? Ни

ступить, ни молвить не умеешь, Насмешишь ты целое царство". Осердилася пуще старуха, По щеке ударила мужа. "Как ты смеешь, мужик, спорить со мною, Со мною, дворянкой столбовою? Ступай к морю, говорят тебе честью, Не пойдешь, поведут поневоле".

Старичок отправился к морю, (Почернело синее море.) Стал он кликать золотую рыбку. Приплыла к нему рыбка, спросила: "Чего тебе надобно, старче?" Ей с поклоном старик отвечает: "Смилуйся, государыня рыбка! Опять моя старуха бунтует: Уж не хочет быть она дворянкой, Хочет быть вольною царицей". Отвечает золотая рыбка: "Не печалься, ступай себе с богом! Добро! будет старуха царицей!"

Старичок к старухе воротился. Что ж? пред ним царские палаты. В палатах видит свою старуху, За столом сидит она царицей, Служат ей бояре да дворяне, Наливают ей заморские вины; Заедает она пряником печатным; Вкруг ее стоит грозная стража, На плечах топорики держат. Как увидел старик, - испугался! В ноги он старухе поклонился, Молвил: "Здравствуй, грозная царица! Ну, теперь твоя душенька довольна". На него старуха не

взглянула, Лишь с очей прогнать его велела. Подбежали бояре и дворяне, Старика взащеи затолкали. А в дверях-то стража подбежала, Топорами чуть не изрубила. А народ-то над ним насмеялся: "Поделом тебе, старый невежа! Впредь тебе, невежа, наука: Не садися не в свои сани!"

Вот неделя, другая проходит, Еще пуще старуха вздурилась: Царедворцев за мужем посылает, Отыскали старика, привели к ней. Говорит старику старуха: "Воротись, поклонися рыбке. Не хочу быть вольною царицей, Хочу быть владычицей морскою, Чтобы жить мне в Окияне-море, Чтоб служила мне рыбка золотая И была б у меня на посылках".

Старик не осмелился перечить, Не дерзнул поперек слова молвить. Вот идет он к синему морю, Видит, на море черная буря: Так и вздулись сердитые волны, Так и ходят, так воем и воют. Стал он кликать золотую рыбку. Приплыла к нему рыбка, спросила: "Чего тебе надобно, старче?" Ей старик с поклоном отвечает: "Смилуйся, государыня рыбка! Что мне делать с проклятою бабой? Уж не хочет быть она царицей, Хочет быть владычицей мор-

скою; Чтобы жить ей в Окияне-море, Чтобы ты сама ей служила И была бы у ней на посылках". Ничего не сказала рыбка, Лишь хвостом по воде плеснула И ушла в глубокое море. Долго у моря ждал он ответа, Не дождался, к старухе воротился Глядь: опять перед ним землянка; На пороге сидит его старуха, А перед нею разбитое корыто.

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Царь с царицею простился, В путь-дорогу снарядился, И царица у окна Села ждать его одна. Ждет-пождет с утра до ночи, Смотрит в поле, инда очи Разболелись глядячи С белой зори до ночи; Не видать милого друга! Только видит: вьется вьюга, Снег валится на поля, Вся белешенька земля. Девять месяцев проходит, С поля глаз она не сводит. Вот в сочельник в самый, в ночь Бог дает царице дочь. Рано утром гость желанный, День и ночь так долго жданный, Издалеча наконец Воротился царь-отец. На него она взглянула, Тяжелешенько вздохнула, Восхищенья не снесла, И к обедне умерла.

Долго царь был неутешен, Но как быть? и

он был грешен; Год прошел как сон пустой,
Царь женился на другой. Правду молвить, мо-
лодица Уж и впрямь была царица: Высока,
стройна, бела, И умом и всем взяла; Но зато
горда, ломлива, Своенравна и ревнива. Ей в
приданое дано Было зеркальце одно; Свой-
ство зеркальце имело: Говорить оно умело. С
ним одним она была Добродушна, весела, С
ним приветливо шутила И, красуясь, говори-
ла: "Свет мой, зеркальце! скажи Да всю прав-
ду доложи: Я ль на свете всех милее, Всех ру-
мяней и белее?" И ей зеркальце в ответ: "Ты,
конечно, спору нет; Ты, царица, всех милее,
Всех румяней и белее". И царица хохотать, И
плечами пожимать, И подмигивать глазами,
И прищелкивать перстами, И вертеться под-
бочась, Гордо в зеркальце глядясь.

Но царевна молодая, Тихомолком расцве-
тая, Между тем росла, росла, Поднялась - и
расцвела, Белолица, черноброва, Нраву крот-
кого такого. И жених сыскался ей, Королевич
Елисей. Сват приехал, царь дал слово, А при-
даное готово: Семь торговых городов Да сто
сорок теремов.

На девичник собираясь, Вот царица, наря-

жаясь Перед зеркальцем своим, Перемолвилася с ним: "Я ль, скажи мне, всех милее, Всех румяней и белее?" Что же зеркальце в ответ? "Ты прекрасна, спору нет; Но царевна всех милее, Всех румяней и белее". Как царица отпрыгнет, Да как ручку замахнет, Да по зеркальцу как хлопнет, Каблучком-то как при топнет!.. "Ах ты, мерзкое стекло! Это врешь ты мне на зло. Как тягаться ей со мною? Я в ней дурь-то успокою. Вишь какая подросла! И не диво, что бела: Мать брюхатая сидела Да на снег лишь и глядела! Но скажи: как можно ей Быть во всем меня милей? Признавайся: всех я краше. Обойди все царство наше, Хоть весь мир; мне ровной нет. Так ли?" Зеркальце в ответ: "А царевна все ж милее, Все ж румяней и белее". Делать нечего. Она, Черной зависти полна, Бросив зеркальце под лавку, Позвала к себе Чернавку И наказывает ей, Сенной девушке своей, Весть царевну в глушь лесную И, связав ее, живую Под сосной оставить там На съедение волкам.

Черт ли сладит с бабой гневной? Спорить нечего. С царевной Вот Чернавка в лес пошла И в такую даль свела, Что царевна догада-

лась, И до смерти испугалась, И взмолилась:
"Жизнь моя! В чем, скажи, виновна я? Не губи
меня, девица! А как буду я царица, Я пожалую
тебя". Та, в душе ее любя, Не убила, не связа-
ла, Отпустила и сказала: "Не кручинься, бог с
тобой". А сама пришла домой. "Что? - сказала
ей царица, Где красавица девица?" - Там, в ле-
су, стоит одна, Отвечает ей она. Крепко связа-
ны ей локти; Попадется зверю в когти, Мень-
ше будет ей терпеть, Легче будет умереть.

И молва трезвонить стала: Дочка царская
пропала! Тужит бедный царь по ней. Короле-
вич Елисей, Помолясь усердно богу, Отправ-
ляется в дорогу За красавицей душой, За неве-
стой молодой.

Но невеста молодая, До зари в лесу блуж-
дая, Между тем все шла да шла И на терем на-
брела. Ей на встречу пес, залая, Прибежал и
смолк, играя; В ворота вошла она, На подво-
рье тишина. Пес бежит за ней, ласкаясь, А ца-
ревна, подбираясь, Поднялася на крыльцо И
взялася за кольцо; Дверь тихонько отвори-
лась, И царевна очутилась В светлой горнице;
кругом Лавки, крытые ковром, Под святыми
стол дубовый, Печь с лежанкой изразцовой.

Видит девица, что тут Люди добрые живут;
Знать, не будет ей обидно! Никого меж тем не
видно. Дом царевна обошла, Все порядком
убрала, Засветила богу свечку, Затопила жар-
ко печку, На полати взобралась И тихонько
улеглась.

Час обеда приближался, Топот по двору
раздался: Входят семь богатырей, Семь румя-
ных усачей. Старший молвил: "Что за диво!
Все так чисто и красиво. Кто-то терем приби-
рал Да хозяев поджидал. Кто же? Выдь и пока-
жися, С нами честно подружися. Коль ты ста-
рый человек, Дядей будешь нам навек. Коли
парень ты румяный, Братец будешь нам на-
званный. Коль старушка, будь нам мать, Так и
станем величать. Коли красная девица, Будь
нам милая сестрица".

И царевна к ним сошла, Честь хозяям отда-
ла, В пояс низко поклонилась; Закраснев-
шись, извинилась, Что-де в гости к ним за-
шла, Хоть звана и не была. Вмиг по речи те
спознали, Что царевну принимали; Усадили в
уголок, Подносили пирожок; Рюмку полную на-
ливали, На подносе подавали. От зеленого ви-
на Отрекалася она; Пирожок лишь разломи-

ла, Да кусочек прикусила, И с дороги отды-
хаться Отпросилась на кровать. Отвели они де-
вицу Вверх во светлую светлицу И оставили
одну, Отходящую ко сну.

День за днем идет, мелькая, А царевна мо-
лодая Все в лесу, не скучно ей У семи богаты-
рей. Перед утренней зарею Братья дружною
толпою Выезжают погулять, Серых уток по-
стрелять, Руку правую потешить, Сорочина в
поле спешить, Иль башку с широких плеч У
татарина отсечь, Или вытравить из леса Пя-
тигорского черкеса. А хозяйюшкой она В тере-
му меж тем одна Приберет и приготовит. Им
она не прекословит, Не перечут ей они. Так
идут за днями дни.

Братья милую девицу Полюбили. К ней в
светлицу Раз, лишь только рассвело, Всех их
семеро вошло. Старший молвил ей: "Девица,
Знаешь: всем ты нам сестрица, Всех нас семе-
ро, тебя Все мы любим, за себя Взять тебя мы
все бы ради, Да нельзя, так бога ради Помири
нас как-нибудь: Одному женою будь, Прочим
ласковой сестрою. Что ж качаешь головою?
Аль отказываешь нам? Аль товар не по куп-
цам?"

"Ой вы, молодцы честные, Братцы вы мои родные, Им царица говорит, Коли лгу, пусть бог велит Не сойти живой мне с места. Как мне быть? ведь я невеста. Для меня вы все равны, Все удалы, все умны, Всех я вас люблю сердечно; Но другому я навечно Отдана. Мне всех милей Королевич Елисей".

Братья молча постояли Да в затылке почесали. "Спрос не грех. Прости ты нас, Старший молвил поклонясь, Коли так, не заикнуса Уж о том". - "Я не сержуся, Тихо молвила она, И отказ мой не вина". Женихи ей поклонились, Потихоньку удалились, И согласно все опять Стали жить да поживать.

Между тем царица злая, Про царевну вспоминая, Не могла простить ее, А на зеркальце свое Долго дулась и сердилась; Наконец об нем хватилась И пошла за ним, и, сев Перед ним, забыла гнев, Красоваться снова стала И с улыбкою сказала: "Здравствуй, зеркальце! скажи Да всю правду доложи: Я ль на свете всех милее, Всех румяней и белее?" И ей зеркальце в ответ: "Ты прекрасна, спору нет; Но живет без всякой славы, Средь зеленыя дубравы, У семи богатырей Та, что все ж тебя ми-

лей". И царица налетела На Чернавку: "Как ты смела Обмануть меня? и в чем!.." Та призналася во всем: Так и так. Царица злая, Ей рогаткой угрожая, Положила иль не жить, Иль царевну погубить.

Раз царевна молодая, Милых братьев поджидая, Пряла, сидя под окном. Вдруг сердито под крыльцом Пес залаял, и девица Видит: нищая черница Ходит по двору, клюкой Отгоня пса. "Постой, Бабушка, постой немножко, Ей кричит она в окошко, Пригрожу сама я псу И кой-что тебе снесу". Отвечает ей черница: "Ох ты, дитяtko девица! Пес проклятый одолел, Чуть до смерти не заел. Посмотри, как он хлопочет! Выдь ко мне". - Царевна хочет Выдти к ней и хлеб взяла, Но с крылечка лишь сошла, Пес ей под ноги - и лает, И к старухе не пускает; Лишь пойдет старуха к ней, Он, лесного зверя злей, На старуху. "Что за чудо? Видно, выпался он худо, Ей царевна говорит: На ж, лови!" - и хлеб летит. Старушонка хлеб поймала: "Благодарствую, - сказала. Бог тебя благослови; Вот за то тебе, лови!" И к царевне наливное, Молодое, золотое, Прямо яблочко летит... Пес как прыгнет, завизжит... Но ца-

ревна в обе руки Хватъ - поймала. "Ради скуки
Кушай яблочко, мой свет. Благодарствуй за
обед". Старушоночка сказала, Поклонилась и
пропала... И с царевной на крыльцо Пес бе-
жит и ей в лицо Жалко смотрит, грозно воеет,
Словно сердце песье ноет, Словно хочет ей
сказать: Брось! - Она его ласкать, Треплет
нежною рукою; "Что, Соколко, что с тобою?
Ляг!" - и в комнату вошла, Дверь тихонько за-
перла, Под окно за пряжу села Ждать хозяев, а
глядела Все на яблоко. Оно Соку спелого пол-
но, Так свежо и так душисто, Так румяно-золо-
тисто, Будто медом налилось! Видны семечки
насквозь... Подождать она хотела До обеда; не
стерпела, В руки яблочко взяла, К алым губ-
кам поднесла, Потихоньку прокусила И кусо-
чек проглотила... Вдруг она, моя душа, Пошат-
нулась не дыша, Белы руки опустила, Плод
румяный уронила, Закатилися глаза, И она
под образа Головой на лавку пала И тиха,
недвижна стала...

Братья в ту пору домой Возвращались тол-
пой С молодецкого разбоя. Им на встречу,
грозно воя, Пес бежит и ко двору Путь им ка-
жет. "Не к добру! Братья молвили: - печали Не

минуем". Прискакали, Входят, ахнули. Вбежав, Пес на яблоко стремглав С лаем кинулся, озлился, Проглотил его, свалился И издох. Напоено Было ядом, знать, оно. Перед мертвою царевной Братья в горести душевной Все поникли головой, И с молитвою святой С лавки подняли, одели, Хоронить ее хотели И раздумали. Она, Как под крылышком у сна, Так тиха, свежа лежала, Что лишь только не дышала. Ждали три дня, но она Не восстала ото сна. Сотворив обряд печальный, Вот они во гроб хрустальный Труп царевны молодой Положили - и толпой Понесли в пустую гору, И в полночную пору Гроб ее к шести столбам На цепях чугунных там Осторожно привинтили И решеткой оградили; И, пред мертвою сестрой Сотворив поклон земной, Старший молвил: "Спи во гробе; Вдруг погасла, жертвой злобе, На земле твоя краса; Дух твой примут небеса. Нами ты была любима И для милого хранима Не досталась никому, Только гробу одному".

В тот же день царица злая, Доброй вести ожидая, Втайне зеркальце взяла И вопрос свой задала: "Я ль, скажи мне, всех милее,

Всех румяней и белее?" И услышала в ответ: "Ты, царица, спору нет, Ты на свете всех милее, Всех румяней и белее".

За невестою своей Королевич Елисей Между тем по свету скачет. Нет как нет! Он горько плачет, И кого ни спросит он, Всем вопрос его мудрен; Кто в глаза ему смеется, Кто скорее отвернется; К красну солнцу наконец Обратился молодец. "Свет наш солнышко! Ты ходишь Круглый год по небу, сводишь Зиму с теплою весной, Всех нас видишь под собой. Аль откажешь мне в ответе? Не видало ль где на свете Ты царевны молодой? Я жених ей". - "Свет ты мой, Красно солнце отвечало, Я царевны не видало. Знать ее в живых уж нет. Разве месяц, мой сосед, Где-нибудь ее да встретил Или след ее заметил".

Темной ночи Елисей Дождался в тоске своей. Только месяц показался, Он за ним с мольбой погнался. "Месяц, месяц, мой дружок, Позолоченный рожок! Ты встаешь во тьме глубокой, Круглолицый, светлоокий, И, обычай твой любя, Звезды смотрят на тебя. Аль откажешь мне в ответе? Не видал ли где на свете Ты царевны молодой? Я жених ей". -

"Братец мой, Отвечает месяц ясный, Не видал я девы красной. На стороже я стою Только в очередь мою. Без меня царевна, видно, Пробежала". - "Как обидно!" Королевич отвечал. Ясный месяц продолжал: "Погоди; об ней, быть может, Ветер знает. Он поможет. Ты к нему теперь ступай, Не печалься же, прощай".

Елисей, не унывая, К ветру кинулся, взывая: "Ветер, ветер! Ты могуч, Ты гоняешь стаи туч, Ты волнуешь сине море, Всюду веешь на просторе, Не боишься никого, Кроме бога одного. Аль откажешь мне в ответе? Не видали где на свете Ты царевны молодой? Я жених ее". - "Постой, Отвечает ветер буйный, Там за речкой тихоструйной Есть высокая гора, В ней глубокая нора; В той норе, во тьме печальной, Гроб качается хрустальный На цепях между столбов. Не видать ничьих следов Вкруг того пустого места; В том гробу твоя невеста".

Ветер дале побежал. Королевич зарыдал И пошел к пустому месту, На прекрасную невесту Посмотреть еще хоть раз. Вот идет; и поднялась Перед ним гора крутая; Вкруг нее страна пустая; Под горою темный вход. Он туда

скорей идет. Перед ним, во мгле печальной,
Гроб качается хрустальный, И в хрустальном
гробе том Спит царевна вечным сном. И о
гроб невесты милой Он ударился всей силой.
Гроб разбился. Дева вдруг Ожила. Глядит во-
круг Изумленными глазами, И, качаясь над
цепями, Привздохнув, произнесла: "Как же
долго я спала!" И встает она из гроба... Ах!.. и
зарыдали оба. В руки он ее берет И на свет из
тьмы несет, И, беседуя приятно, В путь пуска-
ются обратно, И трубит уже молва: Дочка цар-
ская жива!

Дома в ту пору без дела Злая мачеха сидела
Перед зеркальцем своим И беседовала с ним.
Говоря: "Я ль всех милее, Всех румяней и бе-
лее?" И услышала в ответ: "Ты прекрасна, сло-
ва нет, Но царевна все ж милее, Все румяней
и белее". Злая мачеха, вскочив, Об пол зер-
кальце разбив, В двери прямо побежала И ца-
ревну повстречала. Тут ее тоска взяла, И ца-
рица умерла. Лишь ее похоронили, Свадьбу
тотчас учинили, И с невестою своей Обвен-
чался Елисей; И никто с начала мира Не ви-
дал такого пира; Я там был, мед, пиво пил, Да
усы лишь обмочил.

СКАЗКА О ЗОЛОТОМ ПЕТУШКЕ

Негде, в тридевятом царстве, В тридесятом государстве, Жил-был славный царь Дадон. С молоду был грозен он И соседям то и дело Наносил обиды смело; Но под старость захотел Отдохнуть от ратных дел И покой себе устроить. Тут соседи беспокоить Стали старого царя, Страшный вред ему творя. Чтоб концы своих владений Охранять от нападений, Должен был он содержать Многочисленную рать. Воеводы не дремали, Но никак не успевали: Ждут, бывало, с юга, глядь, Ан с востока лезет рать. Справят здесь, - лихие гости Идут от моря. Со злости Инда плакал царь Дадон, Инда забывал и сон. Что и жизнь в такой тревоге! Вот он с просьбой о помощи Обратился к мудрецу, Звездочету и скопцу. Шлет за ним гонца с поклоном.

Вот мудрец перед Дадоном Стал и вынул из мешка Золотого петушка. "Посади ты эту птицу, Молвил он царю, - на спицу; Петушок мой золотой Будет верный сторож твой: Коль кругом все будет мирно, Так сидеть он будет смирно; Но лишь чуть со стороны Ожидать тебе войны, Иль набега силы бранной, Иль

другой беды незваной, Вмиг тогда мой петушок Приподымет гребешок, Закричит и встрепенется И в то место обернется". Царь скопца благодарит, Горы золота сулит. "За такое одолженье, Говорит он в восхищенье, Волю первую твою Я исполню, как мою".

Петушок с высокой спицы Стал стеречь его границы. Чуть опасность где видна, Верный сторож как со сна Шевельнется, встрепенется, К той сторонке обернется И кричит: "Кири-ку-ку. Царствуй, лежа на боку!" И соседи присмирели, Воевать уже не смели: Таковой им царь Дадон Дал отпор со всех сторон!

Год, другой проходит мирно; Петушок сидит все смирно. Вот однажды царь Дадон Страшным шумом пробужден: "Царь ты наш! отец народа! Возглашает воевода, Государь! проснись! беда!" - Что такое, господа? Говорит Дадон, зевая: А?.. Кто там?.. беда какая? Воевода говорит: "Петушок опять кричит; Страх и шум во всей столице". Царь к окошку, - ан на спице, Видит, бьется петушок, Обратившись на восток. Медлить нечего: "Скорее! Люди, на конь! Эй, живее!" Царь к востоку войско шлет, Старший сын его ведет. Петушок угомонился,

Шум утих, и царь забылся.

Вот проходит восемь дней, А от войска нет вестей; Было ль, не было ль сраженья, Нет Дадону донесенья. Петушок кричит опять. Кличет царь другую рать; Сына он теперь меньшого Шлет на выручку большого; Петушок опять утих. Снова вести нет от них! Снова восемь дней проходят; Люди в страхе дни проводят; Петушок кричит опять, Царь скликает третью рать И ведет ее к востоку, Сам не зная, быть ли проку.

Войска идут день и ночь; Им становится невмочь. Ни побоища, ни стана, Ни надгробного кургана Не встречает царь Дадон. "Что за чудо?" - мыслит он. Вот осьмой уж день проходит, Войско в горы царь приводит И промеж высоких гор Видит шелковый шатер. Все в безмолвии чудесном Вкруг шатра; в ущелье тесном Рать побитая лежит. Царь Дадон к шатру спешит... Что за страшная картина! Перед ним его два сына Без шоломов и без лат Оба мертвые лежат, Меч вонзивши друг во друга. Бродят кони их средь луга, По притоптанной траве, По кровавой мураве... Царь завыл: "Ох дети, дети! Горе мне! попались в се-

ти Оба наши сокола! Горе! смерть моя пришла". Все завывли за Дадонем, Застонала тяжким стоном Глубь долин, и сердце гор Потряслось. Вдруг шатер Распахнулся... и девица, Шамаханская царица, Вся сияя как заря, Тихо встретила царя. Как пред солнцем птица ночи, Царь умолк, ей глядя в очи, И забыл он перед ней Смерть обоих сыновей. И она перед Дадонем Улыбнулась - и с поклоном Его за руку взяла И в шатер свой увела. Там за стол его сажала, Всяким яством угощала; Уложила отдыхать На парчовую кровать. И потом, неделю ровно, Покорясь ей безусловно, Околдован, восхищен, Пировал у ней Дадон

Наконец и в путь обратный Со своею силой ратной И с девицей молодой Царь отправился домой. Перед ним молва бежала, Быль и небыль разглашала. Под столицей, близ ворот, С шумом встретил их народ, Все бегут за колесницей, За Дадонем и царицей; Всех приветствует Дадон... Вдруг в толпе увидел он, В сарачинской шапке белой, Весь как лебедь поседелый, Старый друг его, скопец. "А, здорово, мой отец, Молвил царь ему, - что скажешь? Подь поближе! Что прикажешь?" -

Царь! - отвечает мудрец, Разочтемся наконец. Помнишь? за мою услугу Обещался мне, как другу, Волю первую мою Ты исполнить, как свою. Подари ж ты мне девицу, Шамаханскую царицу. Крайне царь был изумлен. "Что ты? - старцу молвил он, Или бес в тебя ввернулся, Или ты с ума рехнулся? Что ты в голову забрал? Я, конечно, обещал, Но всему же есть граница. И зачем тебе девица? Полно, знаешь ли кто я? Попроси ты от меня Хоть казну, хоть чин боярской, Хоть коня с конюшней царской, Хоть пол-царства моего". - Не хочу я ничего! Подари ты мне девицу, Шамаханскую царицу, Говорит мудрец в ответ. Плюнул царь: "Так лих же: нет! Ничего ты не получишь. Сам себя ты, грешник, мучишь; Убейся, цел пока; Оттащите старика!" Старичок хотел заспорить, Но с иным накладно вздорить; Царь хватил его жезлом По лбу; тот упал ничком, Да и дух вон. - Вся столица Содрогнулась, а девица Хи-хи-хи! да ха-ха-ха! Не боится, знать, греха. Царь, хоть был встревожен сильно, Усмехнулся ей умильно. Вот въезжает в город он... Вдруг раздался легкой звон, И в глазах у всей столицы Петушок

спорхнул со спицы, К колеснице полетел И царю на темя сел, Встрепенулся, клюнул в темя И взвился... и в то же время С колесницы пал Дадон Охнул раз, - и умер он. А царица вдруг пропала, Будто вовсе не бывало. Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок.

НЕЗАВЕРШЕННОЕ, ПЛАНЫ, ОТРЫВКИ, НАБРОСКИ

Поэмы

МОНАХ

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ СВЯТОЙ МОНАХ, ГРЕХОПАДЕНИЕ, ЮБКА

Хочу воспеть, как дух нечистый ада Оседлан был брадытым стариком; Как овладел он черным клубуком, Как он втокнул Монаха грешных в стадо.

Певец любви, фернейский старичок, К тебе, Вольтер, я ныне обращаюсь. Куда, скажи, девался твой смычок, Которым я в Жан д'Арке восхищаюсь, Где кисть твоя, скажи, ужели век Их ни один не найдет человек? Вольтер! Султан французского Парнаса, Я не хочу седлать коня Пегаса, Я не хочу из муз наделать дам, Но дай лишь мне твою златую лиру, Я бу-

ду с ней всему известен миру. Ты хмуришься и говоришь: "Не дам". А ты поэт, проклятый Аполлоном, Испачкавший простенки кабаков, Под Геликон упавший в грязь с Вильоном, Не можешь ли ты мне помочь, Барков? С усмешкою даешь ты мне скрипицу, Сулишь вино и музу пол-девицу: "Последуй лишь примеру моему". Нет, нет, Барков! скрипицы не возьму, Я стану петь, что в голову придется, Пусть как-нибудь стих за стихом польется.

Невдалеке от тех прекрасных мест, Где дерзостный восстал Иван-великой, На голове златой носящий крест, В глуши лесов, в пустыне мрачной, дикой, Был монастырь; в глухих его стенах Под старость лет один седой Монах Святым житьем, молитвами спасался И дней к концу спокойно приближался. Наш труженик не слишком был богат, За пышность он не мог попасться в ад. Имел кота, имел псалтирь и четки, Клобук, стихарь да штоф зеленой водки. Взошедши в дом, где мирно жил Монах, Не золота увидели б вы горы, Не мармор там прельстил бы ваши взоры, Там не висел Рафаель на стенах. Увидели б вы стул об трех ногах, Да в уголку скамейка в пол-арши-

на, На коей спал и завтракал Монах. Там пуховик над лавкой не вздувался. Хотя монах, он в пухе не валялся Меж двух простынь на мягких тюфяках. Весь круглый год святой отец постился, Весь божий день он в келье провождал, "Помилуй мя" в полголоса читал, Ел плотно, спал и всякий час молился.

А ты, Монах, мятежный езуит! Красней теперь, коль ты краснеть умеешь, Коль совести хоть капельку имеешь; Красней и ты, богатый Кармелит, И ты стыдись, Печерской Лавры житель, Сердец и душ смиренный повелитель... Но, лира! стой! - Далеко занесло Уже меня противу рясок рвенье; Бесить попов не наше ремесло.

Панкратий жил счастлив в уединенье, Надеялся увидеть вскоре рай, Но ни один земли безвестный край Защитить нас от дьявола не может. И в тех местах, где черный сатана Под стражею от злости когти гложет, Узнали вдруг, что разгорожена К монастырям свободная дорога. И вдруг толпой все черти поднялись, По воздуху на крыльях понеслись Иной в Париж к плешивым картезианцам. С копейками, с червонцами полез, Тот в Ватикан к

брюхатым итальянцем Бургонского и макарони нес; Тот девкою с прелатом повалился, Тот молодцом к монашенкам пустился. И слышал я, что будто старый поп, Одной ногой уже вступивший в гроб, Двух молодых венчал перед налоем. Черт прибежал амуров с целым роем, И вдруг дьячок на крылосе всхрапел, Поп замолчал - на девицу глядел, А девица на дьякона глядела. У жениха кровь сильно закипела, А бес всех их к себе же в ад повел.

Уж темна ночь на небеса всходила, Уж в городах утих вседневный шум, Луна в окно Монаха осветила. В молитвенник весь устремивший ум, Панкратий наш Николы пред иконой Со вздохами земные клал поклоны. Пришел Молок (так дьявола зовут), Панкратия под черной ряской скрылся. Святой Монах молился уж, молился, Вздыхал, вздыхал, а дьявол тут как тут. Бьет час, Молок не хочет отцепиться, Бьет два, бьет три - нечистый все сидит. "Уж будешь мой", - он сам с собой ворчит. А наш старик уж перестал креститься, На лавку сел, потер глаза, зевнул, С молитвою три раза протянулся, Зевнул опять, и... чуть-

чуть не заснул. Однако ж нет! Панкратий вдруг проснулся, И снова бес Монаха соблазнять, Чтоб усыпить, Боброва стал читать. Монах скучал, Монах тому дивился. Век не зевал, как богу он молился. Но - нет уж сил; кресты, псалтирь, слова, Все позабыл; седая голова, Как яблоко, по груди покатила, Со лбу рука в колени опустилась, Молитвенник упал из рук под стол, Святой вздремал, всхрапел, как старый вол.

Несчастный! спи... Панкратий вдруг проснулся, Взад и вперед со страхом оглянулся, Перекрестясь с постели он встает. Глядит вокруг - светильня нагорела; Чуть слабый свет вокруг себя лиет; Что-то в углу как будто забелело. Монах идет - что ж? юбку видит он.

"Что вижу я!.. иль это только сон? Вскричал Монах, остолбенев, бледнея. Как! это что?.." - и, продолжать не смея, Как вкопанный, пред белой юбкой стал, Молчал, краснел, смущался, трепетал.

Огню любви единственна преграда, Любownika сладчайшая награда И прелестей единственный покров, О юбка! речь к тебе я обращаю, Строки сии тебе я посвящаю, Одушеви

перо мое, любовь!

Люблю тебя, о юбка дорогая, Когда, меня под вечер ожидая, Наталья, сняв парчовый сарафан, Тобою лишь окружит тонкий стан. Что может быть тогда тебя милее? И ты, ви-ясь вокруг прекрасных ног, Струи ручьев прозрачнее, светлее, Касаешься тех мест, где юный бог Покоится меж розой и лилеей.

Иль, как Филон, за Хлоей побежав, Прижать ее в объятия стремится, Зеленый куст тебя вдруг удержав... Она должна, стыдясь, остановиться. Но поздно все, Филон, ее догнав, С ней на траву душистую валится, И пламенна, дрожащая рука Счастливого любовью пастуха Тебя за край тихонько поднимает... Она ему взор томный осклабляет, И он... но нет; не смею продолжать. Я трепещу, и сердце сильно бьется, И, может быть, читатели, как знать? И ваша кровь с стремленьем страсти льется. Но наш Монах о юбке рассуждал Не так, как я (я молод, не пострижен И счастием нимало не обижен). Он не был рад, что юбку увидал, И в тот же час смекнул и догадался, Что в когти он нечистого попался.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ ГОРЬКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ,

СОН, СПАСИТЕЛЬНАЯ МЫСЛЬ

Покаместь ночь еще не удалилась, Покаместь свет лила еще луна, То юбка все еще была видна. Как скоро ж твердь зарею осветилась, От взоров вдруг сокрылася она.

А наш Монах, увы, лишен покоя. Уж он не спит, не гладит он кота, Не помнит он церковного наложя, Со всех сторон Панкратию беда. "Как, - мыслит он, - когда и собачонки В монастыре и духа нет моем, Когда здесь ввек не видывал юбчонки, Кто мог ее принести ко мне же в дом? Уж мнится мне... прости, владыко, в том! Уж нет ли здесь... страшусь сказать... девчонки". Монах краснел и делать что не знал. Во всех углах, под лавками искал. Все тщетно, нет, ни с чем старик остался, Зато весь день, как бледна тень, таскался, Не ел, не пил, покойно и не спал.

Проходит день, и вечер, наступая, Зажег везде лампы и свечи. Уже Монах, с главы клобук снимая, Ложился спать. Но только что лучи Луна с небес в окно его пустила И юбку вдруг на лавке осветила, Зажмурился встревоженный Монах И, чтоб не впасть кой-как во искушенья, Хотел уже навек лишиться зре-

нья, Лишь только бы на юбку не смотреть. Старик, кряхтя, на бок перевернулся И в простыню тепленько завернулся, Сомкнул глаза, заснул и стал храпеть.

Тот час Молок вдруг в муху превратился И полетел жужжать вокруг него. Летал, летал, по комнате кружился И на нос сел монаха моего. Панкратья вновь он соблазнять пустился, Монах храпит и чудный видит сон.

Казалось ему, что средь долины, Между цветов, стоит под миртом он, Вокруг него сатиров, фавнов сонм. Иной, смеясь, льет в кубок пенны вины; Зеленый плющ на черных волосах, И виноград, на голове висящий, И легкий фирз, у ног его лежащий, Все говорит, что вечно юный Вакх, Веселья бог, сатира покровитель. Другой, надув пастушечью свирель, Поет любовь, и сердца повелитель Одушевлял его веселу трель. Под липами там пляшут хороводом Толпы детей, и юношей, и дев. А далее, ветвей под темным сводом, В густой тени развесистых дерев, На ложе роз, любовью распаленны, Чуть-чуть дыша, весельем истощенны, Средь радостей и сладостных прохлад, Обнявшись любовники лежат.

Монах на все взирал смятенным оком. То на стакан он взоры обращал, То на девиц глядел чернец со вздохом, Плешивый лоб с досадою чесал Стоя, как пень, и рот в сажень разинув. И вдруг, в душе почувствовав кураж И набекрень, взъярясь, клубук надвинув, В зеленый лес, как белоусый паж, Как легкий конь, за девкою погнался.

Быстрее орла, быстрее звука лир Прелестница летела, как зефир. Но наш Монах Эол пред ней казался, Без отдыха за новой Дафной гнался. "Не дам, - ворчал, - я промаха в кольцо". Но леший вдруг, мелькнув из-за кусточка, Панкратья хватить юбочкою в лицо. И вдруг исчез приятный вид лесочка. Ручья, холмов и нимф не видит он; Уж фавнов нет, вспорхнул и Купидон, И нет следа красоточки прелестной. Монах один в степи глухой, безвестной, Нахмурия взор; темнеет небосклон, Вдруг грянул гром, Монаха поражает Панкратий: "Ах!..", - и вдруг проснулся он.

Смущенный взор он всюду обращает: На небесах, как яхонты горя, Уже восток румянила заря. И юбки нет. Панкратий встал, умылся И, помолясь, он плакать сильно стал, Сел под

окно и горько горевал. "Ах! - думал он, - почто ты прогневился? Чем виноват, владыко, пред тобой? Как грешником, вертит нечистый мной. Хочу не спать, хочу тебе молиться, Возьму псалтирь, а тут и юбка вдруг. Хочу вздремать и ночью сном забыться, Что ж снится мне? смущается мой дух. Услышь мое усердное моление, Не дай мне впасть, господь, во искушение!" Услышал бог молитвы старика, И ум его в минуту просветился. Из бедного седого простяка Панкратий вдруг в Невтоны претворился. Обдумывал, смотрел, сличал, смекнул И в радости свой опрокинул стул. И, как мудрец, кем Сиракуз спасался, По улице бежавший бос и гол, Открытием своим он восхищался И громко всем кричал: "Нашел! нашел!" "Ну! - думал он, - от бесов и юбочки Избавлюсь я - и милые девчонки Уже меня во сне не соблазнят. Я заживу опять монах-монахом, Я стану ждать последний час со страхом И с верою, и все пойдет на лад". Так мыслил он - и очень ошибался. Могущий рок, вселенной господин, Панкратием, как куклой, забавлялся.

Монах водой наполнил свой кувшин, За-

бормотал над ним слова молитвы И был готов на грозны ада битвы. Ждет юбки он - с своей же стороны Нечистый дух весь день был на работе И весь в жару, в грязи, в пыли и поте Предупредить спешил восход луны.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ ПОЙМАННЫЙ БЕС

Ах, отчего мне дивная природа Корреджио искусства не дала? Тогда б в число парнасского народа Лихая страсть меня не занесла. Чернилами я не марал бы пальцы, Не засорял бумагою чердак, И за бюро, как девица за пальцы, Стихи писать не сел бы я никак. Я кисти б взял бестрепетной рукою, И, выпив вмиг шампанского стакан, Трудиться б стал я с жаркой головою, Как Цициан иль пламенный Албан. Представил бы все прелести Натальи, На полну грудь спустил бы прядь волос, Вкруг головы венок душистых роз, Вкруг милых ног одежду резвой Тальи, Стан обхватил Киприды б пояс злат. И кистью б был счастливей я стократ!

Иль краски б взял Вернета иль Пуссина; Волной реки струилась бы холстина; На небосклон палящих, южных стран Возведши ночь с задумчивой луною, Представил бы над се-

рою скалою, Вкруг коей бьет шумящий океан,
Высокие, покрыты мохом стены; И там в вол-
нах, где дышит ветерок, На серебре, вкруг
скал блестящей пены, Зефирами колеблемый
челнок. Нарисовал бы в нем я Кантемиру, Ее
красы... и рад бы бросить лиру, От чистых муз
навек удалясь, Но Рубенсом на свет я не ро-
дился, Не рисовать, я рифмы плесть пустился.
Мартынов пусть пленяет кистью нас, А я - я
вновь взмогнул на Парнас. Исполнившись
ироискою отвагой, Опять беру чернильницу с
бумагой И стану вновь я песни продолжать.

Что делает теперь седой Панкратий? Что
делает и враг его косматый? Уж перестал Феб
землю освещать; Со всех сторон уж тени на-
летают; Туман сокрыл вид рощиц и лесов; Уж
кое-где и звездочки блистают... Уж и луна
мелькнула сквозь лесов... Ни жив, ни мертв
сидит под образами Чернец, молясь обеими
руками. И вдруг, бела, как вновь напавший
снег Москвы-реки на каменистый берег, Как
легка тень, в глазах явилась юбка... Монах
встает, как пламень покраснев, Как модинки
прелестной ала губка, Схватил кувшин, весь
гневом возгорев, И всей водой он юбку обли-

вает. О чудо!.. вмиг сей призрак исчезает И вот пред ним с рогами и с хвостом, Как серый волк, щетиной весь покрытый, Как добрый конь с подкованным копытом, Предстал Молок, дрожащий под столом, С главы до ног облитый весь водою, Закрыв себя подолом епанчи, Вращал глаза, как фонари в ночи. "Ура! - вскричал монах с усмешкой злою, Поймал тебя, подземный чародей. Ты мой теперь, не вырвешься, злодей. Все шалости заплатишь головою. Иди в бутыль, закупорю тебя, Сейчас ее в колодезь брошу я. Ага, Мамон! дрожишь передо мною". - "Ты победил, почтенный старичок, Так отвечал смиренхонько Молок. Ты победил, но будь великодушен, В гнилой воде меня не потопи. Я буду ввек за то тебе послушен, Спокойно ешь, спокойно ночью спи, Уж соблазнять тебя никак не стану". "Все так, все так, да полезай в бутыль, Уж от тебя, мой друг, я не отстану, Ведь плутни все твои я не забыл". - Прости меня, доволен будешь мною, Богатства все польют к тебе рекою, Как Банкова, я в знать тебя пущу, Достану дом, куплю тебе кареты, Придут к тебе в переднюю поты; Всех кланяться заставлю богачу, Сниму

клобук, по моде причешу. Все променяв на длинный фрак с штанами, Поскачешь ты гордиться жеребцами, Народ, смеясь, колесами давить И аглинской каретой всех дивить. Поедешь ты потеть у Шиловского, За ужином дремать у Горчакова, К Нарышкиной подправлять жилет. Потом всю знать (с министрами, с князьями Ведь будешь жить, как с кровными друзьями) Ты позовешь на пышный свой обед. "Не соблазнишь! тебя я не оставлю, Без дальних слов сейчас в бутылку иди". - Пстой, пстой, голубчик, погоди! Я жен тебе и красных дев доставлю. "Проклятый бес! как? и в моих руках Осмелился ты думать о женах! Смотри какой! но нет, работник ада, Ты не прельстишь Панкратья суетой. За все, про все готова уж награда, Расскаешься, служитель беса злой!" - Минуту дай с тобою изъясниться, Оставь меня, не будь врагом моим, Поступок сей наверно наградится, А я тебя свезу в Иерусалим. При сих словах Монах себя не вспомнил. "В Иерусалим!" - дивясь он бесу молвил. - В Иерусалим! - да, да, свезу тебя. "Ну, если так, тебя избавлю я".

Старик, старик, не слушай ты Молока,

Оставь его, оставь Иерусалим. Лишь ищет бес
поддеть святого с бока, Не связывай ты тес-
ной дружбы с ним. Но ты меня не слушаешь,
Панкратий, Берешь седло, берешь чепрак, уз-
ду. Уж под тобой, бодрится черт проклятый,
Готовится на адскую езду. Лети, старик, сев на
плеча Молока, Толкай его и в зад и под бока,
Лети, спеши в священный град востока, Но
помни то, что не на лошака Ты возложил
свои почтенны ноги. Держись, держись все-
гда прямой дороги, Ведь в мрачный ад дорога
широка.

БОВА (ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ).

Часто, часто я беседовал С болтуном стра-
ны Эллинския И не смел осиплым голосом С
Шапеленом и с Рифматовым Воспевать геро-
ев севера. Несравненного Виргилия Я читал и
перечитывал, Не стараясь подражать ему В
нежных чувствах и гармонии. Разбирал я
немца Клопштока И не мог понять премудро-
го! Не хотел я воспевать, как он; Я хочу, чтоб
меня поняли Все от мала до великого. За
Мильтоном и Камозэнсом Опасался я без крил
парить; Не дерзал в стихах бессмысленных
Херувимов жарить пушками, С сатаною оби-

тать в раю Иль святую богородицу Вместе
славить с Афродитою. Не бывал я греховодни-
ком! Но вчера, в архивах рояся, Отыскал я
книжку славную, Золотую, незабвенную, Ка-
техизис остроумия, Словом: Жанну Орлеан-
скую. Прочитал, - и в восхищении Про Бову
пою царевича.

О Вольтер! о муж единственный! Ты, кото-
рого во Франции Почитали богом неким, В
Риме дьяволом, антихристом, Обезьяною в
Саксонии! Ты, который на Радищева Кинул
было взор с улыбкою, Будь теперь моею му-
зою! Петь я тоже вознамерился, Но сравняюсь
ли с Радищевым?

Не запомню, сколько лет спустя После
рождества Спасителя, Царь Дадон со славой
царствовал В Светомире, сильном городе.
Царь Дадон венец со скипетром Не прямой
достал дорогою, Но убив царя законного, Бен-
докира Слабоумного. (Так, бывало, вернопод-
данны Величали королей своих, Если короли
беспечные Не в постеле и не ночью Почива-
ли с камергерами.) Царь Дадон не Слабоумно-
го Был достоин злого прозвища, Но тирана
неусыпного, Хотя, впрочем, не имел его. Лень

мне все его достоинства И пороки вам показывать: Вы слышали, люди добрые, О царе, что двадцать целых лет Не снимал с себя оружия, Не слезал с коня ретивого, Всюду пролетал с победою, Мир крещеный потопил в крови, Не щадил и некрещеного, И, в ничтожество низверженный Александром, грозным ангелом, Жизнь проводит в унижении И, забытый всеми, кличется Ныне Эльбы императором: Вот таков-то был и царь Дадон.

Раз, собрав бородачей совет (Безбородых не любил Дадон), На престоле пригорюнившись, Произнес он им такую речь: "Вы, которые советами Облегчили тяжесть скипетра, Уладили участь царскую (Не горька она была ему), Мудрые друзья, сподвижники! К вам прибегнуть я решаюся: Что мне делать ныне? - Слушайте".

Все привстали, важно хмурясь, Низко, низко поклонилися И, подправя ус и бороду, Сели на скамьи дубовые.

"Вам известно, - продолжал Дадон, Что искусством и неправдою Я достиг престола шаткого Бендокира Слабоумного, Сочетался с Милитрисою, Милой женкой Бендокировой, И в

темницу посадил Бову, Принца крови, сына царского. Легче, легче захватить было Слабоумного златой венец, Чем, надев венец на голову, За собою удержать его. Вот уже народ бессмысленный, Ходя в праздники по улицам, Меж собой не раз говаривал: Дай бог помочь королевичу. Ведь Бова уже не маленький, Не в отца своей головушкой, Нужды нет, что за решеткою, Он опасен моим замыслам. Что мне делать с ним? скажите мне, Не оставить ли в тюрьме его?"

Все собранье призадумалось, Все в молчанье потупили взор. То-то, право, золотой совет! Не болтали здесь, а думали: Арзамор, муж старый, опытный, Рот открыл было (советовать, Знать, хотелось поседелому), Громко крякнул, но одумался И в молчанье закусил язык. Ко лбу перст приставя тщательно, Лекарь славный, Эскулапа внук, Эзельдорф, обритый шваб, зевал, Табакеркою поскрыпывал, Но молчал, - своей премудрости Он пред всеми не показывал. Вихромах, Полкан с Дубынею, Стража трона, славны рыцари, Все сидели, будто вкопаны. Громобурь, известный силою, Но умом непроницательный, Думал,

думал и нечаянно Задремал... и захрапел в углу. Что примера лучше действует? Что людьми сильней ворочает? Вот зевнули под перчаткою Храбрый Мирозор с Ивашкою, И Полкан, и Арзамор седой... И ко груди преклонились Тихо головами буйными... Глядь, с Додоном задремал совет... Захрапели многомыслящи!

Долго спать было советникам, Если б немцу не пришлось из рук Табакерку на пол выронить. Табакерка покатила И о шпору вдруг ударила Громобуря, крепко спавшего, Загремела, раздвоилась, Отлетела в разные стороны... Храбрый воин пробуждается, Озирает все собрание... Между тем табак рассыпался, К носу рыцаря подъемлетя, И чихнул герой с досадою, Так что своды потрясаются, Окны все дрожат и сыплются, И на петлях двери хлопают... Пробуждается собрание!

"Что тут думать, - закричал герой, Царь! Бова тебе не надобен, Ну, и к черту королевича! Решено: ему в живых не быть. После, братцы, вы рассудите, Как с ним надобно разделаться". Тем и кончил: храбры воины Речи любят лаконически. "Ладно! мы тебя слушаем,

Царь промолвил, потянувшись, Завтра, други, мы увидимся А теперь ступайте все домой".

Оплошал Дадон отсрочкою. Не твердил он верно в азбуке: Не откладывай до завтраго, Что сегодня можешь выполнить. Разошлись все придворные. Ночь меж тем уже сгущалась, Царь Дадон в постелю царскую Вместе с милой лег супругою, С несравненной Милитрисою, Но спиной оборотился к ней: В эту ночь его величеству Не играть, а спать хотелось.

Милитрисина служаночка, Зоя, молодая девица, Ангел станом, взором, личиком, Белой ручкой, нежной ножкою, С госпожи сняв платье шелково, Юбку, чепчик, ленты-кружева, Все под ключ в комодѣ спрятала И пошла тихонько в девичью. Там она сама разделася, Подняла с трудом окошечко И легла в постель пуховую, Ожидая друга милого, Светозара, пажа царского: К темной ночи обещался он Из окна прыгнуть к ней в комнату. Ждет, пождет девица красная; Нет, как нет все друга милого. Чу! бьет полночь - что же. Зоинька? Видит - входят к ней в окошечко... Кто же? други ли сердца нежного? Нет! совсем не то, читате-

ли! Видит тень иль призрак старого Венценосца, с длинной шапкою, В балахоне вместо мантии, Опоясанный мочалкою, Вид невинный, взор навывкате, Рот разинул, зубы скалятся, Уши длинные, ослиные Над плечами громко хлопают; Зоя видит и со трепетом Узнает она, читатели, Бендокира Слабоумного.

Трепетна, смятенья полная, Стала на колени Зоинька, Съединила ручку с ручкою, Потупила очи ясные, Прочитала скорым шепотом То, что ввек не мог я выучить: Отче наш и Богородице, И тихохонько промолвила: "Что я вижу? Боже! Господи... О Никола! Савва мученик! Осените беззащитную. Ты ли это, царь наш батюшка? Отчего, скажи, оставил ты Ныне царствие небесное?"

Глупым смехом осветившись, Тень рекла прекрасной Зоиньке: "Зоя, Зоя, не страшись, мой свет, Не пугать тебя мне хочется, Не на то сюда явился я С того света привидением. Весело пугать живых людей, Но могу ли веселиться я, Если сына Бендокирова, Милого Бову царевича, На костре изжарят завтра же?"

Бедный царь заплакал жалобно. Больно

стало доброй девушке. "Чем могу, скажи, помочь тебе, Я во всем тебе покорствую". "Вот что хочется мне, Зоинька! Из темницы сына выручи, И сама в жилище мрачное Сядь на место королевича, Пострадай ты за невинного. Поклонюсь тебе низехонько И скажу: спасибо, Зоинька!"

Зоинька тут призадумалась: За спасибо в темну яму сесть! Это жестко ей казалось. Но, имея чувства нежные, Зоя втайне согласилась На такое предложение.

Так, ты прав, оракул Франции, Говоря, что жены, слабые Против стрел Эрота юного, Все имеют душу добрую, Сердце нежно непри- творное. "Но скажи, о царь возлюбленный! Зоя молвила покойнику: Как могу (ну, посуди ты сам) Пронестись в темницу мрачную, Где горюет твой любезный сын? Пятьдесят отборных воинов Днем и ночью стерегут его. Мне ли, слабой робкой женщине, Обмануть их очи зоркие?" "Будь покойна, случай найдется, Поклянись лишь только, милая, Не отвергнуть сего случая, Если сам тебе представится". "Я клянусь!" - сказала девица. Вмиг исчезло при- видение, Из окошка быстро вылетев, Возды-

хая тихо, Зоинька Опустила тут окошечко И,
в постеле успокоившись, Скоро, скоро сном
забылася.

ИСПОВЕДЬ

Вечерня отошла давно, Но в кельях тихо и
темно. Уже и сам игумен строгий Свои молит-
вы прекратил И кости ветхие склонил, Пере-
крестясь, на одр убогий. Кругом и сон и тиши-
на, Но церкви дверь отворена; Трепещет луч
лампады, И тускло озаряет он И темну живо-
пись икон, И позлащенные оклады.

И раздается в тишине То тяжкий вздох, то
шепот важный, И мрачно дремлет в вышине
Старинный свод, глухой и влажный.

Стоят за клиросом чернец И грешник -
неподвижны оба И шепот их, как глас из гро-
ба, И грешник бледен, как мертвец.

Монах

Несчастный - полно, перестань, Ужасна ис-
поведь злодея!

Заплачена тобою дань Тому, кто, в злобе
пламенея, Лукаво грешника блюдет И к веч-
ной гибели ведет. Смирись! опомнись! время,
время, Раскаянья покров Я разрешу тебя - гре-
хов Сложи мучительное бремя.

ПОЭМА О ГЕТЕРИСТАХ (ИОРДАКИ)

ПЛАН

Два арнаута хотят убить Александра Ипси-ланти. Иордаки убивает их - поутру Иордаки объявляет арнаутам его бегство - Он принимает начальство и идет в горы - преследуемый турками - Секу.

НАБРОСОК НАЧАЛА ПОЭМЫ

Поля и горы ночь объемлет В лесу в толпе своих Под темной сению небес

Ипсиланти дремлет

АКТЕОН

ПЛАН

Морфей влюблен в Диану - Его двор - он усыпляет Эндимиона - Диана (пр.) назначает ему свидание и находит его спящим

..... Актеон это узнает от Феоны, ищет Диану, не спит - наконец видит Диану в источнике.

Актеон, un fat, apres avoir seduit Theone Naiade, lui demande l'histoire scandaleuse de Diane - Theone medit Morphee etc. etc. Актеон voit Diane, en devient amoureux, la trouve au bain, meurt dans la grote de Theone - 1)

НАБРОСОК НАЧАЛА ПОЭМЫ

В лесах Гаргафии счастливой За ланью
быстрой и пугливой Стремился долго Актеон.
Уже на тихий небосклон Восходит бледная
Диана, И в сумраке пускает он Последнюю
стрелу колчана.

ВАДИМ

Свод неба мраком обложился; В волнах ва-
ряжских лунный луч, Сверкая меж вечерних
туч, Столпом неровным отразился. Качаясь,
лебедь на волне Заснул, и все кругом почило;
Но вот по темной глубине Стремится белое
ветрило, И блещет пена при луне; Летит испу-
ганная птица, Услыша близкий шум весла.
Чей это парус? Чья десница Его во мраке на-
прягла?

Их двое. На весло нагбенный, Один, сми-
ренный житель волн, Гребет и к югу правит
челн; Другой, как волхвом пораженный, Сто-
ит недвижим; на берега Глаза вперив, не мол-
вит слова, И через челн его нога Перешагнуть
уже готова. Плывут...

"Причаливай, старик! К утесу правь", - и в
волны вмиг Прыгнул пловец нетерпеливый И
берегов уже достиг. Меж тем, рукой нетороп-
ливой Другой ветрило опустив, Свой челн к

утесу пригоняет, К подошвам двух союзных
ив Узлом надежным укрепляет И входит мед-
ленной стопой На берег дикий и крутой. Кре-
мень звучит, и пламя вскоре Далеко осветило
море. Суровый край! Громады скал На берегу
стоят угрюмом; Об них мятежный бьется вал
И пена плещет; сосны с шумом Качают ста-
рые главы Над зыбкой пеленой пучины; Кру-
гом ни цвета, ни травы, Песок да мох; скалы,
стремнины, Везде хранят клеймо громов И
след потоков истощенных, И тлеют кости -
пир волков В расселинах окровавленных. К
огню заботливый старик Простер немеющие
руки. Приметы долголетней муки, Согбенны
кости, тощий лик, На коем время углубляло
Свои последние следы, Одежда, обувь - все яв-
ляло В нем дикость, нужду и труды. Но кто же
тот? Блистает младость В его лице; как веш-
ний цвет Прекрасен он; но, мнится, радость
Его не знала с детских лет; В глазах потуплен-
ных кручина; На нем одежда славянина И на
bedре славянский меч. Славян вот очи голу-
бые, Вот их и волосы золотые, Волнами пад-
шие до плеч... Косматым рубищем одетый, Ог-
нем живительным согретый, Старик забылся

крепким сном. Но юноша, на перси руки За-
думчиво сложив крестом, Сидит с нахмурен-
ным челом.

Уста невнятные шепчут звуки. Предмет ве-
ликий, роковой Немые чувства в нем объем-
лет, Он в мыслях видит край иной, Он тайно-
му призыву внемлет...

Проходит ночь, огонь погас, Остыл и пе-
пел; вод пучина Белеет; близок утра час; Нис-
ходит сон на славянина.

Видал он дальные страны, По суше, по мо-
рю носился, Во дни былые, дни войны На за-
паде, на юге бился, Деля добычу и труды С су-
ровым племенем Одена, И перед ним врагов
ряды Бежали, как морская пена В час бури к
черным берегам. Внимал он радостным хва-
лам И арфам скальдов исступленных, В жили-
ще сильных пировал И очи дев иноплемен-
ных Красною чуждой привлекал. Но сладкий
сон не переносит Теперь героя в край чужой,
В поля, где мчится бурный бой, Где меч главы
героев косит; Не видит он знакомых скал Ки-
риаландии печальной, Ни Альбиона, где ис-
кал Кровавых сеч и славы дальней; Ему не
снится шум валов; Он позабыл морские бит-

вы, И пламя яркое костров, И трубный звук, и лай ловитвы; Другие грезы и мечты Волнуют сердце славянина: Пред ним славянская дружина, Он узнает ее щиты, Он снова простирет руки Товарищам минувших лет, Забытым в долги дни разлуки, Которых уж и в мире нет. Он видит Новгород великий, Знакомый терем с давних пор; Но тын оброс крапивой дикой, Обвиты окна повиликой, В траве заглох широкий двор. Он быстро храмин опустелых Проходит молчаливый ряд, Все мертво... нет гостей веселых, Застольны чаши не гремят. И вот высокая светлица... В нем сердце бьется: "Здесь иль нет Любовь очей, душа девица, Цветет ли здесь мой милый цвет, Найду ль ее?" - и с этим словом Он входит; что же? страшный вид! В достеле хладной, под покровом Девица мертвая лежит. В нем замер дух и взволновался. Покров приподымает он, Глядит: она! - и слабый стон Сквозь тяжкий сон его раздался... Она... она... ее черты; На персях рану обнажает. "Она погибла, - восклицает, Кто мог?.." - и слышит голос: "Ты..."

Меж тем привычные заботы Средь усладительной дремоты Тревожат душу старика: Во

сне он парус развивает, Плывет по воле ветер-
ка. Его тихонько увлекает К заливу светлая
река, И рыба вольная впадает В тяжелый
невод старика; Все тихо: море почивает, Но
туча виснет; дальний гром Над звучной без-
дною грохочет, И вот пучина под челном Ки-
пит, подъемлется, клокочет; Напрасно к вер-
ным берегам Несчастный возвратиться хочет,
Челнок трещит и - пополам! Рыбак идет на
дно морское. И, пробудясь, трепещет он, Гля-
дит окрест: брега в покое, На полусветлый
небосклон Восходит утро золотое; С дерев, с
утесистых вершин, Навстречу радостной ден-
ницы, Щебеча, полетели птицы, И рассвело -
но славянин Еще на мшистом камне дремлет,
Пылает гневом гордый лик, И сонный дви-
жется язык. Со стоном камень он объемлет...
Тихонько юношу старик Ногой толкает осто-
рожной И улетае призрак ложный С его гла-
вы, он восстает И, видя солнечный восход,
Прощаясь, старику седому Со златом руку по-
дает. "Чу, - молвил, - к берегу родному Попут-
ный ветер тебя зовет, Спеши - теперь тиха пу-
чина, Ступай, а я - мне путь иной". Старик с
веселою душой Благословляет славянина: "Да

сохранят тебя Перун, Родитель бури, царь полнощный, И Световид, и Ладо мощный; Будь здоров до гроба, долго юн, Да встретит юная супруга Тебя в веселье и слезах, Да выпьешь мед из чаши друга, А недруга низринешь в прах". Потом со скал он к челну сходит И влажный узел развязал. Надулся парус, побежал. Но старец долго глаз не сводит С крутых прибрежистых вершин, Венчаных темными лесами, Куда уж быстрыми шагами Сокрылся юный славянин.

БОВА

ПЛАНЫ

I

Зензевей осажден Маркобруном - Бова слышит и едет - ночью дерется с воинами - с Лукапером и возвращается; раненый приезжает - рассказывает свою историю - смерть Гвидона - темницу - любовницу - побег, взятие его разбойниками продан Зензевею - на другую ночь она его сажает на коня - он разбивает войско - Зензевей по наущению посылает его к Маркобруну - он обокраден волшебником - приезжает к Маркобруну - Мельчигрея влюбляется в него, предлагает руку - Бо-

ва в темнице находит меч, - к нему посылают палача, он его убивает и выходит вон - за ним погоня - он с Полканом разбивает ее Булат рассказывает ему сказки

Маркобрун в отсутствие осаждает город и берет в плен Дружневну.

Бова на море разбойничает - находит пилигрима, который отдает ему коня и 3 зелия - приезжает в царство Зензевея - оно разорено - едет к себе - убивает

II

Бова на престоле отца своего.

III

Осада - ночь на башне - бой; жених убит - невеста влюбляется, Бова проводит ночь у нее, открывает свою историю. Царь узнает и высылает вон Бову - Бова едет вон из государства - освобождает разбойника - 3 службы - старец пилигрим обкрадывает его спящего - на границах бывшего женихова удела воины его находят, приводят царю - Бова в темнице, царевна его обольщает он ее презирает - (она чародейка, старец дух, ею подосланный). Бова осужден на смерть - первая служба. Он видит корабль и едет к себе - буря - корабль разру-

шен - вторая служба - приезжает, убивает Дадона. Едет к невесте, находит пилигрима, берет у него три зелия. По сказке.

ПЕРЕЧЕНЬ ДЕЙСТВУЮЩИХ ЛИЦ

Бова Сувор Милитриса Дадон Гвидон Мельчигрея Дружневна

НАБРОСКИ НАЧАЛА ПОЭМЫ

I

Кого союзником и другом Себе ты выбрал, Зензевей, Кто будет счастливым супругом Царевны, дочери твоей Она мила, как ландыш мая, Резва, как лань Кавказских гор

II

Зачем раздался гром войны Во славном царстве Зензевея, Поля и села зажжены

III

Народ кипит, гремят народны клики Пред теремом грузинского владыки Съезжаются могучие цари, Царевичи, князья, богатыри Царь Зензевей их ласково встречает, Готовит пир - и ровно сорок дней Своих гостей он пышно угощает

МСТИСЛАВ

ПЛАНЫ

I

План. Владимир, разделив на уделы Россию, остается в Киеве; молодые богатыри со скуки разъезжаются; с ними Илья Муромец и Добрыня - печенеги нападают на Киев - Владимир посылает гонцов к сыновьям - дети его собираются - кроме Мстислава, Илья едет за ним - встречает своего сына - сражается с ним Мстислав - при нем молодые богатыри - идут на косогов - Мстислав в горах. Оставленные богатыри разъезжаются - Илья едет далее - находит его и везет к отцу - Царевна за ними едет - она пристаёт к печенегам - Сражение - de grands combats et des combats encore {1}: a) На Киев нападают соединенные народы - b) Боги языческие, изгнанные крещением, их одушевляют.

II

Илья хочет представить сына Владимиру - вместе едут

Царевна косогов влюбляется в Мстислава - Ее мать волшебница: старается заманить Мстислава, Мстислав упорствует ее прелестьям - она в сражении его увлекает - под видом косога, убившего его друга; превращается вновь. Мстислав на острове наслаждений. Го-

нец приезжает к его дружине, не застаёт его. Владимир в отчаянии.

Царевна жалуется своей матери, та обещает соединить ее с Мстиславом.

Илия в молодости обрюхатил царевну татарскую - она вышла замуж, объявила сыну, сын едет отыскивать отца.

III

Илия находит пустытника, который пророчествует ему участь России.

Мстислав увлечен чародейством в горы Кавказские.

На Россию нападают с разных сторон все враги ее.

Мстислав по вечерам видит ладью и деву.

АГАСФЕР

В еврейской хижине лампада В одном углу бледна горит, Перед лампадою старик Читает библию. Седые На книгу падают власы. Над колыбелию пустой Еврейка плачет молодая. Сидит в другом углу, главой Поникнув, молодой еврей, Глубоко в думу погруженный. В печальной хижине старушка Готовит позднюю трапезу. Старик, закрыв святую книгу, Застежки медные сомкнул. Старуха ставит бед-

ный ужин На стол и всю семью зовет. Никто
нейдет, забыв о пище. Текут в безмолвии ча-
сы. Уснуло все под сенью ночи. Еврейской хи-
жины одной Не посетил отрадный сон. На ко-
локольне городской Бьет полночь. - Вдруг ру-
кой тяжелой Стучатся к ним. Семья вздрогну-
ла, Младой еврей встает и дверь С недоуме-
нием отворяет И входит незнакомый стран-
ник. В его руке дорожный посох

КИРДЖАЛИ

В степях зеленых Буджака, Где Прут, завет-
ная река, Обходит русские владенья, При бед-
ном устье ручейка Стоит безвестное селенье.
Семействами болгары тут В беспечной дико-
сти живут, Храня родительские нравы, Пита-
ясь трудом, И не заботятся о том, Как ратобор-
ствуют державы И грозно правят их судьбой.

КАЗАЧКА И ЧЕРКЕС

ПЛАН

Станица - Терек - за водой - невеста - чер-
кес на том берегу - она назначает ему свидан-
ие - он хочет увезти ее - тревога - бабы уби-
вают молодого черкеса - берут его в плен - от-
сылают в крепость - обмен - побег девушки с
черкесом.

ОТРЫВОК ТЕКСТА

Полюби меня, девица Нет
Что же скажет вся станица?
Я с другим обручена.

Твой жених теперь далече

ЕЗЕРСКИЙ

I

Над омраченным Петроградом
Осенний ветер тучи гнал,
Дышало небо влажным хладом,
Нева шумела. Бился вал
О пристань набережной
стройной, Как челобитчик
беспокойный Об дверь
судейской. Дождь в окно
Стучал печально. Уж темно
Все становилось. В это время
Иван Езерский, мой сосед,
Вошел в свой тесный кабинет...
Однако ж род его, и племя,
И чин, и службу, и года
Вам знать не худо, господа.

II

Начнем ab ovo: {1} мой Езерский
Происходил от тех вождей,
Чей дух воинственный и зверский
Был древле ужасом морей.
Одульф, его начальник
рода, Вельми бе грозен
воевода, Гласит Софийский
хронограф. При Ольге сын
его Варлаф Приял крещение
в Цареграде С рукою греческой
княжны; От них два сына
рождены: Якуб и Дорофей.
В засаде Убит Якуб;

а Дорофей Родил двенадцать сыновей.

III

Ондрей, по прозвищу Езерский, Родил Ивана да Илью. Он в лавре схимился Печерской. Отсель фамилию свою Ведут Езерские. При Калке Один из них был схвачен в свалке, А там раздавлен, как комар, Задами тяжкими татар; Зато со славой, хоть с уроном, Другой Езерский, Елизар, Упился кровию татар Между Непрядвою и Доном, Ударя с тыла в кучу их С дружиной суздальцев своих.

IV

В века старинной нашей славы, Как и в худые времена, Крамол и смуты в дни кровавы, Блестят Езерских имена. Они и в войске и в совете, На воеводстве и в ответе Служили князям и царям. Из них Езерский Варлаам Гордыней славился боярской: За спор то с тем он, то с другим С большим бесчестьем выводим Бывал из-за трапезы царской, Но снова шел под страшный гнев, И умер, Сицких пере-сев.

V

Когда ж от Думы величавой Приял Романов свой венец, Когда под мирною державой

Русь отдохнула наконец, А наши вороги смирились, Тогда Езерские явились В великой силе при дворе. При императоре Петре... Но извините: статья может, Читатель, я вам досадил: Наш век вас верно просветил, Вас спесь дворянская не гложет, И нужды нет вам никакой До вашей книги родовой...

VI

Кто б ни был ваш родоначальник, Мстислав Удалый, иль Ермак, Или Митюшка целовальник, Вам все равно - конечно так, Вы презираете отцами, Их древней славою, правами Великодушно и умно, Вы отреклись от них давно, Прямого просвещенья ради, Гордясь, как общей пользы друг, Ценою собственных заслуг, Звездой двоюродного дяди, Иль приглашением на бал Туда, где дед ваш не бывал.

VII

Я сам - хоть в книжках и словесно Собратья надо мной трунят Я мещанин, как вам известно, И в этом смысле демократ. Но каюсь: новый Ходаковский {2}. Люблю от бабушки московской Я слушать толки о родне, Об отдаленной старине. Могучих предков правнук бедный, Люблю встречать их имена В двух-

трех строках Карамзина. От этой слабости безвредной, Как ни старался, - видит бог, Отвыкнуть я никак не мог.

VIII

Мне жаль, что сих родов боярских Бледнеет блеск и никнет дух. Мне жаль, что нет князей Пожарских, Что о других пропал и слух, Что их поносит шут Фиглярин, Что русский ветреный боярин Теряет грамоты царей, Как старый сбор календарей, Что исторические звуки Нам стали чужды, хоть спроста Из бармы лезем в tiers-etat {3}, Хоть нищи будут наши внуки, И что спасибо нам за то Не скажет, кажется, никто.

IX

Мне жаль, что мы, руке наемной Дозволя грабить свой доход, С трудом ярем заботы темной Влачим в столице круглый год, Что не живем семьею дружной В довольстве, в тишине досужной, Старея близ могил родных В своих поместьях родовых, Где в нашем тереме забытом Растет пустынная трава; Что геральдического льва Демократическим копытом У нас лягает и осел: Дух века вот куда зашел!

X

Вот почему, архивы роя, Я разобрал в до-
сужный час Всю родословную героя, О ком за-
теял свой рассказ, И здесь потомству запове-
дал. Езерский сам же твердо ведал, Что дед
его, великий муж, Имел пятнадцать тысяч
душ. Из них отцу его досталась Осьмая часть -
и та сполна Была сперва заложена, Потом в
ломбарде продавалась... А сам он жалованьем
жил И регистратором служил.

XI

Допросом музу беспокоя, С усмешкой ска-
жет критик мой: "Куда завидного героя Из-
брали вы! Кто ваш герой?" - А что? Коллеж-
ский регистратор. Какой вы строгий литера-
тор! Его пою - зачем же нет? Он мой приятель
и сосед. Державин двух своих соседов И
смерть Мещерского воспел; Певец Фелицы
быть умел Певцом их свадеб, их обедов И по-
хорон, сменивших пир, Хоть этим не смущал-
ся мир.

XII

Заметят мне, что есть же разность Между
Державиным и мной, Что красота и безобраз-
ность Разделены чертой одной, Что князь Ме-

щерский был сенатор, А не коллежский регистратор
Что лучше, ежели поэт Возьмет возвышенный предмет,
Что нет, к тому же, перевода Прямым героям;
что они Совсем не чудо в наши дни;
Иль я не этого прихода? Иль разве меж моих друзей
Двух, трех великих нет людей?

XIII

Зачем крутится ветер в овраге, Подъемлет лист и пыль несет,
Когда корабль в недвижной влаге Его дыханья жадно ждет?
Зачем от гор и мимо башен Летит орел, тяжел и страшен,
На черный пень? Спроси его. Зачем арапа своего
Младая любит Дездемона, Как месяц любит ночи мглу?
Затем, что ветру и орлу И сердцу девы нет закона.
Гордись: таков и ты, поэт, И для тебя условий нет.

XIV

Исполнен мыслями златыми, Не понимаемый никем,
Перед распутьями земными Проходишь ты, уныл и нем.
С толпой не делишь ты ни гнева, Ни нужд, ни хохота, ни рева,
Ни удивленья, ни труда. Глупец кричит: куда? куда?
Дорога здесь. Но ты не слышишь, Идешь, куда тебя влекут
Мечтанья тайные;

твой труд Тебе награда; им ты дышишь, А
плод его бросаешь ты Толпе, рабыне суеты.

XV

Скажите: экой вздор, иль bravo, Иль не ска-
жите ничего Я в том стою - имел я право Из-
брать соседа моего В герои повести смирен-
ной, Хоть человек он не военный, Не второ-
классный Дон-Жуан, Не демон - даже не цы-
ган, А просто гражданин столичный, Каких
встречаем всюду тьму, Ни по лицу, ни по уму
От нашей братьи не отличный, Довольно
смирный и простой, А впрочем, малый дело-
вой.

2) Известный любитель древностей. Прим.
А.С.Пушкина.).

ЮДИФЬ

Когда владыка ассирийский Народы каз-
нию казнил, И Олоферн весь край азийский
Его деснице покорил, Высок смиреньем тер-
пеливым И крепок верой в бога сил, Перед са-
трапом горделивым Израил выи не склонил;
Во все пределы Иудеи Проникнул трепет.
Иереи Одели вретищем алтарь; Народ завыл,
объятый страхом, Главу покрыв золой и пра-
хом, И внял ему всевышний царь.

Притек сатрап к ущельям горным И зрит:
их узкие врата Замком замкнуты непокор-
ным; Стеной, как поясом узорным, Препояса-
лась высота.

И, над тесниной торжествуя, Как муж на
страже, в тишине Стоит, белеясь, Ветилуя В
недостижимой вышине.

Сатрап смутился изумленный И гнев в нем
душу помрачил... И свой совет разноплемен-
ный Он - любопытный - спросил: "Кто сей
народ? и что их сила, И кто им вождь, и отче-
го Сердца их дерзость воспалила, И их надеж-
да на кого?.." И встал тогда сынов Аммона Во-
еначальник Ахиор И рек - и Олоферн со трона
Склонил к нему и слух и взор.

Сказки

ЦАРЬ НИКИТА И СОРОК ЕГО ДОЧЕРЕЙ

Царь Никита жил когда-то Праздно, весе-
ло, богато, Не творил добра, ни зла, И земля
его цвела. Царь трудился понемногу, Кушал,
пил, молился богу И от разных матерей При-
жил сорок дочерей. Сорок девушек прелест-
ных, Сорок ангелов небесных, Милых сердцем
и душой. Что за ножка - боже мой, А головка,
темный волос, Чудо - глазки, чудо - голос, Ум -

с ума свести бы мог. Словом, с головы до ног Душу, сердце все пленяло; Одного недоставало. Да чего же одного? Так, безделки, ничего. Ничего иль очень мало, Все равно - недоставало. Как бы это изъяснить, Чтоб совсем не рассердить Богомольной важной дуры, Слишком чопорной цензуры?

* * *

Иван-Царевич по лесам, И по полям, и по горам За бурым волком раз гонялся.

* * *

В славной в Муромской земле, В Карачарове селе Жил-был дьяк с своей дьячихой, Под конец их жизни тихой Бог отраду им послал Сына им он даровал.

* * *

Царь увидел пред собою Столик с шахматной доскою.

Вот на шахматную доску Рать солдатиков из воску Он расставил в стройный ряд. Грозно куколки сидят, Подбоченясь на лошадках, В коленкоровых перчатках, В оперенных шишачках, С палашами на плечах.

Тут лохань перед собою Приказал налить водою; Плавать он пустил по ней Тьму пре-

красных кораблей, Барок, каторог и шлюпок
Из ореховых скорлупок А прозрачные вет-
рильцы Будто бабочкины крильцы, А веревки

ОТРЫВОК ПЛАНА И ТЕКСТА СКАЗКИ О БО- ВЕ-КОРОЛЕВИЧЕ

IV

Бова, спасен Чернавкою (как в сказке).

Дадон, услыша о его славе, посылает убить
его своих витязей.

Описание двора Дадонова и его витязей.

Милитриса.

Бова со всеми ими сражается.

Красным девушкам в забаву, Добрым мо-
лодцам на славу.

ИЗ РАННИХ РЕДАКЦИИ

Поэмы

РУСЛАН И ЛЮДМИЛА

I

Из первого издания поэмы

После стиха "Когда не видим друга в нем" в
первом издании далее следовало:

Вы знаете, что наша дева Была одета в эту
ночь, По обстоятельствам, точь-в-точь Как на-
ша прабабушка Ева. Наряд невинный и про-
стой! Наряд Амура и природы! Как жаль, что

вышел он из моды! Пред изумленную княж-
ной...

После стиха "И дале продолжала путь":

О люди, странные созданья! Меж тем как
тяжкие страданья Тревожат, убивают вас,
Обеда лишь наступит час И вмиг вам жалоб-
но доносит Пустой желудок о себе И им за-
няться тайно просит. Что скажем о такой
судьбе?

После стиха "Женитьбы наши безопас-
ны...":

Мужьям, девицам молодым Их замыслы
не так ужасны. Неправ фернейский злой кри-
кун! Все к лучшему: теперь колдун Иль маг-
нетизмом лечит бедных И девушек худых и
бледных, Пророчит, издает журнал, Дела, до-
стойные похвал! Но есть волшебники другие.

Это место "Но правду возведу ли я? - И. П."
в первом издании читалось так:

Дерзну ли истину вещать? Дерзну ли ясно
описать Не монастырь уединенный, Не роб-
ких инокинь собор, Но... трепещу! в душе сму-
щенный, Дивлюсь - и потупляю взор.

Это место в первом издании читалось так:

О страшный вид! Волшебник хилый Ласка-

ет сморщенной рукой Младые прелести Людмилы; К ее пленительным устам Прильнув увядшими устами, Он, вопреки своим годам, Уж мыслит хладными трудами Сорвать сей нежный, тайный цвет, Хранимый Лелем для другого; Уже... но бремя поздних лет Тягчит бесстыдника седого Стоная, дряхлый чародей, В бессильной дерзости своей, Пред сонной девой упадает; В нем сердце ноет, плачет он, Но вдруг раздался рога звон...

Начало пятой песни, первоначально четвертой:

Как я люблю мою княжну, Мою прекрасную Людмилу, В печалях сердца тишину, Невинной страсти огонь и силу, Затеи, ветреность, покой, Улыбку сквозь немые слезы... И с этим юности златой Все нежны прелести, все розы!.. Бог весть, увижу ль наконец Моей Людмилы образец! К ней вечно сердцем улетаю... Но с нетерпеньем ожидаю Судьбой сужденной мне княжны (Подруги милой, не жены, Жены я вовсе не желаю). Но вы, Людмилы наших дней, Поверьте совести моей, Душой открытой вам желаю Такого точно жениха, Какого здесь изображаю По воле легкого сти-

ха...

После стиха: "Беда: восстали печенег!":

Злосчастный град! Увы! Рыдай, Твой светлый опустеет край, Ты станешь бранная пустыня!.. Где грозный пламенный Рогдай! И где Руслан, и где Добрыня! Кто князя-Солнце оживит!

II

Предисловие Пушкина ко второму изданию поэмы

Автору было двадцать лет от роду, когда кончил он Руслана и Людмилу. Он начал свою поэму, будучи еще воспитанником Царскосельского лицея, и продолжал ее среди самой рассеянной жизни. Этим до некоторой степени можно извинить ее недостатки.

При ее появлении в 1820 году тогдашние журналы наполнились критиками более или менее снисходительными {Одна из них пода- ла повод к эпиграмме, приписываемой К*** {4}:}. Самая пространная писана г. В. {2} и помещена в "Сыне отечества". Вслед за нею появились вопросы неизвестного {3}. Приведем из них некоторые.

"Начнем с первой песни. Commençons par

le commencement {4}.

Зачем Финн дожидался Руслана?

Зачем он рассказывает свою историю, и как может Руслан в таком несчастном положении с жадностью внимать рассказы (или по-русски рассказам) старца?

Зачем Руслан присвистывает, отправляясь в путь? Показывает ли это огорченного человека? Зачем Фарлаф с своею трусостию поехал искать Людмилы? Иные скажут: затем, чтобы упасть в грязный ров: *et puis on en rit et cela fait toujours plaisir* {5}.

Справедливо ли сравнение, стр. 46, которое вы так хвалите? {6} Случалось ли вам это видеть?

Зачем маленький карла с большою бородою (что, между прочим, совсем не забавно) приходил к Людмиле? Как Людмиле пришла в голову странная мысль схватить с колдуна шапку (впрочем, в испуге чего не наделаешь?) и как колдун позволил ей это сделать?

Каким образом Руслан бросил Рогдая как ребенка в воду, когда

Они схватились на конях; Их члены злобой сведены; Объяты, молча, косте-

неют, и проч.? Не знаю, как Орловский {7} нарисовал бы это.

Зачем Руслан говорит, увидевши поле битвы (которое совершенный *hors d'oeuvre* {8}), зачем говорит он:

О поле, поле! кто тебя Усеял мертвыми костями? Зачем же, поле, смолкло ты И поросло травой забвенья?..
Времен от вечной темноты, Быть может, нет и мне спасенья! и проч.? Так ли говорили русские богатыри? И похож ли Руслан, говорящий о траве забвенья и вечной темноте времени, на Руслана, который чрез минуту после восклицает с важностью сердитой:

Молчи, пустая голова!

. Хоть лоб широк, да мозгу мало! Я еду, еду, не свищу, А как наеду, не спущу! Знай наших! и проч.?

Зачем Черномор, доставши чудесный меч, положил его на поле, под головою брата? Не лучше ли бы было взять его домой?

Зачем будить двенадцать спящих дев и поселять их в какую-то степь, куда, не знаю как, заехал Ратмир? Долго ли он пробыл там? Куда поехал? Зачем сделался рыбаком? Кто такая

его новая подруга? Вероятно ли, что Руслан, победив Черномора и пришед в отчаяние, не найдя Людмилы, махал до тех пор мечом, что сшиб шапку с лежащей на земле супруги?

Зачем карла не вылез из котомки убитого Руслана? Что предвещает сон Руслана? Зачем это множество точек после стихов:

Шатры белеют на холмах?

Зачем, разбирая Руслана и Людмилу, говорить об Илиаде и Энеиде? Что есть общего между ними? Как писать (и, кажется, серьезно), что речи Владимира, Руслана, Финна и проч. нейдут в сравнение с Омеровыми? Вот вещи, которых я не понимаю и которых многие другие также не понимают. Если вы нам объясните их, то мы скажем: *cujusvis hominis est errare: nullius, nisi insipientis, in errore perseverare* (Philippic, XII, 29)".

Tes pourquoi, dit le dieu, ne finiront jamais {10}.

Конечно, многие обвинения сего допроса основательны, особенно последний. Некто взял на себя труд отвечать на оные {11}. Его антикритика остроумна и забавна.

Впрочем, нашлись рецензенты совсем ино-

го разбора. Например, в "Вестнике Европы", э 11, 1820, мы находим следующую благонамеренную статью {12}.

"Теперь прошу обратить ваше внимание на новый ужасный предмет, который, как у Камоэнса Мыс бурь, выходит из недр морских и показывается посреди океана российской словесности. Пожалуйте напечатайте мое письмо: быть может, люди, которые грозят нашему терпению новым бедствием, опомнятся, рассмеются - и оставят намерение сделаться изобретателями нового рода русских сочинений.

Дело вот в чем: вам известно, что мы от предков получили небольшое бедное наследство литературы, т. е. сказки и песни народные. Что о них сказать? Если мы бережем старинные монеты, даже самые безобразные, то не должны ли тщательно хранить и остатки словесности наших предков? Без всякого сомнения. Мы любим воспоминать все, относящееся к нашему младенчеству, к тому счастливому времени детства, когда какая-нибудь песня или сказка служила нам невинною забавой и составляла все богатство познаний.

Видите сами, что я не прочь от соби́рания и изыскания русских сказок и песен; но когда узнал я, что наши словесники приняли старинные песни совсем с другой стороны, громко закричали о величии, плавности, силе, красотах, богатстве наших старинных песен, начали переводить их на немецкий язык и, наконец, так влюбились в сказки и песни, что в стихотворениях XIX века заблистали Ерусланы и Бовы на новый манер; то я вам слуга покорный.

Чего доброго ждать от повторения более жалких, нежели смешных лепетаний?.. Чего ждать, когда наши поэты начинают пародировать Киршу Данилова?

Возможно ли просвещенному или хоть немного сведущему человеку терпеть, когда ему предлагают новую поэму, писанную в подражание Еруслану Лазаревичу? Извольте же заглянуть в 15 и 16 э "Сына Отечества". Там неизвестный пиит на образчик выставляет нам отрывок из поэмы своей Людмила и Руслан (не Еруслан ли?). Не знаю, что будет содержать целая поэма; но образчик хоть кого выведет из терпения. Пиит оживляет му-

жичка сам с ноть, а борода с локоть, прида-
ет ему еще бесконечные усы ("С. От.", стр. 121),
показывает нам ведьму, шапочку-невидимку
и проч. Но вот что всего драгоценнее: Руслан
наезжает в поле на побитую рать, видит бога-
тырскую голову, под которою лежит меч-кла-
денец; голова с ним разглагольствует, сража-
ется... Живо помню, как все это, бывало, я слу-
шал от няньки моей; теперь на старости спо-
добился вновь то же самое услышать от по-
этов нынешнего времени!.. Для большей точ-
ности, или чтобы лучше выразить всю пре-
lestь старинного нашего песнословия, поэт и
в выражениях уподобился Ерусланову рас-
сказчику, например:

... Шутите вы со мною Всех удавлю вас бо-
родою! Каково?..

...Объехал голову кругом И стал пред носом
молчаливо. Щекотит ноздри копием...

Картина, достойная Кирши Данилова! Да-
лее: чихнула голова, за нею и эхо чихает... Вот
что говорит рыцарь:

Я еду, еду, не свищу; А как наеду, не спу-
щу...

Потом витязь ударяет в щеку тяжелой рука-

вицей... Но увольте меня от подробного описания и позвольте спросить: если бы в Московское Благородное Собрание как-нибудь втерся (предполагаю невозможное возможным) гость с бородою, в армяке, в лаптях, и закричал бы зычным голосом: здорово, ребята! Неужели бы стали таким проказником любоваться? Бога ради, позвольте мне старику сказать публике, посредством вашего журнала, чтобы она каждый раз жмурила глаза при появлении подобных странностей. Зачем допускать, чтобы плоские шутки старины снова появлялись между нами! Шутка грубая, не одобряемая вкусом просвещенным, отвратительна, а нимало не смешна и не забавна. Dixi" {13}.

Долг искренности требует также упомянуть и о мнении одного из увенчанных, первоклассных отечественных писателей {14}, который, прочитав Руслана и Людмилу, сказал: я тут не вижу ни мыслей, ни чувства; вижу только чувственность. Другой (а может быть и тот же) {15} увенчанный, первоклассный отечественный писатель приветствовал сей первый опыт молодого поэта следующим

СТИХОМ:

Мать дочери велит на эту сказку плюнуть.
12 февраля, 1828.

Напрасно говорят, что критика легка: Я критику читал Руслана и Людмилы: Хоть у меня довольно силы, Но для меня она ужасно как тяжка.

КАВКАЗСКИЙ ПЛЕННИК

I

Первая редакция начала поэмы

КАВКАЗ

Поэма

1820

Gib meine Jugend mir zuruck.

Goethe. Faust

C'est donc fini, comme une histoire Qu'une grand'mere en ses vieux ans Vient de chercher dans sa memoire Pour la conter a ses enfants {1}.

I

Один, в глуши Кавказских гор, Покрытый буркой боевою, Черкес над шумною рекою В кустах таился. Жадный взор Он устремлял на путь далекой, Булатной шашкою сверкал И грозно в тишине глубокой Своей добычи ожидал. Товарищ верный, терпеливый, Питомец

горных табунов, Стоял недвижно конь ретивый
В тени деревьев, у берегов.

II

Прохлада веет над водами, Оделся тенью
небосклон... И вдруг пустыни мертвый сон
Прервался... пыль взвилась клубами, Гремят
колеса! Конь кипит, Черкес верхом, черкес летит...

III

Зачем, о юноша несчастный, Зачем на гибель
ты спешишь? Порывом смелости напрасной
Главы своей не защитишь! Его настигнул
враг летучий. Несчастный пал на чуждый
берег. И слабого питомца нег К горам
повлек аркан могучий. Помчался конь меж
диких гор На крыльях огненной отваги...
Все путь ему: болото, бор, Кусты, утесы и
овраги... Кровавый след за ним бежит, И гул
пустынный раздается. Седой поток пред ним
шумит, Он в глубь кипящую несется...

IV

На темной синеве небес Луна вечерняя
блеснула. Вот хаты ближнего аула Во тьме
белеют меж деревьев. С полей под желтыми
скалами Влекутся с праздными сохами Четы

медлительных волов, И глухо вторится горами Веселый топот табунов. В косматых бурках, с чубуками Черкесы дружными толпами В дыму сидели вокруг огней.

II

Из черновой рукописи поэмы После стиха "Его закованные ноги...":

Пред ним затмилась природа. Прости, надежда и свобода, Он раб...

Усталую главой К земле чужой припал он снова, Как будто в ней от скорби злой Искал приюта гробового. Не льются слезы из очей, В устах сомкнутых нет роптанья, В душе, рожденной для страстей, Стеснил он горькое страданье, И в мыслях он твердит одно: "Погиб! мне рабство суждено".

Родился он среди снегов, Но в нем пылал сокрытый пламень, В минуты счастья друг пиров, Во дни гоненья хладный камень.

После стиха: "И упоительным мечтам!":

Но поздно, поздно!.. неба ярость Меня преследует, разит, Души безвременная старость Во цвете лет меня мертвит. Вот скорбный след любви напрасной, Душевной бури след ужасный.

Во цвете невозвратных дней Минутной
бурною порою Утраченной весны моей Пле-
ненный жизнью младою, Не зная света, ни
людей, Я верил счастью: в упоенье Летели
дни мои толпой И сердце, полное мечтой,
Дремало в милом заблужденье. Я наслаждал-
ся; блеск и шум Пленяли мой беспечный ум,
Веселье чувство увлекало, Но сердце втайне
тосковало И, чуждое молодых пиров, К иному
счастью призывало. Услышал я неверный
зов, Я полюбил - и сны молодые Слетели с
изумленных вежд, С тех пор исчезли дни зла-
тые, С тех пор не ведаю надежд...

О милый друг, когда б ты знала, Когда бы
видела черты Неотразимой красоты, Когда б
ты их воображала, Но нет... словам не пере-
дать Красу души ее небесной. О, если б мог я
рассказать Ее звук чудесный! Ты плачешь?..

Но зачем об ней Тревожу я воспоминанья?
Увы, тоска без упованья Осталась от любви
моей. Она мне враг. Одни мученья Она посла-
ла мне в удел. И я отвык от наслажденья И
для любви оледенел.

Последняя отброшенная строфа "Черкес-
ской песни":

Пастух с волынкой полевой На влажный
 берег стадо гонит, Его палит полдневный
 зной, И тихий сон невольно клонит. Он спит,
 а с верною стрелой Чеченец ходит над рекой.

Из черновика окончания эпилога Смири-
 лись вы - умолкли брани, И там, где прежде
 только лани За вами пробегать могли, Торже-
 ственно при кликах славы, Князя заоблач-
 ной державы, Мы наше знамя провели.

ГАВРИЛИИАДА

Вариант стихов 403-406, сообщенный ли-
 цейским товарищем Пушкина С. Д. Комов-
 ским

Вы помните ль то розовое поле, Друзья
 мои, где красною весной, Оставляя класс, резви-
 лись мы на воле И тешились отважною борь-
 бой? Граф Брольо был отважнее, сильнее, Ко-
 мовский же - проворнее, хитрее; Не скоро мог
 решиться жаркий бой. Где вы, лета забавы
 молодой?

БРАТЯ-РАЗБОЙНИКИ

I

Заключительные стихи, не введенные в
 печатный текст

Умолк и буйной головою Разбойник в горести поник, И слез горючею рекою Свирепый оросился лик. Смеясь, товарищи сказали: "Ты плачешь! полно, брось печали, Зачем о мертвых вспоминать? Мы живы: станем пировать, Ну, потчевай сосед соседа!" И кружка вновь пошла кругом; На миг утихшая беседа Вновь оживляется вином; У всякого своя есть повесть, Всяк хвалит меткий свой кистень. Шум, крик. В их сердце дремлет совесть: Она проснется в черный день.

II

Планы поэмы "Разбойники"

1

Вечером девица плачет, подговаривает, молодцы готовы отплыть; есаул - где-то наш атаман Они плывут и поют.....

Под Астраханью разбивают корабль купеческий; он берет себе в наложницы другую - та сходит с ума, новая не любит и умирает - он пускается на все злодеяния. Есаул предает его.....

2

I. Разбойники, история двух братьев.

II. Атаман и с ним дева; хлад его etc. - песнь

на Волге

III. Купеческое судно, дочь купца

IV. Сходит с ума

III

Отрывок текста поэмы "Разбойники" На Волге в темноте ночной Ветрило бледное белеет, Бразда чернеет за кормой, Попутный ветер тихо веет. Недвижны волны, руль заснул, Плывут ребята удалые И, стоя, есаул

песню

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАН

Вступление к поэме, не вошедшее в окончательный текст

Н. Н. Р. {1}

Исполню я твое желанье, Начну обещанный рассказ. Давно, когда мне в первый раз Поведали сие преданье, Мне стало грустно; резвый ум Был омрачен невольной думой, Но скоро пылких оргий шум Развеселил мой сон угрюмый. О возраст ранний и живой, Как быстро легкой чередой Тогда сменялись впечатленья: Восторги - тихою тоской, Печаль - порывом упоенья!

ЦЫГАНЫ

I

Черновой отрывок, не вошедший в окончательную редакцию

После стиха "В шатре и тихо и темно":

Бледна, слаба, Земфира дремлет Алеко с радостью в очах Младенца держит на руках И крику жизни жадно внемлет: "Прими привет сердечный мой, Дитя любви, дитя природы, И с даром жизни дорогой Неоцененный дар свободы!.. Остайся посреди степей; Безмолвны здесь предрассужденья, И нет их раннего гоненья Над дикой люлькою твоей; Расти на воле без уроков; Не знай стеснительных палат И не меняй простых пороков На образованный разврат; Под сенью мирного забвенья Пускай цыгана бедный внук Лишен и неги просвещенья И пышной суеты наук Зато беспечен, здрав и волен, Тщеславных угрызений чужд, Он будет жизнью доволен, Не зная вечно новых нужд. Нет, не преклонит он колен Пред идолом какой-то чести, Не будет вымышлять измен, Трепеща тайно жаждой мести, Не испытает мальчик мой, Сколь жестоки пени, Сколь черств и горек хлеб чужой Сколь тяжко медленной ногой Выходить на чуждые ступени; От общества, быть может, я

Отъемлю ныне гражданина, Что нужды, - я спасаю сына, И я б желал, чтоб мать моя Меня родила в чаще леса, Или под юртой остяка, Или в расселине утеса. О, сколько б едких угрызений, Тяжелых снов, разуверений Тогда б я в жизни не узнал...

II

Проекты предисловия Пушкина к поэме

1

Долго не знали в Европе происхождения цыганов; считали их выходцами из Египта - донныне в некоторых землях и называют их египтянами. Английские путешественники разрешили наконец все недоумения - доказано, что цыгане принадлежат отверженной касте индейцев, называемых париа. Язык и то, что можно назвать их верою, - даже черты лица и образ жизни - верные тому свидетельства. Их привязанность к дикой вольности, обеспеченной бедностью, везде утомила меры, принятые правительством для преобразования праздной жизни сих бродяг, - они кочуют в России, как и в Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первых потребностей, торгуют лошадьми, водят

медведей, обманывают и крадут, женщины промышляют ворожбой, пеньем и плясками.

В Молдавии цыгане составляют большую часть народонаселения; но всего замечательнее то, что в Бессарабии и Молдавии крепостное состояние есть только между сих смиренных приверженцев первобытной свободы. Это не мешает им, однако же, вести дикую кочевую жизнь, довольно верно описанную в сей повести. Они отличаются перед прочими большей нравственной чистотой. Они не промышляют ни кражей, ни обманом. Впрочем, они так же дики, так же любят музыку и занимаются теми же грубыми ремеслами. Дань их составляет неограниченный доход супруги господаря.

2

Примечание. Бессарабия, известная в самой глубокой древности, должна быть особенно любопытна для нас:

Она Державиным воспета И славой русскою полна.

Но доньше область сия нам известна по ошибочным описаниям двух или трех путешественников. Не знаю, выдет ли когда-ни-

будь "Историческое и статистическое описание оной", составленное И. П. Липранди {1}, соединяющим ученость истинную с отличными достоинствами военного человека.

ГРАФ НУЛИН

После стиха "Не спится графу - бес не дремлет..." в рукописи следовало:

Вертится Нулин - грешный жар Его сильней, сильней объемлет, Он весь кипит как самовар, Пока не отвернула крана Хозяйка нежною рукой, Иль как отверстие волкана, Или как море над грозой, Или... сравнений под рукой У нас довольно, - но сравнений Боится мой смиренный гений: Живей без них рассказ простой. В потемках пылкий наш герой Теперь воображает живо Хозяйки взор красноречивый

После стиха "Отправился, на все готовый...":

Граф местной памяти орган Имел по Галевой примете, Он в темноте, как и при свете, Нашел бы дверь, окно, диван. Он чуть дыханье переводит, Желаньем пламенным томим (Или боязнью). Пол под ним Скрыпит. Украдкой он подходит К безмолвной спальне.

"Здесь она! Ждет, нетерпения полна, Ее склонить не будет трудно!.." Глядит, однако ж это чудно: Дверь заперта! Герой слегка Жмет ручку медную замка

После стиха "Не гладит стриженных кудрей":

К хозяйке как ему явиться, Не покраснев? Что скажет ей? Не лучше ль, мыслит, в путь пуститься? Да не готово колесо. Какая мука это все! За чьи грехи я погибаю? Но вот его позвали к чаю

ПОЛТАВА

Предисловие к первому изданию "Полтавы"

Полтавская битва есть одно из самых важных и самых счастливых происшествий царствования Петра Великого. Она избавила его от опаснейшего врага; утвердила русское владычество на юге; обеспечила новые заведения на севере и доказала государству успех и необходимость преобразования, совершаемого царем.

Ошибка шведского короля вошла в поговорку. Его упрекают в неосторожности, находят его поход на Украину безрассудным. На

критиков не угодишь, особенно после неудачи. Карл, однако ж, сим походом избегнул славной ошибки Наполеона: он не пошел на Москву. И мог ли он ожидать, что Малороссия, всегда беспокойная, не будет увлечена примером своего гетмана и не возмутится противу недавнего владычества Петра, что Левенгаупт три дня сряду будет разбит, что наконец 25 тысяч шведов, предводительствуемых своим королем, побегут перед нарвскими беглецами? Сам Петр долго колебался, избегая главного сражения, яко зело опасного дела. В сем походе Карл XII менее, нежели когда-нибудь, вверялся своему счастью; оно уступило гению Петра.

Мазепа есть одно из самых замечательных лиц той эпохи. Некоторые писатели хотели сделать из него героя свободы, нового Богдана Хмельницкого {1}. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения: память его, преданная церкви анафе-

ме, не может избежать и проклятия человечества.

Некто в романической повести {2} изобразил Мазепу старым трусом, бледнеющим перед вооруженной женщиною, изобретающим утонченные ужасы, годные во французской мелодраме и пр. Лучше было бы развить и объяснить настоящий характер мятежного гетмана, не искажая своевольно исторического лица.

31 января 1829

II

Из рукописей поэмы

После стиха "Над ним привычные права":

Убитый ею, к ней одной Стремил он
страстные желанья, И горький ропот, и меч-
танья Души кипящей и больной... Еще хоть
раз ее увидеть Безумной жаждой он горел; Ни
презирать, ни ненавидеть Ее не мог и не хо-
тел.

После стиха "Но, вихрю мыслей предана...":

"Ей-богу, - говорит она, Старуха лжет; седой
проказник Там в башне спрятался. Пойдем,
Не будем горевать о нем. Пойдем, какой сего-
дня праздник!

Народ бежит, народ поет, Пойду за ними; я на воле, Меня никто не стережет. Алтарь готов; в веселом поле Не кровь... о, нет! вино течет. Сегодня праздник. Разрешили. Жених - не крестный мой отец; Отец и мать меня простили; Идет невеста под венец..." Но вдруг, потупя взор безумный, Виденья страшного полна, "Однако ж, - говорит она,

Стихи "Кто при звездах и при луне..." и далее были первоначально написаны другим размером:

При звездах и при луне Мчится витязь на коне
Во степи необозримой. Конь бежит неутомимо
Он на север правит путь И не хочет отдохнуть
Ни в деревне, ни в дубраве, Ни при быстрой переправе.
Сабля верная блещит, Кошелек его звенит,
Конь бежит неутомимо По степи необозримой.
Деньги надобны ему, Сабля верный друг ему,
Конь ему всего дороже

ТАЗИТ

В черновике поэма имела продолжение:

Но с неприязненною думой Ему внимал старик угрюмый,
Главою белой покачал, Махнул рукой и отвечал: "Ты мой рассудок иску-

шаешь, Иль испытую, иль шутя... Какой безумец, сам ты знаешь, Отдаст любимое дитя Тому, кто в бой вступить не смеет, Кто робок даже пред рабом, Кто мстить за брата не умеет, Кто изгнан и проклят отцом? Ступай, оставь меня в покое!" Глубоко в сердце молодое Тяжелый врезался укор. Тазит сокрылся. С этих пор Ни с кем не вел он разговора И никогда на деву гор Не подымал несчастный взора. Но под отеческую сень Не возвратился сын изгнанный, Настала ночь и снова день вечер хладный и туманный по горам Он как сайгак чрез бездны скачет То Сидит печальный, одинокий...

Первоначально Пушкин задумал написать свою поэму в другом размере. От этого замысла сохранились наброски начальных стихов:

Не для тайного совета, Не для битвы до рассвета, Не для встречи кунака, Не для свадебной потехи Ночью съехались адехи К сакле старика. Хищник смелый, сын Гасуба, Вся надежда старика, Близ развалин Татартуба Пал от пули казака.

ДОМИК В КОЛОМНЕ

Первоначальный набросок вступления

Пока меня без милости бранят За цель моих стихов - иль за бесцелье, И важные особы мне твердят, Что ремесло поэта - не безделье, Что славы прочной я добьюся вряд, Что хмель хорош, но какво похмелье? И что пора б уж было мне давно Исправиться, хоть это мудроно.

Пока сердито требуют журналы, Чтоб я воспел победы россиян И написал скорее мадригалы На бой или на бегство персиян,

В ранней редакции за третьей строфой следовало:

IV

У нас война. Красавцы молодые! Вы, хрипуны (но хрип ваш приумолк), Сломали ль вы походы боевые? Видали ль в Персии Ширванский полк? Уж люди! мелочь, старички кривые, А в деле всяк из них, что в стаде волк. Все с ревом так и лезут в бой кровавый, Ширванский полк могу сравнить с октавой.

V

Поэты Юга, вымыслов отцы, Каких чудес с октавой не творили! Но мы ленивцы, робкие певцы, На мелочах мы рифмы заморили, Могучие нам чужды образцы, Мы новых стран

себе не покорили, И наших дней изнеженный
поэт Чуть смыслит свой уравнивать куплет.

VI

Ну, женские и мужеские слоги! {1}

.....

VII

Октавы трудны (взяв уловку лисью, Ска-
зать я мог, что кисел виноград). Мне, видно, с
ними над парнасской высью Век не бывать.
Не лучше ли назад Скорей вести свою дружи-
ну рысью? Уж рифмами кой-как они бренчат
Кой-как уж до конца октаву эту Я дотяну.
Стыд русскому поэту!

VIII

Но возвратиться все ж я не хочу К четырех-
стопным ямба, мере низкой. С гекзаметром...
о, с ним я не шучу: Он мне невмочь. А стих
александрійской?.. Уж не его ль себе я залу-
чу? Извивистый, проворный, длинный,
склизкой И с жалом даже - точная змия; Мне
кажется, что с ним управлюсь я.

IX

Он вынянчен был мамкою не душой (За
ним смотрел степенный Буало), Шагал он
чинно, стянут был цезурой, Но пудреной пи-

тике назло Растреплен он свободно цензурой Учение не впрок ему пошло: Нуго с товарищи, друзья натуры, Его гулять пустили без цезуры.

X

От школы прежней он уж далеко, Он предался совсем другим уставам. Как резвая покойница Жоко {2}, Александрийский стих по всем составам Развинчен, гнется, прыгает легко На диво всем парнасским костоправам Они ворчат: уймется ль негодяй? Какой повееса! экий разгильдяй!..

XI

О, что б сказал поэт законодатель {3}, Гроза несчастных, мелких рифмачей, И ты, Расин, бессмертный подражатель, Певец влюбленных женщин и царей, И ты, Вольтер, философ и ругатель, И ты, Делиль, парнасский муравей, Что б вы сказали, сей соблазн увидя, Наш век обидел вас, ваш стих обидя.

XII

У нас его недавно стали гнать (Кто первый? - можете у Телеграфа {4} Спросить и хорошенько все узнать). Он годен, говорят, для эпитафия Да можно им порою украшать Гроб-

ницы или мрамор кенотафа, До наших мод,
благодаря судьбе, Мне дела нет: беру его себе.

Сии октавы служили вступлением к шу-
точной поэме, уже уничтоженной {5}.

Восьмая строфа (с другой редакцией окон-
чания) имела в рукописи продолжение:

И табор свой писателей ватага Перенесла с
горы на дно оврага.

*

И там колышутся себе в грязи {6} Густой,
болотистой, прохладной, клейкой, Кто с жа-
бой, кто с лягушками в связи, Кто раком пя-
тится, кто вьется змейкой... Но, муза, им и в
шутку не грози Не то тебя покроем телогрей-
кой {7} Оборванной и вместо похвалы Поста-
вим в угол "Северной пчелы" {8}.

*

Иль наглою, безнравственной, мишурной
Тебя в Москве журналы прозовут, Или Газе-
тою Литературной Ты будешь призвана на
барский суд, Ведь нынче время споров, брани
бурной. Друг на друга словесники идут, Друг
друга жмут, друг друга режут, губят И хором
про свои победы трубят.

*

Читатель, можешь там глядеть на всех, Но издали и смейся то над теми, То над другими. Верх земных утех Из-за угла смеяться надо всеми. Но сам в толпу не суйся... или смех Плохой уж выйдет: шутками одними Тебя как шапками и враг и друг, Соединясь, все закидают вдруг.

*

Тогда давай бог ноги... Потому-то Здесь имя подписать я не хочу. Порой я стих повертываю круто, Все ж, видно, не впервой я им верчу, А как давно? того и не скажу-то. На критиков я еду, не свищу. Как древний богатырь - а как наеду... Что ж? поклонюсь и приглашу к обеду.

*

Покамест можете принять меня За старого, обстрелянного волка Или за молодого воробья, За новичка, в котором мало толка. У вас в шкапу, быть может, мне, друзья, Отведена особенная полка, А может быть, впервой хочу послать Свою тетрадку в мокрую печать.

*

Когда б никто меня под легкой маской (По крайней мере долго) не узнал! Когда бы за ме-

ня своей указкой Другого строго критик пощелкал, Уж то-то б неожиданной развязкой Я все журналы после взволновал! Но полно, будет ли такой мне праздник? Нас мало. Не укроется проказник.

*

А вероятно, не заметят нас, Меня, с октавами моими купно. Однако ж нам пора. Ведь я рассказ Готовил - а шучу довольно крупно И ждате напрасно заставляю вас. Язык мой враг мой: все ему доступно, Он обо всем болтать себе привык!.. Фригийский раб, на рынке взяв язык,

*

Сварил его... (у господина Копа {9} Коптят его). Езоп его потом Принес на стол... Опять! зачем Езоп Я впледел с его вареным языком В мои стихи - что вся прочла Европа, Нет нужды вновь беседовать о том. Насилу-то, рифмач я безрассудный, Отделался от сей октавы трудной.

МЕДНЫЙ ВСАДНИК

Из рукописей поэмы

После стихов "И что с Парашей будет он Дни на два, на три разлучен":

Тут он разнежился сердечно И размечтался, как поэт: "А почему ж? зачем же нет? Я небогат, в том нет сомненья, И у Парашаи нет именья, Ну что ж? какое дело нам, Ужели только богачам Жениться можно? Я устрою Себе смиренный уголок И в нем Парашу успокою. Кровать, два стула; щей горшок Да сам большой; чего мне боле? Не будем прихотей мы знать, По воскресеньям летом в поле С Парашей буду я гулять; Местечко выпрошу; Параше Препоручу хозяйство наше И воспитание ребят... И станем жить - и так до гроба Рука с рукой дойдем мы оба, И внуки нас похоронят..."

После стиха "И дома тонущий народ":

Со сна идет к окну сенатор И видит - в лодке по Морской Плывет военный губернатор. Сенатор обмер: "Боже мой! Сюда, Ванюша! стань немножко, Гляди: что видишь ты в окошко?" - Я вижу-с: в лодке генерал Плывет в ворота, мимо будки. "Ей-богу?" - Точно-с. - "Кроме шутки?" - Да так-с. - Сенатор отдохнул И просит чаю: "Слава богу! Ну! Граф наделал мне тревогу, Я думал: я с ума свихнул". Черновой набросок описания Евгения

Он был чиновник небогатый, Безродный, круглый сирота, Собою бледный, рябоватый, Без роду, племени, связей, Без денег, то есть без друзей, А впрочем, гражданин столичный, Каких встречаете вы тьму, От вас нимало не отличный Ни по лицу, ни по уму. Как все, он вел себя нестрого, Как вы, о деньгах думал много, Как вы, сгрустнув, курил табак, Как вы, носил мундирный фрак.

ЕЗЕРСКИЙ

Варианты начальных строф романа

Над Петербургом омраченным Осенний ветер тучи гнал; Нева в течение возмущенном, Шумя, неслась. Упрямый вал, Как бы проситель беспокойный, Плескал в гранит ограды стройной Ее широких берегов. Среди бегущих облаков Вечерних звезд не видно было Огонь светился в фонарях, По улицам взвивался прах И буйный вихорь выл уныло, Клубя капоты дев ночных И заглушая часовых.

*

В своем роскошном кабинете В то время Рулин молодой Сидел один при бледном свете Одной лампы; ветра вой, Волнение города глухое Да бой дождя в окно двойное, Все

мысли усыпляло в нем. Согретый дремлющим огнем, Он у чугунного камина Дремал Видений сонных перед ним Менялась тусклая картина...

*

Вбежав по ступеням отлогим Гранитной лестницы своей, В то время Волин с видом строгим Звонил у запертых дверей И трес замком нетерпеливо. Дверь отворилась, он бранчиво Андрею выговор прочел И в кабинет, ворча, пошел. Андрей принес ему две свечи. Цербер, по долгу своему Залааяв, прибежал к нему И положил ему на плечи Свои две лапы - и потом Улегся тихо под столом.

*

Порой сей поздней и печальной (В том доме, где стоял и я) Один при свете свечи сальной В конурке пятого жилья {1} Писал чиновник - скоро, смело Перо привычное скрыпело Как видно, малый был делец Работу кончив наконец, Он стал тихонько раздеваться, Задул огарок - лег в постель Под заслуженную шинель И стал мечтать...

Но может статья Захочет знать читатель мой, Кто сей чиновник молодой.

*

Порой сей поздней и печальной В том до-
ме, где стоял и я, Неся огарок свечи сальной,
В конурку пятого жилья Вошел один чинов-
ник бедный, Задумчивый, худой и бледный.
Вздыхнув, свой осмотрел чулан, Постелю,
пыльный чемодан, И стол, бумагами покры-
тый, И шкаф со всем его добром; Нашел в по-
рядке все; потом, Дымком своей сигарки сы-
тый, Разделся сам и лег в постель Под заслу-
женную шинель.

Строфы, не вошедшие в последнюю редак-
цию (строфы IV и след.)

*

Во время смуты безначальной, Когда то
лях, то гордый швед Одолевал наш край пе-
чальный, И гибла Русь от разных бед, Когда в
Москве сидели воры, А с крулем вел перего-
воры Предатель умный Салтыков, И средь
озлобленных врагов Посольство русское гада-
ло, И за Москву стоял один Нижегородский
мещанин, В те дни Езерские немало Сменили
мнений и друзей Для пользы общей (и своей).

*

Когда средь Думы величавой Приял Рома-

нов свой венец И под отеческой державой
Русь отдохнула наконец, А наши вороги сми-
рились, Тогда Езерские явились Опять в чи-
нах и при дворе. При императоре Петре Один
из них был четвертован За связь с царевичем,
другой, Его племянник молодой, Прощен и
милостью окован, Он на голландке был же-
нат И умер знатен и богат.

*

Царя не стало; государство Шаталось, буд-
то под грозой, И усмиренное боярство Его же-
лезною рукой Мятежной предалось надежде:
"Пусть будет вновь, что было прежде, Долой
кафтан кургузый. Нет! Примером нам да бу-
дет швед". Не тут-то было. Тень Петрова Сто-
яла грозно средь бояр. Бессилен немощный
удар, Что было, не восстало снова; Россию
двинули вперед Ветрила те ж, средь тех же
вод.

*

И тут Езерские возились В связи то с этим,
то с другим, На счастье Меншикова злились,
Шептали с хитрым Трубецким, И Бирон, дес-
пот непреклонный, Смирял их род неугомон-
ный, И Долгорукие князья Бывали втайне им

друзья. Матвей Арсеньевич Езерский, Случайный, знатный человек, Был очень славен в прошлый век Своим умом и злобой зверской. Имел он сына одного (Отца героя моего).

Варианты строф VI-IX (о дворянстве)

* {1}

К тому же это подражанье Поэту Байрону: наш лорд (Как говорит о нем преданье) Не только был отменно горд Высоким даром песнопенья, Но и рожденья Ламартин (Я слышал) также дворянин, Юго - не знаю

В России же мы все дворяне, Все, кроме двух иль трех, зато Мы их не ставим ни во что.

*

Мне жаль, что дома наши новы, Что выставляют стены их Не льва о мечом, не щит гербовый, А ряд лишь вывесок цветных, Что наши бабушки и деды Для назидательной беседы С жезлами, с розами, в звездах, В роброндах, в латах, париках У нас не блещут в старых рамах В простенках светлых галерей; Мне жаль, что шайка торгашей Лягает в плоских эпиграммах Святую нашу старину

Другая редакция конца строфы:

Что мы в свободе беспечальной Не знаем
жизни феодальной В своих поместьях родо-
вых Среди подручников своих, Мне жаль, что
мы, руке наемной Вверяя чистый свой доход,
С трудом в столице круглый год Влачим ярмо
неволи темной, И что спасибо нам за то Не
скажет, кажется, никто.

Варианты продолжения романа в черно-
вых рукописях

*

Он одевался нерадиво, На нем сидело все
не так, Всегда бывал застегнут криво Его зеле-
ный узкий фрак. Но надо знать, что мой чи-
новник Был сочинитель и любовник, Не толь-
ко малый деловой...

*

Во фраке очень устарелом Он молча, сидя у
бюро, До трех часов в раздумье зрелом Чинил
и пробовал перо. Вам должно знать, что мой
чиновник Был сочинитель и любовник; Свои
статьи печатал он В "Соревнователе". Влюб-
лен Он был в Коломне по соседству В одну ли-
фляндочку. Она С своею матерью одна Жила в
домишке, по наследству Доставшемся недав-
но ей От дяди Франца. Дядя сей...

Но от мещанской родословной Я вас избавлю - и займусь Моею повестью любовной, Покамest вновь не занесусь.

Сказки

СКАЗКА О ПОПЕ И О РАБОТНИКЕ ЕГО БАЛДА
ДЕ

Конспективная запись Пушкина народной сказки на этот сюжет

Поп поехал искать работника. Навстречу ему Балда. Соглашается Балда идти ему в работники, платы требует только три щелка в лоб попу. Поп радехонек, попадья говорит: "Каков будет щелк". Балда дюж и работящ, но срок уж близок, а поп начинает беспокоиться. Жена советует отослать Балду в лес к медведю, будто бы за коровой. Балда идет и приводит медведя в хлев. Поп посылает Балду с чертей оброк собирать. Балда берет пеньку, смолу да дубину, садится у реки, ударил дубиной в воду, и в воде охнуло. "Кого я там зашиб? старого али малого?" И вылез старый. - "Что тебе надо?" - "Оброк собираю". - А вот внука я к тебе пришлю с переговорами. - Сидит Балда да веревки плетет да смотрит. Бесенок выскочил. "Что ты, Балда?" - Да вот стану мо-

ре морщить, да вас чертей корчить. - Бесенок перепугался. - Тот заплатит попу оброк, кто вот эту лошадь не обнесет три раза вокруг моря. - Бесенок не мог. Балда сел верхом и объехал. "Ах, дедушка! он не только что в охапку, а то между ног обнес лошадь вокруг". Новая выдумка: "Кто прежде обежит около моря?" - "Куда тебе со мной, бесенок? да мой меньшей брат обгонит тебя, не только что я". А где-то меньшей брат? - У Балды были в мешке два зайца. Он одного пустил, бесенок, запыхавшись, обежал, а Балда гладит уже другого, приговаривая: "Устал ты, бедненький братец, три раза обежал около моря", Бесенок в отчаянье. Третий способ - дед дает ему трость - "Кто выше бросит?" Балда ждет облака, чтоб зашвырнуть ее туда и проч. Принимает оброк в бездонную шапку. Поп, видя Балду, бежит - и берет его в мешке, вместо сухарей утопляет ночью попадью вместо его - и проч.

Балда у царя. Дочь одержима бесом. Балда под страхом виселицы берется вылечить царевну. С нею ночует - берет о собою орехи железные и старые карты да молоток - знакомого бесенка заставляет грызть железные оре-

хи; играет с ним в щелчки и бьет бесенка молотком. На другую ночь то же. На третью делает куколку на пружинах, у которой рот открывается. "Что такое, Балда?" - Пить хочет - всунь ему стручок-то свой, свою дудочку в рот. Бесенок поймай и высечен и проч.

СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ

I

Конспективная запись Пушкина народной сказки на этот сюжет

1

Некоторый царь задумал жениться, но не нашел по своему нраву никого. Подслушал он однажды разговор трех сестер. Старшая хвалилась, что государство одним зерном накормит, вторая, что одним куском сукна оденет, третья - что с первого года родит 33 сына. Царь женился на меньшей, и с первой ночи она понесла. Царь уехал воевать. Мачеха его, завидуя своей невестке, решила ее погубить. После девяти месяцев царица благополучно разрешилась 33 мальчиками, а 34-й уродился чудом - ножки по колено серебряные, ручки по локотки золотые, во лбу звезда, в заволоке месяц; послали известить о том

царя. Мачеха задержала гонца по дороге, напоила его пьяным, подменила письмо, в коем написала, что царица разрешилась не мышью, не лягушкой, неведомой зверюшкой. Царь весьма опечалился, но с тем же гонцом повелел дожидаться приезда его для разрешения. Мачеха опять подменила приказ и написала повеление, чтоб заготовить две бочки; одну для 33 царевичей, а другую для царицы с чудесным сыном - и бросить их в море. Так и сделано.

Долго плавали царица с царевичем в засмоленной бочке - наконец, море выкинуло их на землю. Сын заметил это. "Матушка ты моя, благослови меня на то, чтоб рассыпались обручи, и вышли бы мы на свет". - Господь благослови тебя, дитятка. - Обручи лопнули, они вышли на остров. Сын избрал место и с благословения матери вдруг выстроил город и стал в оном жить да править. Едет мимо корабль. Царевич остановил корабельщиков, осмотрел их пропуск и, узнав, что едут они к Султану Султановичу, турецкому государю, обратился в муху и полетел вслед за ними. Мачеха хочет его поймать, он никак не дает-

ся. Гости корабельщики рассказывают царю о новом государстве и о чудесном отроке - ноги серебряные и проч. "Ах, - говорит царь, - поеду посмотреть это чудо". - Что за чудо, - говорит мачеха, - вот что чудо: у моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет - сказки сказывает, вниз идет - песни поет. - Царевич прилетел домой и с благословенья матери перенес перед дворец чудный дуб.

Новый корабль. То же опять. Тот же разговор у Султана. Царь опять хочет ехать. "Что это за чудо, - говорит опять мачеха, - вот что чудо: за морем стоит гора, и на горе два борава, боровы грызутся, а меж ими сыплется золото да серебро" и проч. Третий корабль и проч. так же. "Что за чудо, а вот чудо: из моря выходит 30 отроков точь-в-точь равны и голосом, и волосом, и лицом, и ростом, а выходят они из моря только на один час".

Тужит царица об остальных своих детях. Царевич с ее благословения берется их отыскать. "Нацеди ты, матушка, своего молока, ты замеси 30 лепешечек". Он идет к морю, море всколыхалось, и вышли 30 юношей и с ними

старик. - И царевич спрятался и оставил одну лепешечку. Один из них и съел ее. "Ах, братцы, - говорит он, - до сих пор не знали мы материнского молока, а теперь узнали". Старик погнал их в море. На другой день вышли они опять, и все съели по лепешке, и poznали брата своего. На третий вышли без старика, и царевич привел всех братьев своих к своей матери. Четвертый корабль. То же самое. Мачехе уже более делать нечего. Царь Султан едет на остров, узнает свою жену и детей и возвращается с ними домой, а мачеха умирает.

2

Царь не имеет детей. Слушает трех сестер: когда б я была царица, то я бы всякий день пиры. Вторая: когда бы я была царицей, завела бы хоромы... {1}

На другой день свадьба. Зависть первой жены; {2} война, царь на войне; царица {3} рождает сына, гонец etc. {4} ... Царь {5} умирает бездетен. Избирают его {6} царем. Оракул, буря, ладья. Он правит во славе едет корабль у Салтана. Речь о новом государе. Салтан хочет слать послов, царица {7} посылает своего поверенного гонца, который клеветает. Царь

объявляет войну. Царица {8} узнает с башни.

II

Первоначальная редакция начала сказки

Три девицы под окном Пряли поздно вечерком. "Если б я была царица, Говорит одна девица, То на весь народ одна Наткала б я полотна". "Если б я была царица, Говорит ее сестрица, То сама на весь бы мир Заготовила б я пир". "Если б я была царица, Третья молвила девица, Я для батюшки царя Родила б богатыря".

Только успела она выговорить эти слова, как дверь отворилась - и царь вошел без доклада, - Царь имел привычку гулять поздно по городу и подслушивать речи своих подданных. Он с приятною улыбкою подошел к меньшей сестре, взял ее за руку и сказал: будь же царицею и роди мне царевича; потом, обратясь к старшей и средней, сказал он: ты будь у меня при дворе ткачихой, а ты кухаркою. - С этим словом, не дав им образумиться, царь два раза свистнул; двор наполнился воинами и царедворцами, - серебряная карета подъехала к самому крыльцу. Царь сел в нее с новою царицей - а своячениц везти во дво-

рец - их посадили в телеги, и все поскакали...

1) Слова третьей сестры Пушкин не записал.

2) С которой царь разошелся (из-за ее бездетности).

3) Новая жена царя, младшая из трех сестер.

4) и так далее (франц.). Пушкин пропускает в записи историю изгнания царевны с царевичем.

5) Царь страны, куда попадает царевич с матерью.

6) Царевича.

7) Первая жена царя Салтана.

6) Мать царевича.

СКАЗКА О МЕРТВОЙ ЦАРЕВНЕ И О СЕМИ БОГАТЫРЯХ

Конспективная запись Пушкина народной сказки на этот сюжет

Царевна заблудилась в лесу. Находит дом пустой - убирает его. Двенадцать братьев приезжают. "Ах, - говорят, - тут был кто-то - али мужчина, али женщина; коли мужчина, будь нам отец родной, али брат названный; коли женщина, будь нам мать, али сестра"... Сии

братья враждуют с другими двенадцатью богатырями; уезжая, они оставляют сестре платок, сапог и шапку. "Если кровию нальются, то не жди нас". - Приезжая назад, спят они сном богатырским. Первый раз - 12 дней, второй - 24, третий - 31. Противники приезжают и пируют. Она подносит им сонных капель... и проч.

Мачеха ее приходит в лес под видом нищенки - собаки ходят на цепях и не подпускают ее. Она дарит царевне рубашку, которую та надев, умирает. Братья хоронят ее в гробнице, натянутой золотыми цепями к двум соснам. Царевич влюбляется в ее труп, и проч.

СКАЗКА О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

В черновой рукописи - после стиха "Не садися не в свои сани!" имеется следующий эпизод, не включенный Пушкиным в окончательный текст:

Проходит другая неделя, Вздурилась опять его старуха, Отыскать мужика приказала Приводят старика к царице, Говорит старику старуха: "Не хочу я быть вольною царицей, Я хочу быть римскою папой!" Старик не осме-

лился перечить, Не дерзнул поперек слова
молвить. Пошел он к синему морю, Видит:
бурно черное море, Так и ходят сердитые вол-
ны, Так и воют воем зловещим. Стал он кли-
кать золотую рыбку.

Добро, будет она римскою папой.

Воротился старик к старухе, Перед ним мо-
настырь латынский, На стенах латынские мо-
нахи Поют латынскую обедню. Перед ним ва-
вилонская башня. На самой на верхней на ма-
кушке Сидит его старая старуха. На старухе
сарачинская шапка, На шапке венец латын-
ский, На венце тонкая спица, На спице Стро-
филус птица. Поклонился старик старухе, За-
кричал он голосом громким: "Здравствуй, ты,
старая баба, Я чай, твоя душенька довольна?"
Отвечает глупая старуха: "Врешь ты, пустое
городишь, Совсем душенька моя не довольна,
Не хочу я быть римскою папой, А хочу быть
владычицей морскою, Чтобы жить мне в Оки-
яне-море, Чтоб служила мне рыбка золотая И
была бы у меня на посылках".

С.М.БОНДИ. ПОЭМЫ ПУШКИНА

В пушкинском творчестве поэмы занима-
ют самое большое место наряду с лирикой.

Пушкиным написано двенадцать поэм (одна из них - "Тазит" - осталась неоконченной), и еще более двенадцати сохранилось в набросках, планах, начальных строках.

В лицее Пушкин начал, но не закончил очень слабую, еще совсем детскую шутливую поэму "Монах" (1813) и шутливую сказочную поэму "Бова" (1814). В первой-пародируется в духе вольтерианского вольнодумия христианская церковная легенда, во второй - популярная народная сказка.

В этих произведениях юный Пушкин еще не самостоятельный поэт, а только необыкновенно талантливый ученик своих предшественников, русских и французских поэтов (Вольтера, Карамзина, Радищева). Не с этих юношеских опытов начинается история пушкинской поэмы; да они и не были напечатаны при жизни автора.

В 1817 г. Пушкин начал самую большую свою поэму - "Руслан и Людмила" и писал ее целых три года.

Это были годы подъема революционных настроений среди дворянской молодежи, когда создавались тайные кружки и общества,

подготовившие декабрьское восстание 1825 г.

Пушкин, не будучи членом Тайного общества, был одним из крупнейших деятелей этого движения. Он единственный в эти годы (до ссылки на юг) писал революционные стихи, которые тотчас в рукописных копиях расходились по всей стране.

Но и в легальной, печатной литературе Пушкину пришлось вести борьбу с реакционными идеями. В 1817 г. Жуковский напечатал фантастическую поэму "Вадим" - вторую часть большой поэмы "Двенадцать спящих дев" (первая часть ее - "Громобой" - вышла еще в 1811 г.). Стоя на консервативных позициях, Жуковский хотел этим произведением увести молодежь от политических действий в область романтических, религиозно-окрашенных мечтаний. Его герой (которому поэт не случайно дал имя Вадима - легендарного героя восстания новгородцев против князя Рюрика) - идеальный юноша, стремящийся к подвигам и в то же время чувствующий в своей душе таинственный зов к чему-то неизвестному, потустороннему. Он в конце концов преодолевает все земные соблазны и, сле-

дуя неуклонно этому зову, находит счастье в мистическом соединении с одной из двенадцати дев, которых он пробуждает от их чудесного сна. Действие поэмы происходит то в Киеве, то в Новгороде. Вадим побеждает великана и спасает киевскую княжну, которую предназначает ему в жены ее отец. Эта реакционная поэма написана с большой поэтической силой, прекрасными стихами, и Пушкин имел все основания опасаться сильнейшего влияния ее на развитие молодой русской литературы. К тому же "Вадим" был в то время единственным крупным произведением, созданным представителем новой литературной школы, только что окончательно победившей в борьбе с классицизмом.

На "Вадима" Пушкин ответил "Русланом и Людмилой", тоже сказочной поэмой из той же эпохи, с рядом сходных эпизодов. Но все ее идейное содержание резко полемично по отношению к идеям Жуковского. Вместо таинственно-мистических чувств и почти бесплотных образов - у Пушкина все земное, материальное; вся поэма наполнена шутливой, озорной эротикой (описание свадебной ночи

Руслана, приключения Ратмира у двенадцати дев, попытки Черномора овладеть спящей Людмилой и т. п., а также в ряде авторских отступлений).

Полемический смысл поэмы вполне раскрывается в начале четвертой песни, где поэт прямо указывает на объект этой полемики - поэму Жуковского "Двенадцать спящих дев" - и издевательски пародирует ее, превращая ее героинь, мистически настроенных чистых дев, "инокинь святых", в легкомысленных обитательниц придорожной "гостиницы", заманивающих к себе путников.

Остроумная, блестящая, искрящаяся весельем поэма Пушкина сразу рассеяла мистический туман, окруживший в поэме Жуковского народные сказочные мотивы и образы. После "Руслана и Людмилы" стало уже невозможно использовать их для воплощения реакционных религиозных идей.

Добродушный Жуковский сам признал свое поражение в этой литературной борьбе, подарив Пушкину свой портрет с надписью: "Победителю ученику от побежденного учителя, в тот высоко-торжественный день, когда

он окончил свою поэму "Руслан и Людмила".

Эта поэма поставила Пушкина на первое место среди русских поэтов. О нем стали писать и в западноевропейских журналах.

Однако, будучи крупнейшим явлением в русской литературе и общественной жизни, шутовская сказочная поэма Пушкина еще не ставила русскую литературу в один ряд с литературой Запада, где действовали в те годы Гете в Германии, Байрон и Шелли в Англии, Шатобриан и Бенжамен Констан во Франции, каждый по-своему решавшие в своем творчестве важнейшие вопросы современности.

С 1820 г. Пушкин включается в этот ряд, создавая одну за другой свои романтические поэмы, серьезные и глубокие по содержанию, современные по проблематике и высокопоэтические по форме. С этими поэмами ("Кавказский пленник", "Братья-разбойники", "Бахчисарайский фонтан") в русскую литературу входит новое направление: передовой, революционный романтизм - поэтическое выражение чувств и взглядов самого передового общественного слоя, революционно-настроенной дворянской молодежи, наиболее ак-

тивной частью которой были декабристы. Резкое недовольство всем окружающим, всем общественным укладом, при котором жизнь представляется тюрьмой, а человек-узником; пламенное стремление к свободе; свобода как предмет почти религиозного культа {1} - это одна сторона мироощущения революционных романтиков 20-х гг. В то же время их социальное одиночество, отсутствие живой связи с народом, страданиям которого они глубоко сочувствовали, но чью жизнь плохо знали и мало понимали, - все это придавало трагический и крайне субъективный, индивидуалистический характер их мировоззрению. Чувства и трагические переживания одинокой, гордой, высоко над толпой стоящей личности стали основным содержанием романтического творчества Пушкина. Протест против всякого гнета, тяготеющего над человеком в "цивилизованном" обществе, гнета политического, социального, морального, религиозного, - заставлял его, как и всех революционных романтиков того времени, сочувственно изображать своего героя преступником, нарушителем всех принятых в обществе

норм религиозных, юридических, моральных. Излюбленный романтиками образ "преступник и герой", который "и ужаса людей и славы был достоин". Наконец, характерным для романтиков было стремление увести поэзию от воспроизведения ненавистной им обыденной действительности в мир необычного, экзотики, географической или исторической. Там они находили нужные им образы природы могучей и мятежной ("пустыни, волн края жемчужны, и моря шум, и груды скал"), и образы людей, гордых, смелых, свободных, не затронутых еще европейской цивилизацией.

Большую роль в поэтическом воплощении этих чувств и переживаний сыграло творчество Байрона, во многом близкое мироощущению русских передовых романтиков. Пушкин, а за ним и другие поэты использовали прежде всего удачно найденную английским поэтом форму "байронической поэмы", в которой чисто лирические переживания поэта облечены, в повествовательную форму с вымышленным героем и событиями, далекими от реальных событий жизни поэта, но пре-

красно выражающими его внутреннюю жизнь, его душу. "...Он постиг, создал и описал единый характер (именно свой), - писал Пушкин в заметке о драмах Байрона. - Он создал себя вторично, то под чалмою ренегата, то в плаще корсара, то гяуром, издыхающим под схимиею..." (см. т. 6). Так и Пушкин в своих романтических поэмах пытался "создавать себя вторично", то пленником на Кавказе, то бежавшим "неволи душных городов" Алеко. Пушкин сам не раз указывал на лирический, почти автобиографический характер своих романтических героев.

Внешние особенности южных поэм Пушкина также связаны с байроновской традицией: простой, неразвитый сюжет, малое количество действующих лиц (двое, трое), отрывочность и иногда нарочитая неясность изложения.

Всегдашнее свойство пушкинского поэтического таланта-уменье зорко наблюдать действительность и стремление точными словами говорить о ней. В поэмах это сказалось в том, что, создавая романтические образы природы и людей, Пушкин не выдумывал их,

не писал (как, например, Байрон о России или, позже, Рылеев о Сибири) о том, чего сам не видел, а всегда основывался на живых личных впечатлениях - Кавказа, Крыма, бессарабских степей.

Поэмы Пушкина создали и надолго предопределили тип романтической поэмы в русской литературе. Они вызвали многочисленные подражания второстепенных поэтов, а также оказали сильное влияние на творчество таких поэтов, как Рылеев, Козлов, Баратынский и, наконец, Лермонтов.

Помимо "Кавказского пленника", "Братьев-разбойников" и "Бахчисарайского фонтана", написанных до 1824 г. и вскоре напечатанных, Пушкин задумывал и другие романтические поэмы. "У меня в голове бродят еще поэмы", - писал он Дельвигу в марте 1821 г. В рукописях его остались наброски нескольких поэм, где Пушкин по-разному, с различными сюжетами и в различной национальной среде, думал разработать тот же "героический" или "преступный" романтический образ и показать его неминуемо трагическую судьбу (см. отрывки и планы поэм). Отрывок одной

из таких поэм, где героем должен был стать атаман волжских разбойников, Пушкин напечатал под заглавием "Братья-разбойники". Сохранилось и начало большой романтической поэмы "Вадим".

В эти же годы, может быть под влиянием громадного успеха "Руслана и Людмилы", Пушкин обдумывал и поэмы совершенно иного типа волшеббно-сказочные, с авантурным сюжетом и историческими или мифологическими персонажами: о Бове-королевиче, о сыне Владимира Святого Мстиславе и его борьбе с черкесами, об Актеоне и Диане. Но эти замыслы, отвлекавшие поэта от основной его задачи - развития и углубления романтической тематики, - так и не были осуществлены им.

Впрочем, весной 1821 г. Пушкин написал небольшую поэму "Гавриилиада", остроумную, блестящую антирелигиозную сатиру - отклик на усилившуюся политическую реакцию, окрашенную в эти годы мистикой и религиозным ханжеством.

В 1823 г. Пушкин переживает сильнейший кризис своего романтического мировоззрения.

ния. Разочаровавшись в надежде на близкое осуществление победы революции сначала на Западе, а затем и в России, - а в этой победе Пушкин, полный "беспечной веры", был совершенно убежден, - он скоро разочаровался и во всех своих романтических идеалах - свободы, возвышенного героя, высокого назначения поэзии, романтической вечной любви. Он пишет в это время ряд мрачных, горьких стихотворений, изливая в них свою "желчь" и "цинизм" (по его выражению) - "Сеятель", "Демон", "Разговор книгопродавца с поэтом" (а немного позже - "Сцену из Фауста") и другие, оставшиеся в рукописи не оконченными. В этих стихах он подвергает горькому осмеянию все основные положения своего романтического мировоззрения.

К числу подобных произведений относится и поэма "Цыганы", написанная в 1824 г. Ее содержание - критическое разоблачение романтического идеала свободы и романтического героя. Романтический герой Алеко, попавший в желанную для него обстановку полной свободы, возможности беспрепятственно делать все, что ему хочется, - обнаруживает

свою подлинную сущность: он оказывается эгоистом и насильником. В "Цыганах" развенчивается и сам романтический идеал неограниченной свободы. Пушкин убедительно показывает, что полная свобода действий, отсутствие ограничений и обязательств в общественной жизни было бы осуществимо только для людей примитивных, праздных, ленивых, "робких и добрых душою", а в личной жизни, в любви она оказывается чисто животной страстью, не связанною ни с какими моральными переживаниями. Неумение выйти за пределы чисто романтического, субъективного взгляда на жизнь неминуемо приводит поэта к глубоко мрачному заключению о том, что счастье на земле невозможно "и от судеб защиты нет". "Цыганы" поэма переломного, переходного периода - является в идейном и художественном отношении громадным шагом вперед по сравнению с предыдущими поэмами. Несмотря на вполне романтический характер и стиля ее, и экзотической обстановки, и героев, Пушкин здесь впервые применяет метод чисто реалистической проверки верности своих романтических идеа-

лов. Он не подсказывает речей и действий своим персонажам, а просто помещает их в данную обстановку и прослеживает, как они проявляют себя в обстоятельствах, с которыми сталкиваются. В самом деле, Алеко, типичный романтический герой, хорошо знакомый нам по поэмам и лирике Пушкина начала 20-х гг., иначе и не мог поступить в том положении, в котором он оказался. Совершаемое им из ревности двойное убийство вполне соответствует его характеру и мировоззрению, раскрытым как в самой поэме, так и в других романтических произведениях той эпохи. С другой стороны, и Земфира, такая, какой она показана Пушкиным, так же не могла поступить иначе, не могла остаться верной Алеко навсегда - ведь она цыганка, дочь Мариулы, и ее история только повторяет - за исключением трагического финала - историю ее матери.

Эта "объективная" позиция автора "Цыган" по отношению к действиям и чувствам его героев сказалась и в самой форме: большинство эпизодов поэмы дано в форме диалогов, в драматической форме, где отсутствует голос автора, а говорят и действуют сами персонажи.

"Цыганы" - произведение, в котором глубже всего отразился кризис мировоззрения Пушкина-романтика; в то же время по методу разработки темы оно открывало новые пути в творчестве Пушкина - пути к реализму.

Летой 1824 г. Пушкин был выслан из Одессы в Михайловское, без права выезда оттуда. Постоянное и близкое общение с крестьянами, с народом, видимо более всего другого содействовало преодолению тяжелого кризиса в мировоззрении поэта. Он убедился в несправедливости своих горьких упреков народу в нежелании бороться за свою свободу {2}, он понял, что "свобода" не есть какое-то отвлеченное морально-философское понятие, а конкретно-историческое, всегда связанное с общественной жизнью, и за такую свободу - политическую, экономическую - народ всегда неустанно боролся (постоянные крестьянские бунты против помещиков, не говоря уже о восстаниях Пугачева, Разина или эпохи "смутного времени"). Он должен был увидеть, что все его разочарования в прежних романтических идеалах - результат недостаточного знания самой действительности, ее объектив-

ных закономерностей и малого поэтического интереса к ней самой. В 1825 г. в творчестве Пушкина происходит крутой поворот. Окончательно порвав с романтизмом, Пушкин выходит из своего кризиса. Его поэзия приобретает ясный и в целом светлый, оптимистический характер. Прежняя задача его поэзии-выражение своих собственных чувств и страданий, поэтический отклик на несовершенство жизни, противоречащей субъективным, хотя и благородным требованиям романтика, воплощение романтических идеалов в образах необычного - экзотической, идеализированной природы и необыкновенных героев - заменяется новой. Пушкин сознательно делает свою поэзию средством познания отвергавшейся им прежде обычной действительности, стремится актом поэтического творчества проникнуть в нее, понять ее типичные явления, объективные закономерности. Стремление верно объяснить человеческую психологию неминуемо приводит его к изучению и художественному воплощению общественной жизни, к изображению в тех или иных сюжетных формах социальных

конфликтов, отражением которых и является психология человека.

То же стремление познать действительность, современность толкает его и к изучению прошлого, к воспроизведению важных моментов истории.

В связи с этими новыми творческими задачами изменяется и характер изображаемых объектов у Пушкина, и самый стиль изображения: вместо экзотики, необычного - обыденная жизнь, природа, люди; вместо поэтически-возвышенного, отвлеченного, метафорического стиля - простой, близкий к разговорному, но тем не менее высокопоэтический стиль.

Пушкин создает новое направление в литературе - реализм, сделавшийся позже (с 40-х гг.) ведущим направлением русской литературы.

Основное, преимущественное воплощение этого нового, реалистического направления, этих новых задач верного познания действительности и ее законов Пушкин дает в это время не столько в поэмах, сколько в других жанрах: в драме ("Борис Годунов", "маленькие

трагедии"), в прозаической повести ("Повести Белкина", "Капитанская дочка" и др.), в стихотворном романе "Евгений Онегин". В этих жанрах Пушкину легче было осуществлять новые принципы и разрабатывать новые методы реалистического творчества.

Своего рода манифестами этого нового направления в русской литературе были историческая народная трагедия "Борис Годунов" (1825) и центральные главы "Евгения Онегина" {3} (1825-1826).

В это же время (в декабре 1825 г.) Пушкин написал и первую реалистическую поэму - шутовского, безоблачно-веселого "Графа Нулина". В нем на простой, почти анекдотический сюжет нанизано множество прекрасных, превращенных в подлинную поэзию картин, пейзажей, разговоров самого обыденного, "прозаического", бытового содержания. Здесь встречаются почти все те образы, которыми Пушкин в полусерьезной-полушутливой строфе из "Путешествия Онегина" характеризует свой новый реалистический стиль, в противоположность романтическим "грудам скал", "шуму моря", "пустыням", образу "гор-

дой девы" {4}: здесь и косогор, и забор, и серенькие тучи на небе, и дождливая пора, и задний двор, и утки, и даже "хозяйка" (хотя и плохая) в качестве героини поэмы...

Разгром декабрьского восстания 1825 г. и наступившая вслед за этим политическая и общественная реакция, временная остановка в развитии русского революционного движения изменили характер русской литературы: из нее на несколько лет ушла тема борьбы за свободу. Пушкин, возвращенный Николаем I из ссылки, получивший возможность общаться с друзьями, пользующийся громадной популярностью среди публики, тем не менее не чувствовал себя счастливым.

Душная общественная атмосфера после разгрома декабристов, реакционные, трусливые, обывательские настроения, поддерживаемые новой реакционной журналистикой, воцарившиеся в обществе и заразившие многих из его друзей все это вызывало временами у Пушкина приступы полного отчаяния, выразившиеся в таких стихах его, как "Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?" или "В степи мирской, печальной и без-

брежной..." ("Последний ключ холодный
ключ забвенья, он слаще всех жар сердца уто-
лит").

Мысль о том, что смерть предпочтительней жизни, Пушкин думал положить в основу начатой им в 1826 г. мрачной поэмы о герое евангельской легенды Агасфере ("Вечном Жиде"), наказанном за свое преступление перед богом бессмертием. Однако эти мрачные темы остались временным эпизодом в творчестве Пушкина. Он сумел преодолеть свое тяжелое настроение, и поэма об Агасфере была оставлена в самом начале.

В эти годы общественного упадка творческая работа Пушкина не прекращается, но он разрабатывает в это время темы, непосредственно не связанные с темой освободительного движения. Предметом пристального внимания поэта становятся человеческая психика, характеры, "страсти", их влияние на душу человека (центральные главы "Евгения Онегина", "маленькие трагедии", наброски прозаических повестей).

Среди произведений Пушкина 1826-1830 гг., вдохновленных "психологической" темой,

мы не находим ни одной поэмы. (Правда, в поэмах "Полтава" и "Тазит" разработка психологии героев занимает большое место, но не она является основной задачей этих чисто политических произведений.) Более подходящей формой для художественного анализа человеческой психологии были роман в стихах, драматический этюд, прозаический рассказ или повесть.

В эти же годы Пушкин пишет и ряд крупных произведений политического содержания, но иного характера. В его творчестве этого времени находит свое воплощение тема русского государства, судьбы России в борьбе с Западом за свою самостоятельность - отзвук юношеских воспоминаний Пушкина о событиях 1812-1815 гг. Параллельно с этим он поэтически разрабатывает и важнейшую тему многонациональности русского государства, пишет об исторической закономерности объединения в одно государственное целое множества различных народов. В поэме "Полтава" эти темы развиваются на историческом материале борьбы России начала XVIII в. с сильнейшим тогда военным государством

Швецией. Здесь же Пушкин поэтически раскрывает свою оценку взаимоотношений России и Украины. В другой, неоконченной, поэме "Тазит", на основании впечатлений Пушкина от его второго кавказского путешествия (1829). и размышлений о сложности и трудности вопроса о прекращении вражды народов Кавказа с русскими, развивается та же национально-политическая тема.

В 30-х гг. творчество Пушкина снова почти целиком посвящается разработке социальных вопросов. Народ, крепостное крестьянство, его жизнь, его поэзия, его борьба за свое освобождение - становится одной из основных тем Пушкина-художника и историка, каким он делается в эти годы. Жизнь крепостной деревни показывается в неоконченной "Истории села Горюхина", в "Дубровском"; в сказках и драме "Русалка" воспроизводятся и художественно обрабатываются мотивы народной поэзии. Борьбу крестьян против помещиков Пушкин показывает сначала в форме "разбоя" (в "Дубровском"), причем это уже не романтические "братья-разбойники", а живые, реальные типы крестьян и дворовых. На-

стоящей крестьянской войне, "пугачевщине" Пушкин посвящает два больших произведения - повесть "Капитанская дочка" и историческое исследование "История Пугачева". Народное восстание против феодалов-рыцарей и участие в нем представителей класса буржуазии составляют тому неоконченной драмы "Сцены из рыцарских времен".

В эти годы Пушкин вводит в литературу нового героя - страдающего, угнетенного "маленького человека", жертву не справедливого социального устройства - в повести "Станционный смотритель", в начатом романе "Езерский", в поэме "Медный всадник".

Пушкин остро реагирует на происходящие на его глазах изменения в классовом составе интеллигенции, в частности писательской среды. Если прежде "литературой у нас занимались только дворяне", как не раз повторял Пушкин, видя в этом причину независимого поведения писателя по отношению к власти. к правительству, то теперь все большую и большую роль в литературе начинают играть представители разночинной, буржуазной интеллигенции. В те годы эта новая демократия

не была еще "революционной демократией", наоборот, большинство из ее деятелей, борясь с представителями господствующего дворянского, помещичьего класса за свое место в жизни, никаких оппозиционных настроений по отношению к правительству, к царю не обнаруживало.

Единственной силой, способной противопоставить свою независимость правительственному произволу, быть "мощным защитником" народа Пушкин считал то дворянство, из которого вышли декабристы, дворянство обедневшее, но "с образованием", "с ненавистью против аристокрации" {5}. "Эдакой страшной стихии мятежей нет и в Европе, - писал Пушкин в дневнике. - Кто были на площади 14 декабря? Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много" (см. т. 7).

Эти мысли о роли старинного дворянства в освободительном движении (в прошлом и в будущем), осуждение представителей его, не понимающих своей исторической миссии и пресмыкающихся перед властью, перед "новой знатью", царскими прислужниками, -

Пушкин воплощал не только в публицистических заметках, но и в художественных произведениях, в частности, они-то и составляют основное, главное содержание написанных Пушкиным первых строф "Езерского".

В 30-е гг. Пушкину пришлось вести ожесточенную литературную борьбу. Его противниками были завладевшие почти всей читательской массой реакционные, трусливые, недобросовестные журналисты и критики, потакающие обывательским вкусам читателей из мелких помещиков и чиновников, не гнушающиеся политическими доносами на своих литературных врагов. Они преследовали Пушкина за все то новое, что он вводит в литературу - реалистическое направление, простоту выражения, нежелание морализировать... Полемика с современной журналистикой о задачах литературы включена была Пушкиным в начальные строфы "Езерского", эта же полемика составляет основное содержание целой поэмы - "Домик в Коломне".

Длинный ряд поэм, написанных с 1820 по 1833 г., Пушкин завершил "Медным всадником" - поэмой о конфликте между счастьем

отдельной личности и благом государства - лучшим своим произведением, замечательным как по необыкновенной глубине и смелости мысли, остроте поставленной поэтом исторической и социальной проблемы, так и по совершенству художественного выражения. Это произведение и до сих пор вызывает споры и различные толкования.

Пушкин использовал в своем творчестве многие жанры, но поэма всегда оставалась любимой формой для выражения его "ума холодных наблюдений и сердца горестных замет". Почти каждый этап своего развития Пушкин отмечал поэмой, почти каждая из встававших перед ним жизненных проблем находила выражение в поэме. Громадное расстояние между легкой, блестящей поэмой двадцатилетнего Пушкина - "Руслан и Людмила" - и глубоко-философской поэмой "Медный всадник", написанной тридцатичетырехлетним мудрецом поэтом, показывает наглядно стремительность пути Пушкина, крутизну вершины, на которую поднялся Пушкин, а вместе с ним и вся русская литература.

{1} Свобода! он одной тебя

Еще искал в пустынном мире...

.....

И с верой, пламенной мольбою

Твой гордый идол обнимал.

("Кавказский пленник".)

{2} Паситесь, мирные народы!

Вас не пробудит чести клич.

К чему стадам дары свободы?

Их должно резать или стричь.

Наследство их из рода в роды

Ярмо с гремушками да бич.

("Свободы сеятель пустынный...", 1823)

{3} Первоначальный замысел (1823) и первые главы романа относятся еще к периоду пушкинского кризиса. Реалистические образы в них даны полемически, в целях издательского бытового снижения традиционных романтических образов и ситуаций. "...Пишу новую поэму, "Евгений Онегин", где захлебываюсь желчью" (письмо к А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г.) ; "...не верь Н. Раевскому, который бранит его ("Евгения Онегина". - С. Б.) - он ожидал от меня романтизма, нашел сатиру и цинизм и порядочно не расчухал" (письмо к брату от января-февраля 1824 г.).

{4} Иные нужны мне картины:
Люблю песчаный косогор,
Перед избушкой две рябины,
Калитку, сломанный забор,
На небе серенькие тучи,
Перед гумном соломы кучи
Да пруд под сенью ив густых,
Раздолье уток молодых.
Мой идеал теперь - хозяйка...

.....

Порой дождливою намедни
Я, завернув на скотный двор...

(Отрывки из "Путешествия Онегина", 1829)

{5} То есть правящей верхушки.

С.М.БОНДИ. СКАЗКИ ПУШКИНА

Сказки в русском народном духе Пушкин писал на протяжении почти всего своего творчества, с 1814 до 1834 г. Они резко разделяются на две группы: ранние (до 1825 г.) и поздние. Наше представление о пушкинских сказках, как о важной и серьезной области его поэзии, относится только к поздним его сказкам ("Сказка о попе", "О медведихе", "О царе Салтане", "О рыбаке и рыбке", "О мертвой царевне" и "О золотом петушке").

Ранние сказки Пушкина, а также поэмы на сказочные сюжеты ("Бова", "Царь Никита и сорок его дочерей") вовсе лишены подлинной народности, свойственной зрелому пушкинскому творчеству. В них мы не найдем ни выражения чувств и интересов народа, крестьянства, ни сознательного усвоения и переработки форм и приемов устного народного творчества. Пушкин в них лишь использует отдельные элементы народной поэзии: сказочный сюжет или мотив, имена сказочных персонажей, отдельные обороты народного стиля и языка. Подобным образом использовали народное творчество почти все русские писатели XVIII и начала XIX в.

Устная народная поэзия сопровождала всю жизнь крестьянина, от рождения до смерти, от колыбельной песенки до похоронного причитания. Повсюду в народе пелись песни, рассказывались сказки. Пели ямщики в пути, песни звучали во время работы и в праздники, в хороводах и на свадьбах, пели и рассказывали на зимних посиделках. Весь быт народа, его страдания и радости, его борьба, его исторические воспоминания - все это получало

выражение в народной поэзии, в песнях, былинах, сказках, преданиях, передававшихся от поколения к поколению, обновлявшихся или создававшихся впервые.

Писатели XVIII и начала XIX в. с детства были окружены этой стихией народной поэзии. Она, естественно, проникала и в их собственное творчество. Подражания народным песням или сказкам писали почти все поэты, независимо от их социальных и политических взглядов: и Сумароков, и Державин, и Радищев, и Карамзин, и Дельвиг, и Жуковский, и Катенин, и многие другие. Но из всего богатого и разнообразного моря народной поэзии дворянскими писателями того времени воспроизводились почти исключительно темы и сюжеты, не затрагивающие социальных противоречий крепостной действительности: лирические любовные песни и волшебные сказки. Иногда, как в ранних сказках и поэмах Пушкина (или в "Бове" Радищева), народные образы привлекались для создания грубова-то-эротических картин и сюжетов.

Переход Пушкина в середине 20-х гг. к реализму сопровождался у него глубоким инте-

ресом к народу. Юношеские лирические сетования на судьбу крепостного крестьянина ("Увижу ли, друзья, народ неугнетенный?"), романтический горькие жалобы на отсутствие революционных настроений в народе ("Паситесь, мирные народы! // Вас не пробудит чести клич") заменяются теперь пристальным и проникательным изучением народа, его жизни и потребностей, его "души". Этому изучению содействовало пребывание поэта в ссылке в Михайловском в самом тесном общении с крестьянами, и дворовыми. В отличие от декабристов Пушкин старается подойти ближе к народу, понять его интересы, мечты, идеалы. Как поэт, он знает, что все чувства и мысли народа выражаются в его поэтическом творчестве. И Пушкин принимается внимательно изучать народную поэзию. Он записывает песни и народные обряды, заставляет свою няню снова рассказывать ее сказки, знакомые ему еще с детства, - теперь он по-иному их воспринимает, ищет в них выражения "народного духа", вознаграждая тем "недостатки проклятого своего воспитания" {1}.

Пушкин не ограничивается задачей пассивного изучения народной поэзии: он стремится проникнуть в нее, творчески овладеть ее содержанием и формой, научиться самому создавать такие же песни и сказки, какие создавали безыменные народные поэты. И это ему удалось настолько, что до недавнего времени некоторые из его произведений в народном духе (например, "Песни о Стеньке Разине") исследователи принимали за записи подлинно народных песен. В отличие от всех предшественников, Пушкин в своих "подражаниях" касается прежде всего социальных и политических тем народной жизни. Он пишет три "Песни о Стеньке Разине", "единственном поэтическом лице русской истории", как назвал его Пушкин в одном письме. Серьезные социальные темы затрагивает он и в своих сказках.

Своего рода ступенью к народным сказкам были у Пушкина две баллады на народные сюжеты: о девушке, публично разоблачившей злодеев разбойников ("Жених", 1825), и о страшном возмездии мужику, из трусости нарушившему свой нравственный долг ("Утоп-

ленник", 1828).

С 1830 по 1834 г. Пушкиным было написано пять народных сказок в стихах, а одна ("О медведихе") осталась незаконченной. Эти сказки впервые вводили в литературу подлинную, не приноровленную к интересам дворянского читателя народную поэзию, то есть не только занимательные, фантастические приключения героев или любовные переживания "красной девицы" и "доброго молодца". В пушкинских сказках затрагивается социальная тема (о жадном попе и батраке, наказавшем его, о мужике, которого тем больше угнетают, чем больше благ доставляет он своим угнетателям), говорится о моральных идеалах народа ("Сказка о мертвой царевне") и т. п.

Самым существенным отступлением пушкинских сказок от типа народной сказки была стихотворная форма, которую придал поэт этому прозаическому народному жанру, подобно тому, как в "Евгении Онегине" он превратил традиционный прозаический жанр романа в "роман в стихах".

Пушкиным созданы сказки двух типов. В

одних ("Сказка о попе", "Сказка о медведихе" и "Сказка о рыбаке и рыбке") Пушкин стремится воспроизвести не только дух, сюжеты и образы народного творчества, но и народные формы стиха (песенного, поговорочного, рашского), языка и стиля. Сказки о попе и о медведихе написаны подлинно народным стихом, "Сказка о рыбаке и рыбке" стихом, созданным самим Пушкиным и близким по своему строению к некоторым формам народного стиха. Поэт здесь как бы перевоплощается в народного сказителя. Мы не найдем в этих сказках ни одного слова, ни одного оборота, чуждого подлинно народной поэзии.

Остальные три сказки ("О царе Салтане", "О мертвой царевне", "О золотом петушке") написаны более "литературно" - литературным, равномерным стихом (четырёхстопный хорей с парными рифмами); Пушкин употребляет в них иной раз чисто литературные поэтические выражения и обороты, хотя по общему духу, мотивам и образам они полностью сохраняют свой народный характер.

Пушкин хорошо знал, что многие сказочные сюжеты или отдельные мотивы суще-

ствуют в устном творчестве разных народов, переходят, видоизменяясь, от одного к другому. Поэтому он, подобно настоящему народному сказителю, брал, когда это было нужно, то или иные мотивы, детали сюжета из иноязычного фольклора, чудесным образом превращая их в подлинно русские. Немало вносил он в сказки и своего собственного: по-своему изменял народный сюжет, упрощал или усложнял его, вводил свои образы (золотой рыбки, царевны-Лебедь и т. п.).

В своих сказках Пушкин использовал элементы и других жанров народной поэзии - песен, заговоров, причитаний. Таковы, например, заклинание Гвидона, обращенное к волне, или королевича Елисея - к солнцу, месяцу и ветру, напоминающие плач Ярославны из "Слова о полку Игореве".

Сказки Пушкина - не простое переложение в стихи подлинных сказок, а сложный по своему составу жанр. Пушкин выступает в них и как реконструктор испорченной в устной народной передаче народной сказки, и как равноправный участник в ее создании.

Но понятия в их значении современника-

ми, недооцененные позднейшей критикой, сказки Пушкина были приняты народом. Одна из сказок Пушкина ("О рыбаке и рыбке") была записана со слов народного сказителя как чисто народная сказку.

{1} Через десять лет, в 1835 г., вспоминая эти рассказы Арины Родионовны (уже умершей, к этому времени), Пушкин писал в черновом варианте стихотворения "Вновь я посетил...":

Не буду вечером под шумом бури
Внимать ее рассказам, затверженным
Сыздетства мной, но все приятным сердцу,
Как песни давние или страницы
Любимой старой книги, в коих знаем,
Какое слово где стоит...

ПРИМЕЧАНИЯ

Руслан и Людмила

Написана в течение 1817-1820 гг., напечатана в 1820 г. О замысле поэмы и полемическом ее характере - см. стр. 482-483. Однако значение "Руслана и Людмилы" не сводится только к полемике с реакционным романтизмом. Поэма поразила современников и сейчас восхищает читателей богатством и разно-

образом содержания (хотя и не очень глубокого), удивительной живостью и яркостью картин, даже самых фантастических, блеском и поэтичностью языка. Не считая многочисленных и всегда неожиданных и остроумных шутивно-эротических эпизодов в "Руслане и Людмиле", мы встречаем то живые, почти "реалистически" увиденные поэтом образы фантастического содержания (например, описание гигантской живой головы во второй песне), то в нескольких стихах показанную исторически верную картину древнерусского быта (свадебный пир у князя Владимира в начале поэмы), хотя вся поэма совершенно не претендует на воспроизведение исторического колорита; иногда мрачные, даже трагические описания (сон Руслана и убийство его, смерть живой головы); наконец, описание боя киевлян о печенегами в последней песне, по мастерству мало чем уступающее знаменитому "полтавскому бою" в поэме "Полтава". В языке своей первой поэмы, используя все достижения предшественников - точность и изящество рассказа в стихах Дмитриева, поэтическую насыщенность и певучесть интона-

ций, "пленительную сладость стихов" Жуковского, пластическую красоту образов Батюшкова, - Пушкин идет дальше их. Он вводит в свой текст слова, выражения и образы народного просторечия, решительно избегавшиеся светской, салонной поэзией его предшественников и считавшиеся грубыми, непоэтичными. Уже в "Руслане и Людмиле" Пушкин положил начало тому синтезу различных языковых стилей, который явился его заслугой в создании русского литературного языка.

Лирический эпилог поэмы ("Так, мира житель равнодушный...") был написан Пушкиным позже, во время ссылки на Кавказ (он не попал в первое издание поэмы и был напечатан отдельно в журнале "Сын отечества"). И тон и идейное содержание эпилога резко отличаются от шутливо-беззаботного тона и веселого сказочного содержания поэмы. Они знаменуют переход Пушкина к новому направлению - романтизму.

В 1828 г. Пушкин выпустил второе издание своей поэмы, существенно переработав ее. Он значительно исправил стиль, освободив его от некоторых неловкостей, свойственных его

юношескому творчеству; выбросил из поэмы ряд мелких "лирических отступлений", мало-содержательных и несколько кокетливых по тону (дань салонному стилю той эпохи). Уступая нападкам и требованиям критики, Пушкин сократил и смягчил некоторые эротические картины (а также свою поэтическую полемику с Жуковским) {1}. Наконец, во втором издании появился незадолго перед тем написанный Пушкиным, пристально изучавшим в это время народное творчество, "пролог" ("У лукоморья дуб зеленый...") поэтическое собрание подлинно народных сказочных мотивов и образов, с ученым котом, который ходит по цепи, развешанной на ветвях дуба, поет песни и рассказывает сказки {2}. Свою поэму о Руслане и Людмиле Пушкин теперь представляет читателям как одну из сказок, рассказанных котом.

Появление в 1820 г. "Руслана и Людмилы" вызвало ряд статей в журналах и замечаний в частной переписке поэтов. Пушкин в предисловии к изданию 1828 г. упомянул о двух отрицательных суждениях о поэме старого поэта Дмитриева, шокированного вольностью

шуток в "Руслане и Людмиле", а также почти полностью привел два отрицательных журнальных отзыва (см. раздел "Из ранних редакций"). Один (за подписью NN) выражал отношение к поэме Пушкина круга П. А. Катенина - поэта и критика, близкого к декабристам, который причудливо совмещал в своих литературных взглядах романтические требования "народности" и крайний рационализм, свойственный классицизму. Автор этой статьи в длинной серии придирчивых вопросов упрекал поэта за разного рода непоследовательности и противоречия, критикуя шутиливую и сказочную поэму по законам классического "правдоподобия". Другая статья исходила из противоположного, реакционного лагеря - журнала "Вестник Европы". Ее автор, с семинарской неуклюжестью защищая светский, салонный характер литературы, возмущается сказочными образами поэмы, "простонародными" картинами и выражениями ("удавлю", "пред носом", "чихнула" и т. д.)

Сам Пушкин в 1830 г, в неоконченной статье "Опровержение на критики" (см. т. 6), возражая против обвинений в неприличии и

безнравственности, видел главный недостаток своей юношеской поэмы в отсутствии в ней подлинного чувства, замененного блеском остроумия: "Никто не заметил даже, - писал он, - что она холодна".

1) Некоторые из этих выпущенных Пушкиным из второго издания стихов приведены в разделе "Из ранних редакций". Три места, измененные поэтом не по художественным соображениям, сохранены в тексте поэмы (в подстрочном примечании).

2) Вот как говорится об этом в пушкинской записи со слов Арины Родионовны: "У моря лукомория стоит дуб, а на том дубу золотые цепи, и по тем цепям ходит кот: вверх идет - сказки сказывает, вниз идет - песни поет" (см. "Из ранних редакций").

Кавказский пленник

Написано в 1820-1821 гг. Напечатано в 1822 г. Это - первая романтическая поэма Пушкина. Поэт, создавая ее, ставил перед собой несколько задач. Во-первых, создать поэтический образ нового, "романтического героя", переживания которого близки самому автору и в то же время характерны для эпохи. "Я в

нем хотел изобразить это равнодушие к жизни и к ее наслаждениям, эту преждевременную старость души, которые сделались отличительными чертами молодежи 19-го века", - писал Пушкин В. П. Горчакову в октябре - ноябре 1822 г. Вторая задача - противопоставить отвергаемой романтиком обыденной, прозаической действительности яркие и впечатляющие картины могучей и дикой природы Кавказа и быта черкесов. Третьей задачей Пушкина было - выработать для этого совершенно нового содержания новый язык и стиль, эмоциональный, романтически приподнятый и в то же время поэтически неясный, "туманный". Пушкин очень много работал над этой небольшой поэмой. В разделе "Из ранних редакций" приведен первый вариант начала поэмы, носившей название "Кавказ". Отвергнув этот вариант, Пушкин начал писать снова, упорно работая над каждым образом, каждым словом и выражением. Дописав поэму в черновике до конца, он трижды переписывал ее собственноручно набело, всякий раз то уничтожая написанное, то вставляя новое, то меняя композицию произведения. Много тру-

дился молодой поэт над образом пленника. Кроме "старости души" и "равнодушия к жизни", ему хотелось воплотить в этом лирическом образе и страстную любовь к свободе, и ненависть к рабству, свойственные ему самому, и его же собственные страдания от неразделенной любви. Такое сочетание делало характер героя неясным и противоречивым. Пушкин сам был им недоволен; он писал в упомянутом письме 1822 г.: "Характер пленника неудачен; доказывает это, что я не го- жусь в герою романтического стихотворения". В 1830 г. он повторил то же в неоконченной статье "Опровержение на критики": "Кавказский пленник" - первый неудачный опыт характера, с которым я насилу сладил" (см. т. 6).

Гораздо более удалось Пушкину описание Кавказа и черкесов. Наблюдательность Пушкина помогла ему создать (правда, в несколько идеализированной форме) верные картины малознакомого читателям быта и природы. Признавая, что эти слишком разросшиеся описания недостаточно мотивированы сюжетно, Пушкин все же был ими доволен: "Черкесы, их обычаи и нравы занимают боль-

шую и лучшую часть моей повести; но все это ни с чем не связано и есть истинный hors d'oeuvre" {1} (то же письмо). "Сам не понимаю, каким образом мог я так верно, хотя и слабо, изобразить нравы и природу, виденные мною издали", - писал он позже ("Путешествие в Арзрум", черновой текст).

В эпилоге к этой лирической поэме Пушкин касается военно-политических вопросов. Несомненно, что поэт-романтик не собирался воспевать завоевательную политику русского правительства. "Пылкий Цицианов", Котляревский, "бич Кавказа" Ермолов, от приближения которого "Восток подымлет вой", - в них молодой романтик искал живого воплощения того же идеала "романтического героя", который, по его словам, и "ужаса людей и славы был достоин".

Романтический стиль, созданный Пушкиным в "Кавказском пленнике", надолго сделался образцом стиля всех романтических поэм.

Несмотря на критические высказывания Пушкина по поводу своей поэмы, он все же любил ее. В черновом варианте его письма к

Н. И. Гнедичу от 29 апреля 1822 г. читаем: "Вы видите, что отеческая нежность не ослепляет меня насчет "Кавказского пленника", но, признаюсь, люблю его, сам не зная за что; в нем есть стихи моего сердца. Черкешенка моя мне мила, любовь ее трогает душу". В 1829 г. в "Путешествии в Арзрум" он писал: "Здесь²⁾ нашел я измаранный список "Кавказского пленника" и, признаюсь, перечел его с большим удовольствием. Все это слабо, молодо, неполно; но многое угадано и выражено верно".

"Кавказский пленник" посвящен Н. Н. Раевскому (сыну героя Отечественной войны 1812 г.), близкому другу молодого поэта, подержавшему его во время тяжелых событий весны 1820 г., предшествовавших ссылке на юг. "Ты знаешь нашу тесную связь, - писал Пушкин о Н. Раевском своему брату, - и важные услуги, для меня вечно незабвенные..." (письмо от 24 сентября 1820 г., см. т. 9).

1) привесок (франц.).

2) В Ларсе, на Военно-Грузинской дороге.

Гавриилиада

Пушкин написал эту поэму в апреле 1821 г., не закончив еще работу над "Кавказским

пленником". Писал он ее быстро и легко. Рукописи "Гавриилиады" Пушкин уничтожил, и текст ее известен нам по не вполне достоверным копиям, отчего некоторые стихи вызывают сомнения в их правильности {1}.

"Гавриилиада" - не просто "прекрасная шалость", как называл поэму Вяземский, не озорная шутка, а своего рода политическое выступление против новых методов, применявшихся правительством Александра I в борьбе с освободительным движением: на помощь этой борьбе были призваны религия и мистика. Наука и литература, противоречащие "истинам" библии и евангелия, строжайше преследовались. Цензура (которую Пушкин в сказке "Царь Никита..." назвал "богомольной важной дурой, нашей чопорной цензурой") запрещала все, что ей казалось нарушением правил религии и нравственности. "...Какой-то стихотворец говорил о небесных глазах своей любезной. Цензор велел ему, вопреки просодии, поставить вместо небесных - голубые, - ибо слово небо приемлется иногда в смысле Высшего Промысла! В славной балладе Жуковского ("Иванов вечер", подража-

ние Вальтеру Скотту. - С. Б.) назначается свидание накануне Иванова дня; цензор нашел, что в такой великий праздник грешить неприлично, и никак не желал пропустить баллады Вальтер Скотта" (статья "Путешествие из Москвы в Петербург", черновой вариант главы "О цензуре"). Самому Пушкину пришлось испытать на себе ханжескую придирчивость цензуры при публикации "Кавказского пленника". Цензор не пропустил выражений "долгий поцелуй разлуки" (пришлось изменить на "горький поцелуй"), "немного радостных ночей судьба на долю ей послала" (было изменено на "немного радостных ей дней судьба на долю ниспослала") и т. д. "Гавриилиада", в которой шутливо-эротически (почти до непристойности) пародируются эпизоды из евангелия и библии, была направлена одновременно и против религии, и против ханжеской морали. "Посылаю тебе поэму в мистическом роде, - шутил Пушкин в письме к Вяземскому от 1 сентября 1822 г., - я стал придворным" (см. т. 9). То же повторил он в первых строках стихотворения, сопровождавшего посылку поэмы кому-то из друзей:

Вот Муза, резвая болтунья,
Которую ты столь любил,
Раскаялась моя шалунья:

Придворный тон ее пленил... {2}

В "Гавриилиаде" пародийно переосмысливается евангельский рассказ о "благовещении" девы Марии и библейский - о грехопадении и изгнании из рая первых людей. Вот евангельский текст: "Послан был ангел Гавриил от бога в город галилейский, называемый Назарет, к деве, обрученной мужу, именем Иосифу, из дома Давидова; имя же деве: Мария. Ангел, вошед к ней, сказал: Радуйся, благодатная! господь с тобою; благословенна ты между женами. Она же, увидев его, смутилась от слов его и размышляла, что бы это было за приветствие. И сказал ей ангел: не бойся, Мария, ибо ты обрела благодать у бога, и вот зачнешь во чреве и родишь сына и наречешь ему имя Иисус... Мария же сказала ангелу: как будет это, когда я мужа не знаю? Ангел сказал ей в ответ: Дух святой найдет на тебя, и сила Всевышнего осенит тебя... {3} Тогда Мария сказала: се раба Господня; да будет мне по слову твоему. И отошел от нее ангел" (Евангелие от

Луки, гл. 1, стихи 26-38).

О грехопадении Адама и Евы в библии рассказано так: "Змей {4} был хитрее всех зверей полевых, которых создал господь бог. И сказал змей жене: подлинно ли сказал бог: не ешьте ни от какого дерева в раю? И сказала жена змею: плоды с дерев мы можем есть; только плодов дерева, которое среди сада, сказал бог, не ешьте их и не прикасайтесь к ним, чтобы вам не умереть. И сказал змей жене: нет, не умрете; но знает бог, что в день, в который вы вкусите их, то откроются глаза ваши, и вы будете как боги, знающие добро и зло. И увидела жена, что дерево хорошо для пищи и что оно приятно для глаз и вожделенно, потому что дает знание; и взяла плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья и сделали себе опоясания" (Книга бытия, гл. 3, стихи 1-7).

В 1828 г., через семь лет после написания поэмы, Пушкину пришлось пережить большие неприятности из-за нее. Один из списков "Гавриилиады" был представлен петербург-

скому митрополиту, который передал это дело, как весьма важное в государственном отношении, в Верховную комиссию, решавшую все важнейшие дела в отсутствие Николая I, который был в это время в действующей (против турок) армии. Комиссия обратилась к Пушкину с вопросом, им ли написана эта поэма, и потребовала ее рукопись.

Пушкин, всего два года назад возвращенный из ссылки, и для которого в это время "Гавриилиада" уже утратила свою политическую актуальность, попробовал отречься, заявив, что поэма написана не им, что список с нее он сделал себе еще в лицее, в 1815 или 1816 г., и затем потерял его.

В это время вернулся Николай I и потребовал, чтобы Комиссия еще раз допросила Пушкина, от кого он получил рукопись поэмы и кто ее автор. Пушкин писал в своем показании Комиссии: "Рукопись ходила между офицерами гусарского полка, но от кого из них именно я достал оную, я никак не упомяну. Мой список сжег я, вероятно, в 1820 году..."

В письме Вяземскому Пушкин, зная, что все его письма читаются полицией и с пря-

мым расчетом на это, пытался отвести от себя обвинение в авторстве "Гавриилиады" (а у Вяземского хранился посланный ему Пушкиным еще в 1822 г. автограф поэмы!) и приписать ее уже умершему и потому свободному от всяких репрессий сатирику князю Д. П. Горчакову. Он писал: "Ты зовешь меня в Пензу, а того и гляди, что я поеду далее. Прямо, прямо на восток {5}.

Мне навязалась на шею преглупая шутка. До правительства дошла наконец "Гавриилиада"; приписывают ее мне; донесли на меня, и я, вероятно, отвечу за чужие проказы, если кн. Дмитрий Горчаков не явится с того света отстаивать права на свою собственность" (письмо от 1 сентября 1828 г.).

Между тем Николай I не поверил двукратному отречению Пушкина и, чтобы добиться от него признания, решил сыграть на его чувстве чести. Он приказал членам Верховной комиссии призвать Пушкина к себе и прочесть ему собственные слова императора: "сказать ему моим именем, что, зная лично Пушкина, я его слову верю. Но желаю, чтоб он помог правительству открыть, кто мог сочи-

нить подобную мерзость и обидеть Пушкина, выпуская оную под его именем". Пушкин, подумав некоторое время, попросил разрешения написать ответ самому императору, минуя Комиссию. Разрешение, конечно, было дано, и Николаю I было передано в запечатанном виде письмо Пушкина. Письмо это до нас не дошло. Но, несомненно, оно содержало в себе признание. Николай I, не заинтересованный в том, чтобы новой ссылкой наказывать поэта за давние "грехи" (что стало бы известно всей Европе), предпочел прекратить это дело. Резолюция его была такая: "Мне это дело подробно известно и совершенно конечно". Этим "прощением", "милостью" царь связывал по рукам и ногам щепетильного поэта.

Впоследствии Пушкин сердился, когда ему напоминала о его "Гавриилиаде", и даже собирал и уничтожал ее списки.

1) Например: "Нередко он в посольствах был счастлив" (стр. 124); "Как их тогда украшен был досуг" (стр. 129); "Ты был и здесь пред нею виноват" (стр. 130) и др.,

2) В черновом варианте: "Пример двора ее пленил".

3) Святой дух изображается на иконах в виде белого голубя. Пушкин комически использовал этот символический образ в своей поэме.

4) По библии, это был дьявол, сатана.

5) Строка из стихотворения Жуковского "Путешественник".

Братья-разбойники

Написано в 1821-1822 гг., напечатано в 1825 г. Представляет собой отрывок - вступление к большой, уничтоженной самим Пушкиным поэме "Разбойники". Поэт писал 13 июня 1823 г. А. Бестужеву, издававшему вместе с Рылеевым альманах "Полярная звезда": "Разбойников я сжег - и поделом. Один отрывок уцелел в руках Николая Раевского; если отечественные звуки: харчевня, кнут, острог - не испугают нежных ушей читательниц "Полярной звезды", то напечатай его" {1}. Сохранились два плана поэмы "Разбойники" (см. "Из ранних редакций", стр.440-441). Из них видно, что это была романтическая поэма (несколько напоминающая "Корсара" Байрона), в которой в качестве трагического, мрачного и разочарованного героя выступал атаман волжских

разбойников. Действие поэмы, судя по первому плану, развивалось таким образом: атаман исчез, есаул тревожится. Любовница атамана плачет и подговаривает разбойников идти на поиски и на помощь ему. Они плывут по Волге и поют. По-видимому, находят его — об этом в плане не сказано. Под Астраханью разбивают купеческий корабль, атаман влюбляется в дочь купца и берет ее в плен. Прежняя любовница от ревности сходит с ума. Новая не любит его и скоро умирает (в плане не указано от чего). Ожесточенный этими несчастьями, атаман "пускается на все злодеяства" и гибнет жертвой предательства есаула. В этом раннем плане еще не было эпизода о братьях-разбойниках. О его происхождении Пушкин сам писал Вяземскому 11 ноября 1823 г.: "Истинное происшествие подало мне повод написать этот отрывок. В 1820 году, в бытность мою в Екатеринославле, два разбойника, закованные вместе, переплыли через Днепр и спаслись. Их отдых на островке, потопление одного из стражей мною не выдумань". Сначала Пушкин хотел сделать из этого небольшую балладу, "молдавскую песню"

вроде "Черной шали":

Нас было два брата, мы вместо росли
И жалкую младость в нужде провели...
и т. д.

Но он отказался от этого замысла и вставил эпизод о братьях-разбойниках в поэму "Разбойники", как вступление, еще до появления главного героя. Судя по второму плану поэмы, представляющему, по-видимому, перечисление уже написанных Пушкиным глав или разделов поэмы, Пушкин довел ее до момента, когда прежняя любовница атамана сходит с ума, а затем сжег написанное, за исключением начала, которое превратил в особую поэму - "Братья-разбойники".

"Братья-разбойники" отличаются от других романтических поэм своим стилем и языком. Пушкин переходит от романтически приподнятого лирического стиля к живому просторечию, (Недаром он шутил в письме к Бестужеву о "нежных ушах читательниц".) В некоторых местах поэмы Пушкин старается приблизиться к стилю народной песни (стихи "Ах юность, юность удалая" и след.), причем и это просторечие и народные выражения, в от-

личие от "Руслана и Людмилы", лишены комической окраски. О языке своей поэмы Пушкин писал Вяземскому 14 октября 1823 г.: "Замечания твои насчет моих "Разбойников" несправедливы; как сюжет c'est un tour de force {2}, это не похвала, - напротив; но как слог - я ничего лучше не написал" (см. т. 9).

Кроме попытки приближения к народному языку и стилю, в "Братьях-разбойниках" существенно было и само содержание поэмы. Крестьяне, ставшие разбойниками от крайней бедности, - эта тема была в то время злободневной. Центральные эпизоды поэмы - тюрьма, жажда освобождения и побег из тюрьмы - находили горячий отклик в сердцах передовых читателей, которые видели даже в этом аллегорический смысл - см. шуточные слова Вяземского в письме к А. И. Тургеневу от 31 мая 1823 г.: "Я благодарил его (Пушкина. - С. Д.) и за то, что он не отнимает у нас, бедных заключенных, надежду плавать и с кандалами на ногах" ("Остафьевский архив князей Вяземских", т. II, СПб, 1899, стр. 327).

Уничтожив поэму "Разбойники", Пушкин перенес ее основное сюжетное положение в

следующую поэму - "Бахчисарайский фонтан" (мрачный хан Гирей и две женщины - Зарема и Мария).

1) "Братья-разбойники" были напечатаны в "Полярной звезде" за 1825 г,

2) это трюк, фокус (франц.).

Бахчисарайский фонтан

Пушкин работал над этой поэмой в 1821, 1822 и 1823 гг. Напечатана поэма была в 1824 г. По своему характеру она прямо противоположна одновременно писавшимся "Братьям-разбойникам". Поэма более всего приближается к канону романтической поэмы отрывочностью формы, иногда намеренной несвязностью хода рассказа, некоторой нарочитой неясностью содержания (например, судьба Заремы и Марии), лиризмом, проникающим всю поэму, и особенной музыкальностью стиха. В этом отношении "Бахчисарайский фонтан" представляет собой удивительное явление: музыкальный подбор звуков, мелодическое течение речи, необыкновенная гармония в развертывании, чередовании поэтических образов и картин - выделяют эту поэму среди всех поэм Пушкина (например, сти-

хи: "Беспечно ожидая хана..." и след. - стр. 146, или описание крымской ночи: "Настала ночь; покрылись тенью // Тавриды сладостной поля..." и далее - стр. 150, или последние двадцать стихов поэмы).

Образ романтического хана Гирея дан в поэме чересчур сжато и не очень удался Пушкину. Зато Зарема, по сравнению с черкешенкой, есть шаг вперед в создании живого характера с яркими индивидуальными чертами. Ее монолог в спальне Марии необыкновенно разнообразен по чувствам, тону и содержанию: здесь и мольбы, и угрозы, и поэтический рассказ о раннем детстве, и выражение ревности, и воспоминание любви и счастья...

Большой лирический эпилог, говорящий о страданиях неразделенной любви самого поэта, Пушкин сократил для печати, "выпустив любовный бред", по его выражению, так как, видимо, опасался догадок и сплетен о его личной жизни и чувствах {1}.

Отзывы Пушкина о его поэме почти все отрицательны:

"Бахчисарайский фонтан, между нами,

дрянь, но эпитафия его прелесть", писал Пушкин Вяземскому 14 октября 1823 г. "Бахчисарайский фонтан" в рукописи назван был Харемом, но меланхолический эпитафия (который, конечно, лучше всей поэмы) соблазнил меня" ("Опровержение на критики"; см. т. 6). В этой же статье Пушкин следующим образом сформулировал свое отношение к самой романтической из своих поэм: "Бахчисарайский фонтан" слабее "Пленника" и, как он, отзывается чтением Байрона, от которого я с ума сходил. Сцена Заремы с Марией имеет драматическое достоинство... А. Раевский {2} хохотал над следующими стихами:

Он часто в сечах роковых
Подъемлет саблю - и с размаха
Недвижим остается вдруг,
Глядит с безумием вокруг,
Бледнеет etc.

Молодые писатели вообще не умеют изображать физические движения страстей. Их герои всегда содрогаются, хохочут дико, скрежещут зубами и проч. Все это смешно, как мелодрама".

Несет ли Польше свой закон. - Имеется в

виду длительная вражда крымских ханов с Польшей и набеги их на эту страну.

Иль козни Генуи лукавой. - Генуэзская республика имела колонии в Крыму и даже после утери их вмешивалась в дела Крымского ханства. Пушкин допускает здесь анахронизм, так как к XVIII в. (к которому, видимо, относится действие поэмы) "козни" Генуи в Крыму давно прекратились.

1) Несколько из этих выброшенных Пушкиным стихов сохранились в рукописи. Они введены в текст поэмы (стихи от "Все думы сердца к ней летят...", до "Свое безумство разглашать?").

2) Приятель Пушкина, старший брат Н. Раевского (которому посвящен "Кавказский пленник").

Цыганы

Написано в 1824 г. и является поэтическим выражением мировоззренческого кризиса, который переживал Пушкин в 1823-1824 гг. Поэт с необычайной глубиной и проницательностью ставит в "Цыганах" ряд важных вопросов, ответа на которые он еще не в состоянии дать. В образе Алеко выражены чув-

ства и мысли самого автора. Недаром Пушкин дал ему свое собственное имя (Александр), а в эпилоге подчеркнул, что и сам он, как и его герой, жил в цыганском таборе.

Своего героя, романтического изгнанника, бежавшего, как и Кавказский пленник, в поисках свободы от культурного общества, где царит рабство, физическое и моральное, Пушкин помещает в среду, где нет ни законов, ни принуждения, никаких взаимных обязательств. Пушкинские "вольные" цыгане, несмотря на множество точно и верно воспроизведенных в поэме черт их быта и жизни, конечно, крайне далеки от подлинных бессарабских цыган, живших тогда в "крепостном состоянии" (см. в разделе "Из ранних редакций", стр. 445-446, черновое предисловие Пушкина к его поэме). Но Пушкину надо было создать своему герою такую обстановку, в которой он мог бы полностью удовлетворить свое страстное желание абсолютной, ничем не ограниченной свободы. И тут обнаруживается, что Алеко, требующий свободы для себя, не желает признавать ее для других, если эта свобода затрагивает его интересы, его

права ("Я не таков, - говорит он старому цыгану, - нет, я, не споря, от прав своих но откажусь"). Поэт развенчивает романтического героя, показывая, что за его стремлением к свободе стоит "безнадежный эгоизм". Абсолютная свобода к любви, как она осуществляется в поэме в действиях Земфиры и Мариулы, оказывается страстью, не создающей никаких духовных связей между любящими, не налаживающей на них никаких моральных обязательств. Земфире скучно, "сердце воли просит" - и она легко, без угрызений совести изменяет Алеко; в соседнем таборе оказался красивый цыган, и после двухдневного знакомства, "брося маленькую дочь" (и мужа), "ушла за ними Мариула"... Свободные цыгане, как оказывается, свободны лишь потому, что они "ленивы" и "робки душой", примитивны, лишены высоких духовных запросов. К тому же свобода вовсе не дает этим свободным цыганам счастья. Старый цыган так же несчастлив, как и Алеко, но только он смиряется перед своим несчастьем, считая, что это нормальный порядок, что "чредою всем дается радость, что было, то не будет вновь".

Так Пушкин в своей поэме развенчал и традиционного романтического героя-свободолюбца, и романтический идеал абсолютной свободы. Заменить эти отвлеченные, туманные романтические идеалы какими-либо более реальными, связанными с общественной жизнью Пушкин еще не умеет, и потому заключение поэмы звучит трагически-безнадежно:

Но счастья нет и между вами,
Природы бедные сыны!..

.....

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет.

Эти выстраданные Пушкиным глубокие мысли и чувства облечены в "Цыганах" в совершенную поэтическую форму. Свободная и в то же время четкая и ясная композиция поэмы, яркие картины жизни и быта цыган, насыщенные лиризмом описания чувств и переживаний героя, драматические диалоги, в которых раскрываются конфликты и противоречия, составляющие содержание поэмы, включенные в поэму посторонние эпизоды - стихи о беззаботной птичке, рассказ об Ови-

дии - все это делает поэму "Цыганы" одним из самых лучших произведений молодого Пушкина.

Закончив поэму в октябре 1824 г., Пушкин не торопился с ее опубликованием. Во-первых, он думал еще обогатить критическое содержание поэмы, введя в нее речь Алеко к новорожденному сыну, в которой звучит горькое разочарование поэта в ценности науки и просвещения, того просвещения, которому Пушкин так искренне и преданно служил и до своего кризиса и после него, до самой смерти. Этот монолог Алеко остался недоработанным в рукописи (см. "Из ранних редакций", стр. 444-445). Другой причиной задержки обнародования "Цыган" было, можно думать, то, что в это время (конец 1824-го и 1825-й г.) Пушкин уже преодолевал свой кризис романтизма, и ему не хотелось нести в публику столь сильное произведение, не выражающее уже его настоящие взгляды. "Цыганы" были напечатаны только в 1827 г, с пометкой на обложке: "Писано в 1824 году".

Меж нами есть одно преданье. - Римский поэт I века Овидий был сослан императором

Августом на берега Черного моря. Предания о жизни его там сохранились в Бессарабии.

Где повелительные грани // Стамбулу русский указал. - Бессарабия долго была театром русско-турецких войн, В 1812 г. там была установлена граница между Россией и Турцией.

Граф Нулин

Написано в конце 1825 г., напечатано в 1827 г. Первая реалистическая поэма Пушкина. В "Графе Нулине" в живых, точных и в то же время поэтических картинах показана русская природа, жизнь и быт самых обыкновенных, ничем не выдающихся людей. Они привлекают теперь поэта, поставившего себе новую задачу - познать, закрепить в слове, поэтическом образе не только экзотику и романтику, а весь обширный мир, окружающий его. Пушкин здесь полностью отходит от возвышенного, "романтического" стиля и говорит простым, почти разговорным стилем, но в то же время высокопоэтическим, с быстрыми переходами от легкого шутливого тона к проникновенно-лирическому ("Кто долго жил в глуши печальной..." и т. д.). "Граф Нулин" - единственная из четырех шутливых поэм

Пушкина, в которой шутка, легкомысленный сюжет - не являются оружием в серьезной литературной или политической борьбе (в "Руслане и Людмиле" - против реакционного романтизма, в "Гавриилиаде" - против правительственного реакционного ханжества, в "Домике в Коломне" - против реакционных критиков-моралистов). Здесь Пушкин только иногда как бы слегка поддразнивает читателей и критиков, не привыкших к поэтическому воспроизведению обыденности. Сюда относится, например, сцена первого появления героини поэмы - но ночью, при луне, в поэтической обстановке, как было принято в романтической поэме, а в заспанном виде, "и ночном чепце, в одном платочке"; описание заднего двора усадьбы, или такие небывалые еще в поэме стихи:

В последних числах сентября
(Презренной прозой говоря)
В деревне скучно, грязь, ненастье
и т. д.

В заметке о "Графе Нулине" (1830, см. т. 6) Пушкин указывает, что его поэма представляет собой пародию на шекспировскую поэму

"Лукреция", написанную на сюжет римской легенды об изгнании царей: сын царя Тарквиния Гордого Тарквиний обесчестил Лукрецию, жену находившегося на войне Коллатина. Лукреция закололась, а Коллатин и его друг Брут подняли народное восстание, кончившееся изгнанием царей. В упомянутой заметке Пушкин полушутя говорит "о мелких причинах великих последствий". "Я подумал, - пишет он, что, если бы Лукреции пришло в голову дать пощечину Тарквинию? быть может, это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? Лукреция б не зарезалась, Публикола {1} не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те... Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть".

Некоторые места в "Графе Нулине" действительно представляют собой остроумную пародию шекспировской поэмы. Вряд ли, однако, можно всерьез принимать слова Пушкина, что основной смысл "Графа Нулина" в

пародировании мало кому известной поэмы Шекспира. Нет сомнения, что без этого указания самого поэта никому из исследователей не пришло бы в голову сделать подобные сопоставления - настолько далека "Лукреция" Шекспира от поэмы Пушкина и по сюжету и по всему характеру. Правдоподобным кажется такое объяснение происхождения поэмы.

Летом 1824 г. Пушкин был сослан Александром I в деревню Михайловское без права выезда оттуда. На хлопоты друзей о возвращении его, на прошения самого Пушкина и его матери всякий раз следовал отказ. Пушкин задумал, получив разрешение, поехать для операции аневризма в Ревель и убежать оттуда за границу, но проведавшие об этом его друзья помешали его замыслу. Он пытался, переодевшись слугой, бежать за границу - и эта попытка не удалась. Положение свое Пушкин считал безнадежным, так как он знал упрямство Александра I и ненависть его к себе. И вдруг в начале декабря он получает известие о неожиданной смерти Александра I в Таганроге. Непредвиденность этого события, которое, как он был уверен, сулило ему ско-

рое освобождение (Пушкин не знал о близком выступлении декабристов), и радость, его по этому поводу и были, видимо, причиной как создания "в два утра" веселой, беззаботной поэмы, так и размышлений о громадной роли случайностей в жизни человека и в истории.

Ожесточенные нападки реакционной критики на "Графа Нулина", главным образом за его "безнравственность", "бессодержательность", за введение в "высокую" поэзию "прозаических" объектов изображения очень волновали Пушкина. В рукописях его сохранились интересные рассуждения на эту тему, в которых в связи с критикой "Графа Нулина" поэт затрагивает серьезные вопросы о задачах литературы, о нравственности и нравоведении в литературе и т. п. (см. т. 6).

С ужасной книжкой Гизота. - Французский историк и политический деятель Франсуа Гизо (Guizot) в это время подвергался преследованиям французского королевского правительства за свои политические брошюры и книги, где доказывал обреченность монархического режима.

1) У Пушкина ошибка: надо Коллатин.

- 1) Ну, смелей! (франц.)
- 2) Прозрачных (ажурных) (франц.).
- 3) Остротами (франц.).
- 4) И так далее, и так далее (франц.).
- 5) Он очень плох, он просто жалок (франц.).
- 6) Великий Потье! (франц.).

Полтава

Написано в 1828 г., напечатано в 1829 г. Начав весной 1828 г. и вскоре бросив работу, Пушкин вернулся к поэме осенью (когда к нему обычно приходило вдохновение) и необыкновенно быстро, по его словам, "в несколько дней", закончил свою вторую по величине (после "Руслана и Людмилы") поэму. Сохранился рассказ об этом со слов Пушкина в воспоминаниях его знакомого М. Юзефовича: "Это было в Петербурге. Погода стояла отвратительная. Он уселся дома, писал целый день. Стихи ему грезились даже во сне, так что он ночью вскакивал с постели и записывал их впотьмах. Когда голод его прохватывал, он бежал в ближайший трактир, стихи преследовали его и туда, он ел на скорую руку что попало и убегал домой, чтобы записать

то, что набралось у него на бегу и за обедом. Таким образом слагались у него сотни стихов в сутки. Иногда мысли, не укладывавшиеся в стихи, записывались им прозой. Но затем следовала отделка, при которой из набросков не оставалось и четвертой части" ("Русский архив", 1880, т. III, стр. 444).

"Полтава" была новаторским произведением, не понятым ни современниками, ни позднейшей критикой. В пределах одной поэмы Пушкин захотел объединить несколько важных политических и личных тем, волновавших его в ту эпоху, и, как казалось ему и его ближайшим друзьям-поэтам, он успешно осуществил эту задачу 1).

Первая тема "Полтавы" - судьба русского государства среди других европейских государств, способность русского народа отстоять свою самостоятельность в борьбе с сильнейшими противниками. Эта тема (борьба Карла XII с Петром) связывалась в сознании Пушкина с недавними, памятными еще ему событиями - нашествием Наполеона и поражением его, "когда падением ославил муж рока свой попятный шаг". Пушкин считал, что, победив

в тяжелой борьбе с могучим врагом, Россия показала свою внутреннюю крепость и силу.

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Героем, стоящим в центре этой темы в "Полтаве", является Петр, а центральным эпизодом - Полтавский бой и пир после победы.

Другая тема, которая не могла не встать перед Пушкиным как государственным мыслителем, - тема многонациональности русского государства, исторической закономерности объединения разных наций в пределах одного государства и прочности их связи с русским народом и государством. Эту тему Пушкин развивает на примере Украины, поставив в центре образ Мазепы, пытавшегося при помощи шведских войск оторвать Украину от России. В поэме Пушкин (в строгом соответствии с историей) показывает Мазепу не как патриота, борющегося за освобождение своей родины 2), а как коварного властолюбца, на деле презирующего и свободу и родину. Эту национальную тему Пушкин, видимо,

сначала хотел выдвинуть на первое место, назвав в рукописи свою поэму "Мазепа".

Пушкин не был бы великим гуманистом, если бы ограничился в своей поэме поэтическими размышлениями о государстве, восхвалением его мощи, забыв о человеке. Третья тема "Полтавы" - тема частного человека, раздавленного колесом истории. Мария - сильная и страстная женщина. Преодолев и религиозные препятствия, и проклятие родителей, и позор в глазах общества, она завоевывает себе счастье, но неожиданно и невинно погибает жертвой игры грандиозных и страшных исторических событий. Выделенная поэтом в конце поэмы (и в конец эпилога), драма Марии придает трагический характер и всему произведению. "Сильные характеры и глубокая, трагическая тень, набросанная на все эти ужасы, вот что увлекло меня", - писал Пушкин о "Полтаве" в статье "Опровержение на критики".

Пушкин придавал большое значение исторической верности описания и освещения событий в своей поэме, так же как и изображения исторических лиц в ней. Он предпослал

"Полтаве" в первом издании предисловие (см. "Из ранних редакций", стр. 449-450), где подчеркивал достоверность изображаемого, и сопровождал поэму примечаниями, цитируя в них подлинные исторические документы; он горячо полемизировал с критиками, упрекавшими его в искажении истории. Эту подлинно реалистическую по содержанию поэму Пушкин написал несколько приподнятым, поэтически украшенным стилем, напоминающим некоторыми чертами стиль народных украинских песен, исторических сказаний, дум (см. начало поэмы - "Богат и славен Кочубей", или описание красоты Марии, или стихи "Не серна под утес уходит...", поэтический монолог Кочубея о трех кладах; звучащие, как песня, стихи о казаке: "Кто при звездах и при луне так поздно едет на коне?" 3)).

"Полтаве" предпослано необыкновенно поэтическое, полное глубокого чувства посвящение. Кому оно адресовано - до сих пор точно не установлено. Есть предположение, что Марии Волконской (урожденной Раевской), жене декабриста С. Н. Волконского, поехавшей за мужем в сибирскую каторгу (см. стихи

"Твоя печальная пустыня, последний звук твоих речей..."; т. 2).

Так оный хитрый кардинал - кардинал Монтальто (XVI в.). Больной, ходивший на костылях, он был выбран на папский престол (под именем Сикста V) кардиналами, которые думали, пользуясь его слабостью, распорядиться сами делами католической церкви. Но тотчас после выборов оказалось, что болезнь была притворной. Сикст V был одним из самых энергичных деятелей римского престола.

Полудержавный властелин - А. Д. Меншиков, приближенный Петра I, после его смерти почти неограниченно распоряжавшийся судьбами государства.

1) Мощь и слава войны,
Как и люди, их суетные поклонники,
Перешли на сторону торжествующего царя.

Байрон (англ.).

1) "Самая зрелая из всех моих стихотворных повестей, - писал Пушкин в заметке "Опровержение на критики", - та, в которой все почти оригинально (а мы из этого только

и бьемся, хоть это еще и не главное), "Полтава", которую Жуковский, Гнедич, Дельвиг, Вяземский предпочитают всему, что я до сих пор ни написал... "Полтава" не имела успеха" (см. т. 6).

2) В противоположность Рылееву, именно так изобразившему Мазепу в своей романтической поэме "Войнаровский" (1825).

3) Сначала Пушкин написал эти стихи даже иным стихотворным размером по сравнению со всей поэмой (см. "Из ранних редакций", стр. 451), подобно вставленным в поэму "Цыганы" стихам о птичке.

Тазит

Эту неоконченную поэму Пушкин писал в конце 1829 - начале 1830 г. Впервые напечатана в 1837 г., после смерти поэта. В черновой рукописи сюжет поэмы продвинул несколько далее (отказ отца невесты Тазита и несколько набросков, говорящих о горьком одиночестве юного горца; см. "Из ранних редакций"). О дальнейшем содержании поэмы дает некоторое представление один из планов ее, сохранившийся в рукописях Пушкина, Там говорится о встрече отвергнутого своими близки-

ми Тазита с миссионером. По-видимому, он становится христианином. Возникает война между адехами и русскими. Тазит принимает участие в сражении - не ясно только, на чьей стороне - и гибнет. Из плана не видно, примиряется ли перед смертью Тазит с отцом и другими единоплеменниками, или он так и умирает отверженным. Основная проблема "Тазита" - национальная (близкая к одной из тем "Полтавы"), вопрос о путях сближения кавказских народов с русскими. Пушкин много размышлял об этом во время своего путешествия на Кавказ летом 1829 г. В "Путешествии в Арзрум" (см. т. 5) он писал: "Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее, углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги". Пушкин предполагает, что экономические связи могут содействовать сближению кавказских горцев с русскими: "Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря (нынешнее Черноморское побережье, принадлежавшее тогда Турции. - С. Б.), отрезав черкесов от торговли с Турцией,

принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши (т. е. европейского культурного быта - С. Б.) может благоприятствовать их укрощению..." ("Путешествие в Арзрум", глава первая). Но самым сильным и действенным средством Пушкин считал проповедь более гуманной религии - христианства. Это средство, по его мнению, должно смягчить суровые нравы горцев и уничтожить их кровавые обычаи. В поэме "Тазит", как бы проверяя эту последнюю мысль, Пушкин рисует реальную картину столкновения новой, христианской морали с суровым бытом и понятиями горцев и показывает трагические последствия этого столкновения.

В стиле поэмы, как замечено исследователями, чувствуется стремление Пушкина приблизиться к формам народного творчества, к приемам восточного сказания.

Описание похорон, открывающее поэму, воспроизводит виденные Пушкиным похороны в одном из осетинских аулов, о чем он рассказывает в первой главе "Путешествия в Арзрум":

"Около сакли толпился народ. На дворе

стояла арба, запряженная двумя волами. Родственники и друзья умершего съезжались со всех сторон и с громким плачем шли в саклю, ударяя себя кулаками в лоб. Женщины стояли смиренно. Мертвеца вынесли на бурке;

...like a warrior taking his rest

With his martial cloak around him; {1}

положили его на арбу. Один из гостей взял ружье покойника, сдул с полки порох и положил его подле тела. Волы тронулись. Гости поехали следом. Тело должно было быть похоронено в горах, верстах в тридцати от аула". Поучительно сравнить это скупое и сдержанное описание со стихами "Тазита", где дана та же картина, но обогащенная множеством живых, конкретных, эмоционально насыщенных поэтических деталей (унылая песнь муллы, мятущиеся кони, отец покойника между женщинами, два узденя, несущие бурку, огнистый закат и многое другое). "К сожалению, никто не мог объяснить мне сих обрядов", - заканчивает Пушкин свое описание в "Путешествии в Арзрум". В поэме он нашел сам прекрасное поэтическое и вполне убедительное их объяснение.

1) Он лежал, как отдыхающий воин, завернувшись в свой боевой плащ (англ.) (из стих. Ч. Вульфа "Погребение сэра Джона Мура").

Домик в Коломне

Написано в 1830 г., напечатано в 1833 г. Содержанием поэмы является литературная борьба, которую приходилось Пушкину вести в это время.

С конца 20-х гг. Пушкин сделался предметом настоящей травли со стороны критиков и журналистов. Его новые произведения, выходявшие в это время, не имели успеха у читателей. Критики упрекали Пушкина в мелкости содержания его поэзии, в отсутствии серьезной идеи или "цели", как тогда говорили. Они отрицали какое-нибудь серьезное содержание и в "Полтаве", и в "Евгении Онегине", а позже - в "Борисе Годунове". За этими упреками скрывалось требование реакционного общества (и правительства), чтобы поэт прославлял, воспевал существующий режим, военные успехи правительства, воспитывал своими стихами общество в духе традиционной казенно-обывательской морали, как это делал в своих "нравственно-сатирических"

романах Булгарин. В этих требованиях морализации и оценках пушкинской поэзии, как легковесной и даже безнравственной, объединялись критики всех лагерей, от Надеждина до Булгарина. Пушкин, решительно не принимавший этих упреков и считавший, что он должен делать свое большое дело независимо от того, что "толпа его бранит" и "плюет на алтарь", где горит его поэтический огонь, - ответил на все обвинения в безыдейности и требования моральных поучений в стихах-поэмой "Домик в Коломне" (1830). Автор самых глубоких по идейному содержанию произведений, Пушкин в то же время отстаивал для поэзии право на несерьезные, легкие, шутливые темы. "Есть люди, - писал он, - которые не признают иной поэзии, кроме страстной или выпренней..." ("Путешествие В. Л. П."; см. т. 6). Он считал более правыми "тех, которые любят поэзию не только в ее лирических порывах или в унылом вдохновении элегии, не только в обширных созданиях драмы и эпопеи, но и в игривости шутки, и в забавах ума, вдохновенных ясной веселостью..." (там же). Об упреках в безнрав-

ственности его поэзии он писал: "...Шутка, вдохновенная сердечной веселостью и минутной игрою воображения, может показаться безнравственною только тем, которые о нравственности имеют детское или темное понятие, смешивая ее с нравоучением, и видят в литературе одно педагогическое занятие" ("Опровержение на критики"; см. т. 6).

В "Домике в Коломне" все полемично, начиная с совершенно анекдотического ее сюжета. Сначала Пушкин думал так начать свою поэму:

Пока меня без милости бранят
За цель моих стихов - иль за бесцелье,
И важные особы мне твердят,
Что ремесло поэта не безделье...
Пока сердито требуют журналы,
Чтоб я воспел победы россиян...

вместо всего этого он пишет поэму на "пустяковый" сюжет. Отказавшись от этого начала, Пушкин перенес свое вышучивание критиков-моралистов в конец поэмы:

Как, разве все тут? шутите! - "Ей-богу".

.....

- Да нет ли хоть у вас нравоученья?

"Нет... или есть: минуточку терпенья..."

И дальше, перечислив ряд издевательских "выводов" из своей поэмы, заключает:

...Больше ничего

Не выжмешь из рассказа моего".

Полемический характер носит и непропорционально длинное вступление, где Пушкин рассуждает о технических вопросах поэтического искусства: о рифмах, о стихотворных размерах, цезурах, о трудности выбранной им строфической формы - октавы {1}. Сами по себе эти рассуждения очень интересны, несмотря на их шутовскую форму, но вне полемической цели, всерьез, Пушкин никогда не стал бы посвящать им столько места в стихотворном произведении. Известно его отрицательное отношение к писателям, которые "...полагают слишком большую важность в форме стиха, в цезуре, в рифме, в употреблении старинных слов, некоторых старинных оборотов и т. п. Все это хорошо; но слишком напоминает гремушки и пеленки младенчества". Так писал Пушкин в том же 1830 г., в котором написан "Домик в Коломне", в рецензии на книгу "Жизнь, поэзия и мысли И. Делорма" (см. т.

6). Полемиически заострена была и включенная в поэму сатирическая характеристика современных журнальных нравов, но при публикации поэмы (лишь через три года после написания ее) Пушкин убрал это место, как и многое другое (он сократил свою небольшую поэму почти на полтора ста стихов!) {2}, сведя его всего к двум строчкам:

И табор свой с классических вершинок
Перенесли мы на толкучий рынок.

Однако в этой легкомысленно-веселой, с первого взгляда, поэме то и дело неожиданно прорываются ноты глубокой грусти и горечи. Прервав с самого начала свой рассказ о "смирной лачужке", где жила вдова с дочерью (строфа IX), поэт переходит к размышлениям, сначала грустным, затем все более горьким и озлобленным; он должен усыплять или давить в сердце "мгновенно прошипевшую змию"... Поэт мрачной шуткой отбрасывает эти мысли:

Я воды Леты пью,
Мне доктором запрещена унылость:
Оставим это, - сделайте мне милость!
Второй раз прерывается рассказ грустным

отступлением после XX строфы, где рассказывается о прекрасной, молодой и богатой графине и о том, что скрывалось за ее гордостью и величавостью:

Но сквозь надменность эту я читал
Иную повесть: долгие печали,
Смиренье жалоб...

и т. д.

Этот эпизод никак не связан с сюжетом "Домика в Коломне", но он, как и предыдущий, приоткрывает подлинный характер с виду "легкомысленной" повести Пушкина, за веселым, шутливым рассказом которой чувствуется грустная, огорченная и озлобленная душа поэта...

Описания Коломны - тогдашнего глухого предместья Петербурга, - образы ее жителей и их мещанского быта, несмотря на шутливый сюжет, даны с необыкновенной реалистической верностью, наблюдательностью и поэтичностью. Они пополняют ту обширную картину русской жизни, которую создал в своих реалистических произведениях Пушкин.

Так писывал Шихматов богомольный. - Кн.

А. А. Ширинский-Шихматов (1785-1837), поэт, видный представитель реакционной литературной школы "шишковистов", "славянофилов". Позже сделался монахом. Он славился тщательностью рифмовки в своих стихах (избегал легких глагольных рифм).

1) Строфа в восемь стихов, где первый стих рифмуется с третьим и пятым; второй-с четвертым и шестым; седьмой стих рифмуется с восьмым. Сложность этой строфы состоит в необходимости подбирать каждый раз не по две (как обычно), а по три точных рифмы, что, по свойству русского языка, но так легко.

2) См. эти выброшенные Пушкиным стихи в разделе "Из ранних редакций".

Анджело

Написано в 1833 г., напечатано в 1834 г. Представляет собой пересказ в форме поэмы комедии Шекспира "Мера за меру". Сюжет пьесы Шекспира взят из итальянской новеллы XVI в. Неизвестно, знал ли это Пушкин, но его поэма является прекрасной, высокохудожественной стилизацией итальянской новеллы эпохи Возрождения. Простодушно-важный, иногда слегка шуточный тон рассказа,

длинный, шестистопный стих со свободной рифмовкой, придающий повествованию спокойствие и торжественность, отдельные короткие эпизоды, из которых складывается поэма, частые диалоги, представляющие собой великолепный перевод соответствующих мест шекспировской комедии, - все это прекрасно воспроизводит и стиль и всю атмосферу эпохи.

Образы драм Шекспира восхищали Пушкина глубиной психологической характеристики и, главное, близкой к подлинной жизни широтой, разнообразием и противоречивостью черт их характеров. "Лица, созданные Шекспиром, - писал он, - но суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; но существа живые, исполненные многих страстей, многих пороков; обстоятельства развивают перед зрителями их разнообразные и многосторонние характеры" ("Table-talk"; см. т. 6). Пушкин сопоставляет два, образа лицемера - шекспировского Анджело и мольеровского Тартюфа. "У Мольера лицемер волочится за женою своего благодетеля - лицемера; принимает именование под сохранение -

лицемеря; спрашивает стакан воды - лицемеря. У Шекспира лицемер произносит судебный приговор с тщеславною строгостию, но справедливо; он оправдывает свою жестокость глубокомысленным суждением государственного человека; он обольщает невинность сильными, увлекательными софизмами, не смешною смесью набожности и волокитства. Анджело лицемер потому что его гласные действия противуречат тайным страстям! А какая глубина в этом характере!" (там же).

По-видимому, Пушкин раньше думал просто перевести "Мера за меру" Шекспира. Сохранилось начало этого перевода (см. т. 4).

Медный всадник

Написано в 1833 г. Поэма представляет собою одно из самых глубоких, смелых и совершенных в художественном отношении произведений Пушкина. Поэт в нем с небывалой силой и смелостью показывает исторически закономерные противоречия жизни во всей их наготе, не стараясь искусственно сводить концы с концами там, где они не сходятся в самой действительности. В поэме в обобщен-

ной образной форме противопоставлены две силы - государство, олицетворенное в Петре I (а затем в символическом образе ожившего памятника, "Медного всадника"), и человек в его личных, частных интересах и переживаниях. Говоря о Петре I, Пушкин вдохновенными стихами прославлял его "великие думы", его творенье - "град Петров", новую столицу, выстроенную в устье Невы, "под мором", на "мшистых, топких берегах", из соображений военно-стратегических, экономических и для установления культурной связи с Европой. Поэт без всяких оговорок восхваляет великое государственное дело Петра, созданный им прекрасный город - "полночных стран красу и диво". Но эти государственные соображения Петра оказываются причиной гибели ни в чем не повинного Евгения, простого, обыкновенного человека. Он не герой, но он умеет и хочет трудиться ("...Я молод и здоров, // Трудиться день и ночь готов"). Он смел во время наводнения; "он страшился, бедный, не за себя. // Он не слышал, как подымался жадный вал, // Ему подошвы подмывая", он "дерзко" плывет по "едва смирившейся" Неве, чтобы

узнать о судьбе своей невесты. Несмотря на бедность, Евгению дороже всего "независимость и честь". Он мечтает о простом человеческом счастье: жениться на любимой девушке и скромно жить своим трудом. Наводнение, показанное в поэме как бунт покоренной, завоеванной стихии против Петра, - губит его жизнь: Параша погибает, а он сходит с ума. Петр I, в своих великих государственных заботах, не думал о незащищенных маленьких людях, принужденных жить под угрозой гибели от наводнений.

Трагическая судьба Евгения и глубокое горестное сочувствие ей поэта выражены в "Медном всаднике" с громадной силой и поэтичностью. А в сцене столкновения безумного Евгения с "Медным всадником", его пламенного, мрачного протеста" влобной угрозы "чудотворному строителю" от лица жертв этого строительства, - язык поэта становится таким же высокопатетическим, как в торжественном вступлении к поэме. Заканчивается "Медный всадник" скупым, сдержанным, нарочито прозаическим сообщением о гибели Евгения:

...Наводнение
Туда, играя, занесло
Домишко ветхий...

.....

Его прошедшею весною
Свезли на барке. Был он пуст
И весь разрушен. У порога
Нашли безумца моего,
И тут же хладный труп его
Похоронили ради бога.

Никакого эпилога, возвращающего нас к первоначальной теме величественного Петербурга, эпилога, примиряющего нас с исторически оправданной трагедией Евгения, Пушкин не дает. Противоречие между полным признанием правоты Петра I, не могущего считаться в своих государственных "великих думах" и делах с интересами отдельного человека, и полным же признанием правоты маленького человека, требующего, чтобы с его интересами считались, - это противоречие остается неразрешенным в поэме. Пушкин был вполне прав, так как это противоречие заключалось не в его мыслях, а в самой жизни; оно было одним из самых острых в

процессе исторического развития. Это противоречие между благом государства и счастьем отдельной личности неизбежно, пока существует классовое общество, и исчезнет оно вместе с окончательным его уничтожением.

В художественном отношении "Медный всадник" представляет собою чудо искусства. В предельно ограниченном объеме (в поэме всего 481 стих) заключено множество ярких, живых и высокопоэтических картин - см., например, рассыпанные перед читателем во вступлении отдельные образы, из которых составляется цельный величественный образ Петербурга; насыщенное силой и динамикой, из ряда частных картин слагающееся описание наводнения, удивительное по поэтичности и яркости изображение бреда безумного Евгения и многое Другое. Отличает от других пушкинских поэм "Медного всадника" и удивительная гибкость, и разнообразие его стиля, то торжественного и слегка архаизированного, то предельно простого, разговорного, но всегда поэтичного. Особый характер придает поэме применение приемов почти музыкального строения образов: повторение, с некото-

рыми вариациями, одних и тех же слов и выражений (сторожевые львы над крыльцом дома, образ памятника, "кумира на бронзовом коне"), проведение через всю поэму в разных изменениях одного и того же тематического мотива - дождя и ветра, Невы - в бесчисленных еп аспектах и т. п., не говоря уже о прославленной звукописи этой удивительной поэмы.

Ссылки Пушкина на Мицкевича в примечаниях к поэме имеют в виду серию стихотворений Мицкевича о Петербурге в недавно перед тем вышедшей в свет третьей части его поэмы "Поминки" ("Dziady"). Несмотря на доброжелательный тон упоминания о Мицкевиче, Пушкин в ряде мест описания Петербурга во вступлении (а также отчасти при изображении памятника Петру I) полемизирует с польским поэтом, выразившим в своих стихах резко отрицательное мнение и о Петре I, и о его деятельности, и о Петербурге, и о русских вообще.

"Медный всадник" не был напечатан при жизни Пушкина, так как Николай I потребовал от поэта таких изменений в тексте поэ-

мы, которых он не захотел делать. Поэма была напечатана вскоре после смерти Пушкина в переработке Жуковского, совершенно искажившего основной ее смысл.

Сказка о попе и о работнике его Балде

Написано осенью 1830 г. в Болдино. Представляет собою во многом близкую к подлиннику обработку народной сказки, конспективная запись которой сохранилась в бумагах Пушкина. Сюжет о жадном попе и перехитрившем и наказавшем его батраке очень распространен в народных сказках. В своей обработке Пушкин усилил социальный смысл этой антипоповской сказки и очистил ее от всего лишнего. Он убрал, например, эпизод о том, как Балда вылечил одержимую бесом царскую дочь, исключил сцену привода Балдой из леса к попу медведя, говорящий о необыкновенной физической силе Балды. Он сохранил только рассказ о собирании оброка с чертей в пользу попа ("деловые" связи служителя церкви - с чертями!). Пушкин развил образ работника Балды, подчеркнув не только его хитрость и ум, но и трудолюбие ("работает за семерых"), умение заслужить любовь

всех окружающих (кроме попа).

Все это делало сказку Пушкина политически нецензурной, и она была напечатана уже после смерти поэта в 1840 г. в переработке Жуковского. В этом издании поп был заменен купцом ("Жил-был купец Кузьма Остолоп по прозванию осиновый лоб" и т. д.).

Сказка написана народным, так называемым "раешным" стихом. Текст распадается на резко отделенные двустушия, лишенные какого-либо стихотворного размера, но связанные внутри четкой рифмой и нередко параллелизмом построения {1}. Этот грубоватый, отрывистый по своему характеру стих Пушкин с величайшим мастерством применяет для плавного повествования сказки.

1) "Поживи-ка на моем подворье, // Окажи свое усердье и проворье"; "Ест за четверых, // Работает за семерых"; "Попадья Балдой не нахвалится, // Поповна о Балде лишь и печалится" и т. д.

Сказка о медведихе

Неоконченная сказка, написанная осенью 1830 г. в Болдине (напечатана в 1855 г.). Лучший образец подлинно народного стиля у

Пушкина. Народный источник сказки не найден; возможно, что сюжет ее целиком принадлежит Пушкину. По стилю и стиху сказка приближается к народной песне или причитанию.

Кроме сурово-драматического описания гибели медведихи и трех медвежат, кроме поэтического, подлинно народного по стилю плача медведя по покойнице интересна кончающая отрывок характеристика зверей, пришедших на поминки {1}. В них прекрасно выражена Пушкиным точка зрения угнетенного крестьянина: "Зайка бедненький, зайка серенький", это - "смерд", то есть мужик; еж - это "целовальник" (кабатчик): "все-то он щетинится"; дворянин, помещик изображен наиболее выразительно:

Прибегал туто волк-дворянин,
У него-то зубы закусливые,
У него-то глаза завистливые...

1) Это место, несомненно, восходит к старинному народному "сказанию о птицах", где такое же сопоставление птичьих пород с людскими сословиями и профессиями,

Например:

Чирята на море крестьяне,
Воробьи на море холопи,
Ворон на море игумен,
Живет он всегда позадь гумен...

Сказка о царе Салтане

Написано в 1831 г., напечатано в 1832 г. Первоначально, еще в 1828 г., Пушкин думал писать эту сказку, чередуя стихи с прозаическим текстом, но этот вариант он не стал продолжать и перешел целиком на стихи.

"Сказка о царе Салтане" представляет собой обработку народной сказки, записанной Пушкиным конспективно в двух разных вариантах. Он не следовал точно ни одному из них, освобождая сказку от сюжетной путаницы (результата порчи текста в устной передаче), от грубых нехудожественных деталей, вносимых рассказчиками. Многие Пушкин добавлял от себя, сохраняя везде истинно народный характер ее содержания. Написана сказка попарно рифмованным четырехстопным хореем. Этим размером в те времена обычно писались "подражания" народной поэзии.

Длинное заглавие сказки имитирует обыч-

ные в лубочных (народных) книжках заглавия сказок и богатырских повестей.

В "Сказке о царе Салтане" Пушкина соединены две темы. Первая традиционная в народных сказках судьба оклеветанной жены и благополучное разрешение этой судьбы. Вторая, введенная в сказку самим Пушкиным, народный образ идеального, счастливого морского государства. На острове, где княжит Гвидон, "все богаты, изоб нет, везде палаты", чудесная белочка своими золотыми скорлупками и изумрудными ядрами создает богатство острова, надежная волшебная охрана, тридцать три богатыря, выходящие из моря, охраняют его от внешних врагов. У Пушкина, как в народном творчестве (на что указал М. Горький в докладе на Первом съезде писателей), чудеса, волшебные предметы и действия выражают мечту народа об овладении природой для счастливой жизни.

Сказка о рыбаке и рыбке

Написано осенью 1833 г., напечатано в 1835 г. Эта сказка является своеобразным, чисто пушкинским вариантом широко распространенной в поэзии разных народов сказки

о старухе, наказанной за ее стремление к богатству и власти. В русских сказках на этот сюжет старик и старуха живут в лесу, и желания старухи исполняет или чудесное дерево, или птичка, или святой и т. п. Пушкин воспользовался соответствующей немецкой сказкой, где действие происходит на берегу моря, старик - рыбак, а в роли исполнителя всех желаний выступает рыба камбала. Пушкин заменил этот малопоэтический образ (к тому же в немецкой сказке камбала оказывается заколдованным принцем!) -золотой рыбкой, народным символом богатства, обилия, удачи {1}.

Другое изменение, внесенное Пушкиным в сюжет, придает сказке совершенно новый идейный смысл. Во всех народных вариантах идея сказки - реакционная. Она отражает забитость, смиренность народа. В сказке осуждается стремление подняться выше своего убогого состояния. Старуха желает получить вместо землянки новый дом, затем стать из крестьянки барыней (а старик при этом становится барином), затем царицей (а старик - царем) и наконец самим богом. За это они оба

наказываются: в одних вариантах они превращены в медведей (или в свиней), в других - возвращаются к прежней нищете. Смысл сказки в ее народных вариантах (у всех народов) - "всяк сверчок знай свой шесток".

В пушкинской сказке судьба старика отделена от судьбы старухи; он так и остается простым крестьянином-рыбаком, и чем выше старуха поднимается по "социальной лестнице", тем тяжелее становится гнет, испытываемый стариком. Старуха у Пушкина наказана не за то, что она хочет жить барыней или царицей, а за то, что, ставши барыней, она бьет и "за чупрун таскает" своих слуг, мужа-крестьянина посылает служить на конюшню; ставши царицей, она окружена грозной стражей, которая чуть не изрубила топорами ее старика, владычицей морскою она хочет быть для того, чтобы рыбка золотая служила ей и была у ней на посылках. Это придает сказке Пушкина глубокий прогрессивный смысл.

Сказка написана особым, созданным Пушкиным стихом, которым он написал одну из "Песен о Стеньке Разине" ("Как по Волге-роке

по широкой..." и большинство "Песен западных славян".

1) В былине о Садке - богатом госте - герой добывает в Ильмень-озере "рыбу - золото перо" и становится богачом.

Сказка о мертвой царевне

Написано осенью 1833 г., напечатано в 1834 г. Представляет собой свободную обработку в чисто народном духе русской сказки {1}, с введением мотивов из западноевропейского (немецкого) фольклора. При обработке Пушкин, по своему обыкновению, убирал ненужные сюжетные детали, не связанные с основной мыслью сказки. Написана сказка литературным (хореическим) стихом.

Тома этой сказки у Пушкина - чисто моральная. Необыкновенной красавице царице, умной, высокой, стройной, которая "на свете всех милее, всех румяней и белее" и в то же время "горда, ломлива, своенравна и ревнива", противопоставляется красавица царевна, образ идеальной девушки, с точки зрения народного рассказчика, от лица которого говорит Пушкин.

Давно уже исследователями обращено

внимание на то, что эта идеальная царевна в сказке больше всего похожа на крестьянскую девушку, скромную, добрую, хорошо воспитанную (по-крестьянски) и, главное, любящую и умеющую трудиться. Попав в незнакомый пустой терем, "дом царевна обошла, все порядком убрала, засветила богу свечку, затопила жарко печку"... Когда она, поклонившись, согласно крестьянскому этикету, низко в пояс, извиняется перед богатырями, что зашла к ним незваная, - Пушкин, перевоплотившийся в народного, крестьянского рассказчика, уверенного, что именно так ведут себя "хорошие" царевны, продолжает: "Вмиг по речи то опознали, что царевну принимали...".

Подробно развивается эпизод пребывания красавицы царевны в доме семи богатырей, "румяных усачей", который скоро полюбили ее. Пушкин раскрывает здесь картину необычайной нравственной красоты, взаимного уважения и целомудрия, характеризующие моральные идеалы народа. Удивительна в этом отношении сцена сватовства семи богатырей к царевне и ее отказа, отсутствующая

в народных источниках и введенная самим Пушкиным.

"Сказка о мертвой царевне" - самая лирическая и поэтичная из всех сказок Пушкина. Некоторые места ее - похороны царевны, ответ ветра королевичу Елисею и др. - принадлежат в поэтическом отношении к лучшему из того, что написано Пушкиным.

1) Существует конспективная запись Пушкина этой сказки, по-видимому, со слов Арины Родионовны (см. "Из ранних редакций"). Трудно сказать, в таком ли варианте слышал Пушкин сказку, или он просто не записал ее начала.

Сказка о золотом петушке

Эта последняя пушкинская сказка была написана в 1834 г. (напечатана в 1835 г.) и представляет собой единственный случай у Пушкина, когда в основу сюжета русской народной сказки положен чисто литературный источник: шутливая новелла американского писателя В. Ирвинга "Легенда об арабском звездочете". Пушкин с удивительным мастерством заменил сложный, запутанный, обремененный посторонними деталями ход по-

вестования Ирвинга простой, четкой, художественно выразительной композицией, а условно литературные фантастические образы - образами русской народной поэзии. Он создал на этой основе свою сказку, близкую и в идейном и образном отношении к подлинно-народному творчеству.

Шутливая форма рассказа, иронический тон в описании царя Дадона и его действий, крайняя лаконичность повествования, отсутствие авторских разъяснений - все это часто приводило критиков к неправильному пониманию простого смысла сказки о золотом петушке: в ней искали политической темы, намеков на личные отношения Пушкина к Николаю I и т. д. {1}. На самом деле Пушкин написал шутливую сказку на тему об опасности, губительности женских чар.

Пушкинский Дадон - не трус, не лентяй; "смолоду был грозен он // И соседям то и дело // Наносил обиды смело"; только под старость он решает "отдохнуть от ратных дел". Он со своими воеводами успешно отбивает нападения соседей. Помощь колдуна ему нужна только для того, чтобы заранее узнавать, от-

куда грозит ему нападение соседей, которые "беспокоить стали старого царя". Предупреждения волшебного золотого петушка помогают Дадону "дать отпор со всех сторон" врагам и водворить мир в своем царстве.

После двухлетнего затишья петушок трижды предупреждает о враге или о какой-то другой опасности на востоке. Но вместо вражеских войск сначала оба сына царя, а затем и сам Дадон находят красавицу шамаханскую царицу. Она и есть тот враг, о котором предупреждал золотой петушок: от нее погибают два сына Дадона, заколовшие друг друга во время пира, и оба их войска, от нее гибнет старый скопец-звездочет, настойчиво требующий у Дадона исполнения его неосторожного обещания. От нее гибнет и сам старый Дадон. Шутливая сказка заканчивается шутливым нравоучением:

Сказка ложь, да в ней намек!

Добрым молодцам урок.

"Сказка о золотом петушке" по содержанию целиком примыкает к существующим в народном творчестве шутливым сказкам, по-вестям, анекдотам на тему о том, что женская

красота страшнее всякого врага.

При публикации сказки в "Библиотеке для чтения" цензор А. В. Никитенко, видимо, боясь каких-нибудь политических "применений", запретил печатать заключительное двустушие сказки, а также стих "Царствуй, лежа на боку". Пушкин с возмущением писал об этом в своем дневнике: "Цензура не пропустила следующие стихи в сказке моей о золотом петушке:

Царствуй, лежа на боку

и

Сказка ложь, да в ней намек,

Добрым молодцам урок.

Времена Красовского возвратились. Никитенко глупее Бирукова" {2} (см. т. 7).

1) Распространенности подобных толкований способствовала широкая популярность оперы Римского-Корсакова "Золотой петушок" (1907), в которой сюжет и образы пушкинской сказки были совершенно переосмыслены: царь Дадон изображен ленивым, трусливым и предельно глупым; таково же и все "Дадонино царство" - его сыновья, советники, войска и весь народ. У Пушкина нет ничего

подобного.

2) Красовский и Бируков - цензоры начала 20-х гг., славившиеся своей глупостью и трусливостью.

Монах

1813

Самое раннее и слабое из дошедших до нас произведений Пушкина. Оно случайно сохранилось в архиве его лицейского товарища князя А. М. Горчакова. В этой поэме четырнадцатилетний Пушкин переосмысливал христианскую легенду о святом Иоанне Новгородском, который победил соблазнявшего его черта и съездил на нем в Иерусалим на поклонение гробу господню. Поэма показывает атеистические настроения Пушкина еще в раннем возрасте.

Бова

1814

Первое обращение Пушкина к сюжету популярнейшей в то время сказки о Бове-королевиче. Нисколько не заботясь о народности в содержании, языке, Пушкин, как было принято тогда, разрабатывал этот сюжет в веселом, легком, слегка эротическом духе, подра-

жая Радищеву в его поэме "Бова". Необычный в тогдашней поэзии стихотворный размер (не рифмованный четырехстопный хорей с дактилическим окончанием), приближающийся к размеру некоторых русских народных песен, Пушкин заимствовал у Карамзина (начало поэмы "Илья Муромец"). Характерно для юноши Пушкина в этой поэме крайне непочтительное отношение к царям и их приближенным. Пушкин не стал продолжать Бову, по-видимому, узнав, что поэт Батюшков собирается писать поэму на тот же сюжет {1}.

С болтуном, страны Эллинския - Гомером.

1) В письме к Вяземскому от 27 марта 1816 г. Пушкин говорит, что Батюшков "завоевал" у него Бову. (Батюшков также не написал поэмы о Бове.)

Исповедь

("Вечерня отошла давно...")

1823

По-видимому, начало поэмы. Ситуация (грешник исповедуется ночью монаху) напоминает "Гяура" Байрона (позже не раз была использована Лермонтовым). Содержание этой исповеди и было, очевидно, темой поэ-

МЫ.

Поэма о гетеристах (ИОРДАКИ)

1821-1822

В поэме, судя по плану, Пушкин хотел воспроизвести некоторые драматические эпизоды греческого восстания против турок. Действие поэмы начинается в ночь бегства Александра Ипсиланти, вождя восстания, изменившего своим соратникам и убежавшего в Австрию. Горой поэмы - Иордаки (настоящее имя его было - Георгаки) спасает Ипсиланти от убийц, и после его бегства греки, под его начальством, отступают в горы. Осажденный турками в монастыре Секу, Иордаки героически гибнет, взорвав монастырь вместе со своим отрядом и осаждавшими его турками.

Актеон

1822

Судя по плану, - замысел шуточной поэмы, в сюжете которой объединялись в свободной обработке несколько разных античных мифов. Герой поэмы Актеон намечался в плане как уверенный в успехе соблазнитель, наказанный за свои любовные похождения.

1) Фат, соблазнив няюду Феону, расспраши-

вает ее о любовных приключениях Дианы. Феона наговаривает на Морфея и т. д. Актеон видит Диану, влюбляется в нее, застает ее во время купанья, умирает в пещере Феоны (франц.).

Вадим
1822

Одна из попыток создать образ романтического героя на материале из русской истории. По недостоверному летописному сказанию, Вадим поднял в 863 г. восстание в Новгороде против варяжского князя Рюрика; восстание было подавлено, и Вадим убит. Это предание послужило темой ряда произведений XVIII и начала XIX в., и образ вождя новгородцев Вадима, трактованный, с различных точек зрения, вошел в тогдашнюю литературу. Пушкин начал в 1821 г. писать о нем трагедию и бросил, написав немногим больше двадцати стихов ночной разговор на могиле новгородского посадника Гостомысла тайно вернувшегося из изгнания Вадима со своим единомышленником Рогдаем (см. т. 4). Судя по сохранившемуся началу плана поэмы {1}, эта сцена должна была стать содержанием второй пес-

ни "Вадима". В третьей песне должен был быть свадебный пир у Рюрика и неожиданное появление на нем Вадима. Дальнейшее содержание поэмы неизвестно.

Пушкин напечатал большую часть написанной им первой песни поэмы без указания в заглавии (и в тексте), что герой ее - Вадим.

1) Дошедшая до нас песнь поэмы отходит от плана: Пушкин отказался от эпизода с покусением рыбака на убийство Вадима.

Бова

1822

Второе обращение Пушкина к сюжету сказки о Бове-королевиче (первое - в 1814 г.; третье - в 1834 г.; см. Планы и отрывки сказок. Он разработал два разных варианта плана и три варианта начала поэмы. Судя по планам, Пушкин, в отличие от "Руслана и Людмилы" и поэмы о Мстиславе, хотел ограничиться только поэтическим пересказом известной сказки, меняя кое-где довольно сложную и запутанную ее композицию, но не вводя в сюжет ничего нового (за исключением того, что во втором плане царица Мельчигрея оказывается чародейкой, а пилигрим, обокравший Бо-

ву, - подосланным ею духом). Наброски начала показывают, что Пушкин не намеревался в своей поэме воспроизводить стиль народного рассказа - они написаны обычным стилем пушкинской поэмы.

Мстислав

1822

Существует только план этой поэмы. Пушкин, вероятно, и не начинал ее писать, хотя о своем намерении рассказать о сыне Владимира Святого князе Мстиславе он говорил в эпилоге "Кавказского пленника" {1}. В примечании к этому месту эпилога Пушкин сообщил о Мстиславе некоторые сведения, почерпнутые из "Истории государства Российского" Карамзина. Судя по плану неосуществленной поэмы о Мстиславе, Пушкин, очевидно, хотел в этой поэме соединить элементы подлинной истории (о разделении Киевского государства на уделы, о набегах печенегов, о сражениях Мстислава с косогами и т. п.) с мотивами и образами народных былин об Илье Муромце и Добрыне, о бое Ильи с сыном и т. п. и, кроме того, ввести собственные эпизоды и образы - в духе традиционных тогда волшебных ска-

зок западноевропейского типа, а также хорошо знакомые ему картины Кавказа.

1) Быть может, повторит она (муза. - С. Б.)

Преданья грозного Кавказа;

Расскажет повесть дальних стран,

Мстислава древний поединок...

1) Большие сражения и снова сражения
(франц.).

Агасфер

("В еврейской хижине лампада...")

1826

Планов этой поэмы не сохранилось. О замысле ее мы узнаем из очень неполной и несовершенной записи рассказа Пушкина в дневнике приятеля Мицкевича Ф. Малевского, присутствовавшего при рассказе (подлинник по-польски): "19 февраля 1827... Пушкин. О своем "Juif errant" {1}. В хижине еврея умирает дитя. Среди плача человек говорит матери: "Не плачь. Не смерть, жизнь ужасна. Я - скитающийся жид. Я видел Иисуса, несущего крест, и издевался". При нем умирает двадцатилетний старец. Это на него произвело большее впечатление, чем падение Римской империи" ("Литературное наследство" 1952, т.

58, стр. 266).

В поэме Пушкин единственный раз в своей поэзии применил нерифмованный четырехстопный ямб.

1) Странствующий еврей (франц.), иначе: "Вечный Жид" прозвище легендарного Агасфера.

Кирджали

1828

Планов этой поэмы не сохранилось. Под этим заглавием Пушкин позже, в 1834 г., написал прозаическую повесть (см. т. 5).

Казачка и черкес

1829

Связь наброска "Полюби меня, девица" с планом поэмы о любви черкеса и казачки предположительна.

Езерский

1832-1833

Сюжет этого произведения (не имеющего в рукописи заглавия и названного редакторами по имени главного героя) неизвестен, так как никаких планов его не сохранилось. Некоторую связь оно имеет с "Медным всадником", куда перенесен ряд стихов из "Езерского". Но

отождествлять эти два различных замысла нельзя: "Медный всадник" - законченная небольшая поэма, меньше пятисот стихов, а "Езерский" - крупное произведение. Одна родословная его героя (еще до начала действия) занимает более двухсот стихов. По-видимому, закончив в 1831 г. "Евгения Онегина", Пушкин предполагал написать второй "роман в стихах". Об этом, помимо предполагавшихся обширных размеров произведения и примененной в нем той же "онегинской строфы", нигде более не использованной Пушкиным, говорит и прямое указание самого поэта в одном из черновиков "Езерского":

...Имею право
Избрать соседа моего
В герои нового романа,
и т. д.

По рукописям видно, что Пушкин долго колебался, сделать ли своего героя бедным чиновником (к чему он и пришел в конце концов), или богатым барином {1} (см. эти очень интересные варианты в разделе "Из ранних редакций"). В написанное Пушкиным начало романа, кроме рассказа о предках его героя,

включены его рассуждения о потомственном, родовитом дворянстве, о предпочтении "ничтожного героя", чиновника - "коллежского регистратора" романтическим возвышенным героям и возвышенным предметам и о свободе поэтического творчества.

В строфах о выборе в герои романа (или поэмы) обыкновенного человека, мелкого чиновника, Пушкин отстаивает перед критикой, разделяющей романтические представления о литературе, реалистическое направление с его интересом к обычной действительности, которому следовал он сам, начиная с середины 20-х гг. Наконец, спор о свободе поэтического выбора ведется против реакционной критики, усердно навязывавшей в эти годы Пушкину благонамеренные темы и морально-воспитательные задачи. Под "толпой" Пушкин разумел основную массу читателей 30-х гг. - реакционных обывателей, помещиков и чиновников.

Что их поносит шут Фиглярин.- Этим именем в журналистике пушкинского окружения называли Ф. В. Булгарина, популярнейшего романиста, издателя самой распростра-

ненной газеты "Северная пчела", беспринципного, реакционного публициста и тайного агента жандармского отделения.

1) Впрочем, возможно, что этот богач (Рулин или Волин, как он назван в рукописях) по ходу романа должен был разориться и превратиться в бедняка.

1) С самого начала (лат.).

3) третье сословие (франц.).

Юдифь

1836

По-видимому, последнее обращение Пушкина к жанру поэмы. Сюжетом он взял легенду о библейской героине Юдифи, красавице, явившейся к ассирийскому сатрапу Олоферну, державшему в долгой осаде еврейскую крепость Ветилую. Юдифь обольщает Олоферна и во время сна после пиршества отрубает ему голову, после чего ассирийское войско бежит, и крепость спасена. Героическому содержанию поэмы соответствует архаическая торжественная поэзия ее языка.

Царь Никита и сорок его дочерей

1822

Эта сказка непристойного содержания бы-

ла написана Пушкиным целиком. Напечатанный выше отрывок начала сохранился в рукописи Пушкина, остальная часть (не приведенная в настоящем издании) - в не очень надежных копиях. Сказка представляет собой озорную шутку, не претендующую на связь с народной поэзией - ни по содержанию, ни по стилю.

"Иван-царевич по лесам..."

1824

Оставленный Пушкиным в самом начале замысел сказки, который разрабатывал, можно думать, народный сказочный мотив о сером волке, пощаженном Иваном-царевичем в делающемся его другом и спасителем. Мотив подобной сказки Пушкин тогда же (в 1824-1826 гг.) ввел в "пролог" к "Руслану и Людмиле":

В темнице там царевна тужит,
А бурый волк ей верно служит.

"В славной в Муромской земле..."

1833

Начало не написанной Пушкиным сказки на сюжет былины об Илье Муромце. По былине, Илья Муромец родился в селе Карачарове.

Неясно, почему Пушкин "крестьянского сына" Илью сделал сыном дьячка.

"Царь увидел пред собою..."

1833

Отрывок из не написанной Пушкиным сказки. Царь колдует над волшебными фигурками воинов и кораблей: то, что он делает с этими фигурками, точно произойдет с подлинными войсками и кораблями его врагов. Эпизод колдовства над куколками Пушкин взял из "Легенды об арабском звездочете" В. Ирвинга (см. прим. к "Сказке о золотом петушке") и добавил от себя описание колдовства над фигурками кораблей, барок, каторг {1} и шлюпок.

1) Каторга (или галера) - большое гребное судно.

Отрывок плана в текста сказка о Бове-королевиче

Пушкин трижды пытался разработать популярный тогда сюжет народной сказки о Бове: в лицее в 1814 г., в 1822 г. и в 1834 г. На этот раз он хотел обработать его в духе сказок "О царе Салтане" и "О мертвой царевне" и написать таким же стихом. Судя по этому от-

рывку плана, Пушкин думал, отказавшись от композиционных перестановок в сюжете, начать свою сказку с освобождения Бовы из темницы. Два стиха, записанных около плана, по-видимому, предназначались или для заключения сказки, или входили во вступление к ней.